

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

**КРИМИНАЛИСТИКА:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

№ 3 (15) 2020

Иркутск
Восточно-Сибирский институт МВД России
2020

КРИМИНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

№ 3 (15) 2020

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77—69590 от 02.05.2017

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени
доктора наук, рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по каталогу Роспечать 39897. Цена свободная.

Издается с мая 2017 года
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя, типографии:
ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
тел. (3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953
<https://вси.мвд.рф/>
e-mail: esiirk-kafkrim@mvd.gov.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Грибунов О. П., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России по научной работе.

Заместитель главного редактора:

Шаевич А. А., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России.

Ответственный секретарь:

Третьякова Е. И., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Варданян А. В., заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики Ростовского юридического института МВД России;

Васюков В. Ф., доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова;

Жакулин А. Б., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова;

Железняк Н. С., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России;

Зайцева Е. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России;

Николюк В. В., заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия;

Никонович С. Л., доктор юридических наук, доцент, профессор высшей школы бизнеса, менеджмента и права Российского государственного университета туризма и сервиса;

Россинский С. Б., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Степаненко Д. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России.

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. В текстах статей сохранено авторское изложение и выполнено лишь необходимое техническое редактирование, в связи с чем редакционная коллегия не несёт ответственности за возможные неточности.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях.

Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 25 сентября 2020 г. Дата выхода в свет 30 сентября 2020 г.

Формат 60 × 84/8

Цена: свободная

Усл. печ. л. 31,0. Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз. Заказ № 34

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

FORENSICS: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

№ 3 (15) 2020

The founder of the journal is Federal State Budget Institution
for Higher Education
“East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation”

COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS

Registration: The Federal service for supervision in the sphere
of mass communications

PI No. FS 77—69590 dated 02 May, 2017

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which
the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published,
for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation.

Subscription index in the Rospechat catalogue 39897. The price of free.

Published since may 2017.
Issued four times a year

Address of the editorial office, publisher:
664074, Irkutsk, Lermontova St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
<https://вси.мвд.рф/>
e-mail: esiirk-kafkrim@mvd.gov.ru

© East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, 2020

Editorial staff

Chief Editor:

Gribunov O. P., Doctor of Law, Professor, Deputy Chief of East-Siberian Institute of the MIA of Russia for Science.

Deputy Chief Editor:

Shaevich A. A., Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia.

Executive Secretary:

Tretyakova E. I., Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russia.

Members of the Editorial Board:

Vardanyan A. V., Honored Scientist of Russia, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russia;

Vasyukov V. F., Doctor of law, Professor of the Department of criminology and preliminary investigation in the police Department of the Orel law Institute of the MIA of the Russia named after V. V. Lukyanov

Zhakulin A. B., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of technical and forensic support of disclosure and investigation of crimes of Karaganda Academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov

Zheleznyak N. S., Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operational-Search Activity of the Siberian Law Institute of the MIA of the Russia;

Zaytseva E. A., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Volgograd Academy of the MIA of the Russia;

Nikolyuk V. V., Honored Scientist of Russia, Doctor of Law, Professor, Chief Scientific Officer of the Department of Criminal Procedures Problems, Russian State Justice University;

Nikonovich S. L., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the higher school of business, management and law of the Russian state University of tourism and service;

Rossinsky S. B., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Proceedings of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

Stepanenko D. A., Doctor of Law, Professor, professor of the Department of Criminalistics of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia.

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is free of charge. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 25th of September 2020. Date of publication on 30th September 2020.

Format 60 × 84/8

Price: free

Conventional printed sheets — 31,0. Issue 1000 copies

Fist issue 60 copies. Order No. 74.

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-розыскная деятельность

Агафонов А. С. К вопросу о необходимости формирования частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств.....	11
Гвоздарёв Р. П. Криминалистический анализ способа совершения преступления, предусмотренного ст. 193 УК РФ.....	20
Грибунов О. П., Ващенко Б. М. Влияние исходной следственной ситуации на тактику следственного осмотра по делам о дорожно-транспортных преступлениях, совершенных с участием междугородных автобусов	28
Григорян С. А. Законодательство в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости как источник для формирования частной криминалистической методики расследования указанных деяний.....	35
Десятов М. С. Содержание и особенности формирования правового сознания лиц, участвующих в оперативно-розыскных правоотношениях.....	43
Дронова О. Б., Рыжков И. В. Начальные этапы формирования и использования в работе экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел системы натуральных коллекций (конец XIX — середина XX века)	50
Журавлев С. Ю. Криминалистическая культура междисциплинарной антикоррупционной подготовки сотрудников органов внутренних.....	59
Кудрявцев Д. С., Тишутина И. В. О некоторых проблемах организации деятельности следственно-оперативных групп.....	68
Маилян А. В. Особенности проведения допроса при расследовании хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа	78

Могильникова А. В. Исследование дизельных топлив методом флуоресцентной спектроскопии при расследовании поджогов	85
Пермяков А. Л. Механистический подход к рассмотрению деятельности следователя.....	93
Поддубный И. В. К вопросу об использовании злоумышленниками программ удаленного доступа и вредоносного ПО как средств совершения хищений с банковских карт граждан	99
Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров.....	106
Смирнова И. Г., Фойгель Е. И. Криминалистическое исследование человека: современное состояние и перспективы развития	124
Смолькова И. В. Экстрасенсы и расследование преступлений	132
Смушкин А. Б. О структуре электронной цифровой криминалистики ..	140
Степаненко Д. А., Степаненко Р. А. Принципы построения общей методики расследования взяточничества и иных коррупционных преступлений.....	149
Унжакова С. В., Ишигеев В. С., Крапивин В. С., Шеков А. А. Особенности производства осмотра места происшествия при проверке сообщений о лесных пожарах	157
Черкашин Р. Н. Исторический аспект провокации в сыскной деятельности полиции	166
Чиненов А. В., Новоселов Н. Г. К вопросу установления владельца абонентского номера сотовой связи.....	172

Уголовный процесс

Гаврилов Б. Я. Мифы и реалии современного российского досудебного производства	180
Загорьян С. Г. Некоторые проблемные вопросы института свидетельских показаний	191

Миронова Г. А. Собираение и формирование уголовных доказательств как элементы процесса доказывания: понятие, содержание, соотношение	200
Мисник И. В. Неопределенность процессуального статуса родственников потерпевших, умерших во время уголовного судопроизводства	208
Мядзелец О. А. Категория «незаконность мер процессуального принуждения» в контексте права на возмещение вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 133 УПК РФ).....	214
Попова И. П. Получение образцов для сравнительного исследования	226
Шмарев А. И. Нужен ли принцип справедливости в уголовном процессе России?.....	234
Информация для авторов	244

CONTENTS

Criminalistics. Forensic expertise. Operatively-search activity

Agafonov A. S. The need for a private criminalistic methodology of crime investigation associated with changes in the marking for vehicles.....	11
Gvozdaryov R. A. Forensic analysis of modus operandi under article 193 of the Russian criminal code	20
Gribunov O. P., Vachenko B. M. The influence of the initial investigative situation on the tactics of the investigative examination in cases of traffic crimes committed with the participation of coaches	28
Grigoryan S. A. Legislation in the field of equity construction of housing units and other real estate as a source for the private forensic methods of investigation of these acts	35
Desyatov M. S. Content and features of formation of legal consciousness of persons involved in operational search relations	43
Dronova O. B., Ryzhkov I. V. Initial stages of development and use of the system of natural collections in the work of forensic units of internal affairs bodies (the late 19th — the mid-20th century).....	50
Zhuravlev S. Y. Forensic culture of interdisciplinary anti-corruption training of employees of internal affairs agencies	59
Kudryavtsev D. S., Tishutina I. V. About some issues of managing performance of investigation teams	68
Mayilyan A. V. Details of interrogation in the investigation of the theft committed with the electronic means of payment	78
Mogilnikova A. V. Investigation of diesel fuels by fluorescence spectroscopy in the investigation of arson	85
Permyakov A. L. Mechanistic approach to the review of investigator's work	93
Poddubny I. V. The use of remote access server and malware as means of theft from bank cards of citizens.....	99
Rossinskaya E. R., Saakov T. A. The problems of collecting digital footprints of crimes in social networks and messengers	106

Smirnova I. G., Foygel E. I. Forensic human research: current state and development prospects	124
Smolkova I. V. Psychics and crime investigation	132
Smushkin A. B. About the structure of electronic digital forensics	140
Stepanenko D. A., Stepanenko R. A. Principles of the general methodology of investigation of bribery and other corruption crimes	149
Unzhakova S. V., Ishigeev V. S., Krapivin V. S., Shekov A. A. Features of crime scene search during verifiable reports about forest fires	157
Cherkashin R. N. Historical aspect of provocation in the detective work of the police.....	166
Chinenov A. V., Novoselov N. G. To the question of establishing ownership of a subscriber number of cellular communication	172

Criminal proceeding

Gavrilov B. Ya. Myths and realities of modern Russian pre-trial proceedings.....	180
Zagoryan S. G. Some problemal issues of the institute of witness statement	191
Mironova G. A. Collection and formation of criminal evidence as elements of the provision process: concept, content, co-relation	200
Misnik I. V. Uncertainty of the procedural status of relatives of victims who died during criminal proceedings.....	208
Myadzelets O. A. The category “illegality of measures of procedural coercion” in the context of a right to reparation for damage caused in the course of criminal proceedings (article 133 para. 3 of the code of criminal procedure of Russia).....	214
Popova I. P. Obtaining samples for comparative research	226
Shmarev A. I. Does the Russian criminal process need a justice principle?.	234
Information for authors	244

**КРИМИНАЛИСТИКА.
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10048

Агафонов Артем Сергеевич,

адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ИЗМЕНЕНИЕМ
МАРКИРОВОЧНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ**

Аннотация. Частная криминалистическая методика расследования отдельных видов и групп преступлений со своим релятивно обособленным предметом, познавательным потенциалом и самостоятельным методологическим инструментарием занимает особое место в общей структуре криминалистического научного знания. В данной статье автор рассмотрел доктринальные положения методико-криминалистического обеспечения расследования и раскрытия преступлений и представил концептуальные и методологические основы частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств. Данные основы должны послужить фундаментом и определить вектор направления при формировании частной методики расследования преступлений исследуемой направленности в целях получения эффективной научной продукции.

Ключевые слова: частная криминалистическая методика, маркировочные обозначения транспортных средств, структура частной методики, элементы криминалистической характеристики, методико-криминалистическое обеспечение расследования и раскрытия преступлений.

Agafonov Artem Sergeevich,

Adjunct of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

**THE NEED FOR A PRIVATE CRIMINALISTIC METHODOLOGY
OF CRIME INVESTIGATION ASSOCIATED
WITH CHANGES IN THE MARKING FOR VEHICLES**

Abstract. A private forensic technique for investigating certain types and groups of crimes with its relationally isolated subject, cognitive potential and independent methodological tools occupies a special place in the overall structure

of forensic scientific knowledge. In this article, the author examines the doctrinal provisions of the methodological and forensic support for the investigation and crime investigation and presents the conceptual and methodological foundations of a private forensic methodology for investigating crimes related to the change of vehicle markings. These fundamentals should serve as the foundation and determine the direction vector in the formation of a private investigation technique for crimes of a research orientation in order to obtain effective scientific products.

Keywords: private forensic technique; vehicle markings; structure of a private technique, elements of a forensic characteristic; methodological and forensic support for the investigation and crime investigation.

Одной из мер обеспечения общественной безопасности Российской Федерации является совершенствование государственного управления в области транспортной безопасности¹. В связи с этим повышение эффективности функционирования системы обеспечения безопасности населения на транспорте становится всё более актуальным. Анализ правоприменительной практики показывает, что большую роль в деятельности правоохранительных органов играет розыск угнанных и похищенных транспортных средств. Так, согласно статистическим данным ФКУ «ГИАЦ» МВД России в январе — декабре 2019 г. зарегистрировано 2 млн 24 тыс. 337 преступлений, или на 1,6 % больше, чем за аналогичный период прошлого года, из них 20 тыс. 284 кражи транспортных средств и 18 тыс. 895 угонов². Хотя по сравнению с АППГ наблюдается небольшой спад похищенных транспортных средств, общее количество преступлений остается весьма значительным и тенденции к их снижению не наблюдается.

Нередки случаи, когда лица, занимающиеся указанной преступной деятельностью, похищают транспортные средства с целью изменения (подделки) идентификационных маркировок с их последующем незаконным оборотом (эксплуатация, сбыт).

Уничтожение и изменение идентификационных номеров в основном не является уделом кустарей-одиночек. Данные преступления взаимосвязаны с подделкой учетно-регистрационных и иных документов, а также с более тяжкими преступлениями (кражей, угоном, приобретением или сбытом транспортного средства, добытым заведомо преступным путем, а также мошенничеством), которые получили большое распространение организован-

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 13.04.2020).

² Официальный сайт МВД России. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/-19412450/> (дата обращения: 13.04.2020).

ными преступными группами, с хорошо отлаженной схемой, четким распределением обязанности и ролей всех участников. Естественно, под сбытом необходимо подразумевать не только продажу транспортного средства, но и обмен, дарение, аренду, передачу в качестве предмета залога и др., т. е. любое его отчуждение. Поэтому при расследовании указанных преступлений необходимо проводить такие следственные, иные процессуальные действия, оперативно-розыскные и организационно-тактические мероприятия, с применением современного технического оборудования, которые помогут изобличить преступников на различных стадиях уголовного судопроизводства, что требует от сотрудников органов внутренних дел проявления высокого профессионализма и определенного уровня знаний и умений в данной области.

Ссылаясь на статистические показатели и такие научные факты, аргументы и обстоятельства, как трансформация и изменение преступной среды, появление новых организованных преступных групп конспиративного характера, совершение преступлений на высоком профессиональном уровне, низкая раскрываемость, крайне высокая латентность и недостаточная работа правоохранительных органов в сфере расследования и раскрытия преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств, можно объективно предположить, что на сегодняшний день в теории и практике остро стоит вопрос о необходимости разработки конкретных, действенных алгоритмов, совершенствовании имеющихся исследований и, в частности, формировании научно-обоснованной и практико-ориентированной частной криминалистической методики, с учетом современных подходов и развития познавательного потенциала.

Следует отметить, что на монографическом уровне вопрос о формировании целостной частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств, рассматривался крайне редко. Если же отдельно рассматривать диссертационные исследования, то за два последних десятилетия можно выделить лишь две работы. Первое исследование, проведенное в 2001 г., вышло из-под пера А. В. Лесных, однако автор элементы частной криминалистической методики рассмотрел не в полном объеме, т. к. исследование проводилось в разрезе с уголовно-правовой характеристикой, аспекты которой в большей мере и были рассмотрены [1]. На тот период времени данная работа, безусловно, была актуальной, ввиду того, что введение уголовной ответственности за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства являлось новеллой уголовного законодательства, которая преследовала цель уголовно-правового обеспечения соблюдения установленного порядка приобретения и пользования транспортными средствами. Данная норма в определенной степени одновременно выполняет функции предупреждения хищения или иного неправомерного

завладения, а также сбыта транспортных средств, заведомо добытых преступным путем. Вторая состоявшаяся научно-квалификационная работа, проведенная в 2014 г., принадлежит П. А. Жердеву [2]. Автор, несомненно, внес большой вклад в формирование концептуальных основ частной криминалистической методики расследования преступлений исследуемой направленности, тем не менее она ориентирована только на первоначальный этап расследования преступлений. И, по-нашему мнению, не в полной мере был реализован методологический потенциал криминалистической науки — диссертационное исследование опиралось на слабый эмпирический базис (не были приведены конкретные примеры из судебно-следственной практики), что, естественно, нисколько не умаляет заслуг ученого, проделавшего такой огромный труд. Важно отметить, что качество методологического инструментария, используемого в научных исследованиях, фактически определяют степень развития соответствующего научного знания.

Безусловно, имелись и иные исследования, которые так или иначе затрагивали особенности расследования преступлений в области неправомерного изменения идентификационных маркировок транспортных средств и акцентировали внимание на отдельных, хотя и не малозначимых, аспектах, однако они в основном касаются экспертного исследования и уголовной ответственности (уголовно-правовой характеристики) за данные деяния и находятся вне сферы нашего научного исследования, впрочем данные критерии непременно должны учитываться при построении базовой модели криминалистической методики.

Таким образом формирование частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств, в настоящее время не вызывает сомнений.

Природа, понятие, классификация, структура, содержание и сущность частных криминалистических методик традиционно привлекала внимание и до сих пор находится в научном осмыслении ряда ведущих ученых-криминалистов, что позволяет говорить о сформированности и развитости её доктринальных положений [3]. Следует согласиться С. Ю. Косаревым в том, что одной из основополагающих задач при формировании частной криминалистической методики является решение вопроса о наиболее качественном и удобном изложении «материала в форме, максимально приемлемой и значимой для её основных потребителей — практических сотрудников правоохранительных органов» [4, с. 220]. И, как верно указывает В. Е. Корноухов, криминалистическая методика расследования преступлений должна отражать закономерности поисково-познавательных процессов, обусловленных следовой картиной [5, с. 124—125], в целях повышения «эффективности расследования различных видов и групп преступлений» [6, с. 8].

По справедливому уточнению О. П. Грибунова, одна из важнейших целей частной криминалистической методики проявляется в необходимости

изучения и анализа «отдельных черт преступлений и преступной деятельности» [7, с. 93]. Рассматривая данные постулаты, от себя отметим, что активно развивающаяся и совершенствующаяся частная криминалистическая методика непременно должна способствовать обеспечению практики борьбы с преступностью в полном, качественном и всестороннем расследовании и раскрытии преступлений.

Обращаясь к концептуальным положениям криминалистической методики расследования преступлений, нельзя не выделить один из основных её элементов — принципов формирования частных криминалистических методик. Присоединяясь к мнению А. В. Варданяна и О. В. Айвазовой [8], полагаем, что на современном этапе развития криминалистического научного знания и находящихся в диалектическом единстве с ним реалий практической деятельности структуру принципов криминалистической методики целесообразно представить в виде совокупности следующих руководящих положений:

1. Научность — применение философских — всеобщих (метафизических и диалектических), общих и специальных методов познания, отражающих содержание предмета исследования, в единстве с их эмпирической и теоретической базой (их взаимопроникновении и взаимосвязи).

2. Универсальность — приемлемость к базовым постулатам и правилам интерпретации криминалистических научных знаний, научных теорий, концепций и категорий к условиям расследования и раскрытия конкретных видов преступных деяний.

3. Системность — фактическое дифференцированное присутствие конкретной универсальной структуры компонентов, сформированных обоюдными и отличительными, прямыми и обратными взаимосвязями и взаимозависимостями.

4. Законность — все имеющиеся в распоряжении субъекта расследования методико-криминалистические рекомендации и приемы должны удовлетворять требования действующего уголовно-процессуального законодательства РФ.

5. Детерминированность закономерностями преступной деятельности — единство с практической составляющей;

6. Инновационность — использование имеющихся ресурсов к модернизирующимся условиям преступной среды и деятельности субъектов расследования.

Переходя к отдельным составляющим частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств, и не останавливаясь на подробном изложении её роли, места и сущности в общей системе криминалистического научного знания (т. к. это прерогатива специального, более глубокого научного исследования, которое необходимо проводить на монографи-

ческом уровне), сразу перейдем к изложению её структуры, как базового элемента любой частной методики, ибо в ней выражена последовательность работы субъекта расследования по уголовному делу. «Структура имеет практический смысл, она способствует реализации теоретических положений и практических рекомендаций науки, обеспечивающих эффективную организацию следственной работы» [9, с. 142].

Ключевой, неотъемлемой частью элементов структуры частной методики расследования является криминалистическая характеристика, не исключение и исследуемые нами преступления. Рассматриваемая дефиниция появилась в середине 60-х годов XX в., инициаторами её введения в криминалистическую науку принято считать А. Н. Колесниченко и Л. А. Сергеева, которые по-разному трактовали содержание и сущность данного понятия, но сходились в том, что это совокупность криминалистически значимых особенностей и признаков конкретного вида преступлений, знание которых необходимо для успешного расследования и раскрытия преступлений. Процесс формирования понятия «криминалистическая характеристика преступлений» тесно взаимосвязан с историей развития криминалистической методики. Так, например, А. Н. Колесниченко указывал, что основными положениями, которые являются общими в методике расследования всех видов преступлений, выступают «общая криминалистическая характеристика конкретного вида преступлений» [10, с. 14]. Для теории и практики борьбы с преступностью, — по справедливому уточнению А. Ю. Головина, — значимость криминалистической характеристики проявляется именно в познании криминалистически значимых черт отдельных видов и групп преступных деяний. Криминалистическая характеристика преступлений непременно должна содержать сведения о закономерных корреляционных связях и зависимостях между её составными, структурными элементами [11, с. 5—6], и рассматриваться как информационная основа для построения частной методики расследования, системно отражая закономерности совершения определенной категории преступлений. Так, относительно преступных деяний исследуемой направленности уместно обратить внимание, что реализация познания структуры криминалистической характеристики невозможна без описания её основных элементов, которые, по-нашему мнению (учитывая специфику данных преступлений), необходимо представить следующим образом:

- способ совершения преступления;
- обстановка (обстоятельства) совершения преступления (время, место);
- предмет преступного посягательства;
- особенности личности преступника;
- механизм слеодообразования.

Верно было отмечено Л. Я. Драпкиным, указывающим, что криминалистическая характеристика преступлений отличается содержательностью и сравнительно высокой степенью конкретности, релевантными и нерелевантными признаками, отсутствием в её составе неопределённых терминов, а также высокой степенью её эвристичности [12, с. 90], она существует в какой-то мере как «зеркальное» отражение конкретной методики расследования преступлений [13, с. 94], позволяя обобщённые опытные знания сгруппировать в оптимальную научно обоснованную систему.

С учетом особенностей преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств, полагаем, что в структуру частной методики (помимо указанной выше криминалистической характеристики) также должны входить следующие основополагающие компоненты: организационные основы расследования преступлений (особенности возбуждения уголовных дел, версионная работа и характеристика исходных следственных ситуаций, особенности взаимодействия дознавателя (следователя) с иными сотрудниками правоохранительных органов, а также с федеральной таможенной службой и заводами-изготовителями транспортных средств, иными учреждениями и лицами); организационно-тактические особенности производства следственных действий (следственного осмотра, допроса и др.), криминалистических комбинаций (операций), оперативно-розыскных мероприятий и применения специальных знаний.

Указанные элементы частной методики расследования являются основными, но не исчерпывающими, поскольку парадигма криминалистической науки не определяет традиционный, общепризнанный перечень структурных элементов и исключает наличие единой идеальной модели, что может быть вполне оправдано таким обстоятельством, как диалектическое взаимодействие двух противоположных процессов — интеграцией и нарастающей дифференциацией научного знания, и тем более интегративной природой самой криминалистики как науки. Однако, по уточнению А. В. Шмониной, такое положение дел имеет ряд отрицательных последствий [14] — отсутствием возможности проведения системного анализа, разработки конкретной криминалистической методики и эффективного применения уже имеющихся методических разработок в практике расследования преступлений.

Разработка частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств, обосновывается спецификой системообразующих элементов, зависящих от различных детерминант (факторов, предпосылок, условий) порой взаимозависимого характера [15, с. 130], а также рядом следующих обстоятельств:

— отсутствием эффективных способов, средств и методов изобличения лиц, виновных в преступных деяниях, в том числе совершённых ор-

ганизованной преступной группой — изучением их поведенческих действий в криминальный и посткриминальный период;

— потребностью рассмотрения отдельных аспектов в области транспортной безопасности как объекта криминалистического научного познания;

— необходимостью качественного и быстрого реагирования на данные преступные деяния в условиях высокой латентности и большого общественного резонанса (в совокупности с иными более тяжкими преступлениями), которыми они детерминированы;

— дефицитом систематизированных положений по организационным основам расследования и раскрытия данных преступлений, а также повышением эффективности производства следственных и иных процессуальных действий, оперативно-тактических и оперативно-розыскных мероприятий, использования специальных знаний (применения современного технико-криминалистического инструментария);

— необходимостью уточнения отдельных положений терминологического аппарата языка науки криминалистики;

— отсутствием современных научно-обоснованных и всесторонне апробированных квалификационных работ, посвященных криминалистическим аспектам расследования и раскрытия преступлений исследуемой направленности;

— потребностью рассмотрения иных криминалистически значимых особенностей при расследовании уголовных дел.

Таким образом, подводя итог изложенному, резюмируем, что представленные результаты в рамках проведенного исследования создают предпосылки для теоретико-ориентированной концептуальной необходимости в разработке частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств, с учетом диалектических современных доктринальных положений об объекте науки криминалистики, характеризующихся дуалистическим подходом — совокупностью познания преступной (криминальной) деятельности и поисково-познавательной деятельностью субъекта расследования. Что же касается структурных компонентов данной формируемой методики, то представляется, что в них, помимо теоретического базиса, должны также аккумулироваться методологические положения и практические рекомендации по наиболее эффективной организации расследования и раскрытия преступлений исследуемой направленности, обуславливающих их общее содержание как укрупненного комплекса научно-обоснованных и практико-ориентированных рекомендаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Лесных А. В.* Расследование подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства: дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Лесных. — Краснодар, 2001. — 216 с.

2. Жердев П. А. Первоначальный этап расследования преступлений, связанных с подделкой или уничтожением идентификационного номера транспортного средства в целях эксплуатации или сбыта: дис. ... канд. юрид. наук / П. А. Жердев. — Хабаровск, 2014. — 198 с.

3. Варданян А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений / А. В. Варданян, О. П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2017. — № 2 (81). — С. 23—35.

4. Косарев С. Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук / С. Ю. Косарев. — СПб., 2005. — 401 с.

5. Корноухов В. Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы: моногр. / В. Е. Корноухов. — М.: Норма, 2016. — 224 с.

6. Варданян А. В., Кулешов Р. В. К вопросу о принципах формирования частных криминалистических методик / А. В. Варданян, Р. В. Кулешов // Российский следователь. — 2015. — № 22. — С. 7—13.

7. Грибунов О. П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: дис. ... д-ра юрид. наук / О. П. Грибунов. — Ростов н/Д., 2016. — 543 с.

8. Варданян А. В., Айвазова О. В. Принципы формирования частных криминалистических методик: современное состояние и пути совершенствования / А. В. Варданян, О. В. Айвазова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 1—2. — С. 17—23.

9. Макаренко И. А., Эксархопуло А. А., Зайнуллин Р. И. Структура частной криминалистической методики: история формирования и перспективы развития. Часть II / И. А. Макаренко, А. А. Эксархопуло, Р. И. Зайнуллин // Правовое государство: теория и практика. — 2019. — № 1 (55). — С. 141—147.

10. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. Н. Колесниченко. — Харьков, 1967. — 42 с.

11. Головин А. Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений / А. Ю. Головин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2014. — № 3—2. — С. 3—10.

12. Драпкин Л. Я. Предмет доказывания и криминалистические характеристики преступлений / Л. Я. Драпкин // Избранные труды. — Екатеринбург: Изд. дом Уральского государственного юридического университета, 2017. — 328 с.

13. Гармаев Ю. П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук / Ю. П. Гармаев. — М., 2003. — 342 с.

14. Шмонин А. В. Методология криминалистической методики: моногр. / А. В. Шмонин. — М.: Юрлитинформ, 2010. — 416 с.

15. Андреев А. С. К вопросу о создании частных методик раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в условиях посткриминального противодействия / А. С. Андреев // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2019. — № 4 (91). — С. 125—133.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10049

Гвоздарёв Роман Анатольевич,

начальник кабинета специальных дисциплин
кафедры профессиональной подготовки
Восточно-Сибирского института МВД России

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 193 УК РФ

Аннотация. В статье производится криминалистический анализ способов совершения преступления, предусмотренного ст. 193 УК РФ. В качестве исходных материалов авторами взяты научно-теоретические данные уголовно-правового характера, а также материалы судебно-следственной практики. Раскрываются некоторые формы корреляционной связи данной научно-криминалистической категории с другими элементами криминалистической характеристики указанного преступления.

Ключевые слова: способ совершения преступления, криминалистическая характеристика преступлений, элементы криминалистической характеристики, невозвращение валютной выручки, нарушение правил репатриации средств в иностранной валюте и валюте Российской Федерации.

Gvozdayov Roman Anatolyevich,

Head of the cabinet of special disciplines
East-Siberian Institute of the MIA of Russia

FORENSIC ANALYSIS OF MODUS OPERANDI UNDER ARTICLE 193 OF THE RUSSIAN CRIMINAL CODE

Abstract. The article deals with a forensic analysis of modus operandi provided under article 193 of the Russian Criminal Code. The author used scientific and theoretical data of a criminal law nature, as well as materials of judicial and investigative practice. Some forms of correlation of this scientific and forensic category with other elements of forensic characteristics of this crime are investigated.

Keywords: modus operandi, forensic characteristic of crimes, elements of forensic characteristic, non-return of foreign exchange revenues, violation of rules of repatriation of funds in foreign currency and currency of the Russian Federation.

В юридических науках криминального блока способ совершения преступления принято рассматривать в различных аспектах. Этот феномен, как научная категория, имеет межотраслевой или междисциплинарный [1, с. 82;

2, с. 19; 3, с. 76] характер, т. к. подробно исследуется не только криминалистами, но и учеными в других областях научного знания. Отдельная отрасль научной мысли, имея собственный, характерный для своих особенностей, предмет исследования, старается внимательно рассмотреть в способе совершения преступления его отдельные элементы и составные части, имеющие значение для достижения целей и задач данной научной отрасли.

Если в уголовном праве способ совершения, как преимущественно факультативный признак объективной стороны, рассматривается, прежде всего, при выделении двух его видов — действие или бездействие, определяя его через эти два понятия, как это делают, например, Я. М. Брайнин [4, с. 11], М. В. Шкеле [5, с. 36], Б. В. Яценко [6, с. 13] и др., а также в контексте его значения для квалификации [7, с. 119—128], то в криминалистике способ совершения преступления принято рассматривать в первую очередь с точки зрения полноты его структуры [8, с. 84, 9, с. 132, 10, с. 84]. Иначе говоря, уточняется, присутствуют ли в способе совершения действия по подготовке и сокрытию. Некоторыми учеными предлагается также отдельно рассматривать наряду с перечисленными такой элемент способа совершения преступления, как действия по уклонению от уголовной ответственности, отличая эти действия от действий по сокрытию [11, с. 147]. Однако, несмотря на справедливость некоторых аргументов, приводимых авторами в подтверждение данного тезиса, наиболее общепринятым всё же является подход к рассмотрению структуры способа совершения преступления, предложенный еще в 1975 г. М. С. Уткиным [12, с. 6], по которому существуют преступления, в способ совершения которых входит подготовка, совершение и сокрытие (полноструктурный способ совершения), совершение и сокрытие (менее квалифицированный или усеченный первого типа способ совершения), подготовка и совершение (усеченный второго типа) и упрощенный способ совершения преступления, когда имеется только собственно само совершение преступления и не более.

Кроме того, существующая парадигма криминалистического научного знания в контексте учения о криминалистической характеристике преступления способ совершения как элемент данного научного феномена требует рассматривать с позиции его влияния на другие её элементы и их взаимной связи. Этот элемент криминалистической характеристики рассматривается как обязательный при разработке криминалистической характеристики любого рода преступления [13, с. 1098—1107], в то время как некоторые её другие элементы при разработке методик ряда преступлений вообще не учитываются. Способ совершения преступления в любой частной криминалистической характеристике имеет существенное значение и влияет на особенности других её элементов [14, с. 143]. Трудно представить преступление какой-либо категории, при расследовании которого в процессе выдвижения версий нет необходимости учитывать особенности способа его совершения.

Поэтому в своем исследовании мы рассматриваем особенности способа совершения преступлений, связанных с нарушением порядка репатриации денежных средств в двух данных аспектах и, прежде всего в аспекте влияния этой научно-криминалистической категории на формирование типичных особенностей элементов криминалистической характеристики данного рода преступлений.

Выявляя преступление, следователь или оперативный работник сравнивает известную ему информацию о поведении лица с конструкцией преступного поведения, которая сформирована в идеальной форме. Конструкций для сравнения в сознании правоохранителя может быть несколько, и все они примеряются к объективной реальности. Формирование таких конструкций происходит на основании изучения диспозиций норм, заложенных в особенной части УК. Здесь стоит вспомнить справедливое высказывание проф. Р. С. Белкина и проф. Т. В. Аверьяновой о том, что «право служит определяющим фактором и источником методических рекомендаций криминалистики» [15, с. 206]. В настоящей статье, прежде чем перейти к рассмотрению влияния особенностей способа совершения преступления на другие элементы криминалистической характеристики, мы представим результаты детального анализа условий, предусмотренных правовыми нормами, закрепленными в ст. 193 УК.

Данная статья предусматривает уголовную ответственность за уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации. Диспозиция статьи предполагает два варианта способа совершения, оба из которых имеют следующие общие особенности:

1. Во-первых, обязательным признаком данного рода преступления является наличие заключенного внешнеторгового договора (контракта).
2. Сторонами соглашения должны выступать резидент с одной стороны и нерезидент — с другой.
3. Предметом договора может выступать (перечень исчерпывающий):
  - передача товаров,
  - выполнение работ,
  - оказание услуг,
  - передача информации,
  - передача результатов интеллектуальной деятельности или исключительных прав на них.
4. Необходимо наличие факта нарушения валютного законодательства Российской Федерации.
5. Нарушение законодательства связано с суммой денежных средств в крупном или особо крупном размере.

6. Банки, на счета которых должно происходить зачисление денежных средств, могут быть «уполномоченными» или быть расположенными за пределами Российской Федерации.

Теперь рассмотрим отличия в предусмотренных законодателем вариантах преступного поведения данной статьи, обозначив их условно первым и вторым:

1. В первом случае должно быть нарушено правило о зачислении денежных средств на счета резидента в уполномоченном банке или в банке.

2. В первом случае перечисленные выше в п. 3 условия договора должны быть выполнены резидентом в отношении нерезидента.

3. Во втором случае эти условия должны быть не выполненными в нарушение условий договора нерезидентом и на территории Российской Федерации.

4. Во втором случае денежные средства за невыполненные предусмотренные договором условия резиденту должны быть не возвращены.

На основании этих данных, можно сделать вывод, что под репатриацией подразумевается требуемое законом поступление денежных средств за выполненные условия или возврат уплаченных денег за невыполненные условия международного договора (контракта). Оплату или возврат должен осуществить нерезидент. При упоминании таких участников отношений, как резидент и нерезидент, в законе прямо не указывается, кто является субъектом преступления. Очевидно, подразумевается, что это то лицо, которое нарушило требование валютного законодательства. Это могут быть как резидент, так и нерезидент. Для квалификации действий виновного лица не имеет значения, было ли оно в действительности обмануто действиями (бездействием) нерезидента, т. к. это не оговаривается в условиях диспозиции статьи, вместо этого условия достаточно присутствие в механизме такого признака, как нарушение валютного законодательства.

Так, при расследовании уголовного дела в отношении Д. было установлено, что он в течение продолжительного времени осуществлял предпринимательскую деятельность, осуществляя поставки лесоматериалов в Китайскую Народную Республику. Между ООО «А» и китайскими коммерческими организациями были заключены внешнеторговые контракты, на основании которых в КНР было перевезено для продажи несколько десятков тысяч кубических метров лесоматериалов. За часть поставленного товара китайские партнеры с Д. рассчитались, а около половины осталось не оплачено. Через некоторое время выяснилось, что эти организации были ликвидированы.

При расследовании уголовного дела, а также при рассмотрении уголовного дела в суде Д. свою вину за совершение преступления не признал, и защиту строил на том, что он сам является пострадавшим от незаконных действий китайских предпринимателей. Однако, как было установлено при расследовании, Д. не предпринимал законных мер, направленных на репа-

триацию денежных средств (пассивная форма совершения преступления в форме бездействия). В том числе он не выполнил следующее:

- не осуществлял претензионную работу;
- не обратился во Внешнеторговую арбитражную комиссию при российской Торгово-промышленной палате;
- при отзыве лицензии у банка, в котором был открыт счет ООО «А», не принял должных мер по переоформлению паспортов сделок по внешнеэкономическим контрактам;
- своевременно не обратился к добросовестным и компетентным юристам для представления своих интересов.

Выполнение этих действий прямо или косвенно требует валютное законодательство.

При этом следствию удалось доказать, что Д., заключая внешнеторговые соглашения, знал о том, что некоторые китайские фирмы, с которыми он подписывает контракты, являются недобросовестными.

Таким образом, доказав эти обстоятельства в результате проведения нескольких десятков следственных действий, следствию удалось доказать состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 193 УК РФ, что является практическим подтверждением отсутствия значения для квалификации того, был ли резидент обманут действиями нерезидента [16].

Наличие или отсутствие обмана в отношении резидента не имеет значения для расследования в уголовно-правовом аспекте, но это весьма значимо при криминалистическом исследовании подобного рода преступлений. Это является одним из наиболее существенных критериев классификации способов совершения преступлений, связанных с нерепатриацией денежных средств. Так, для формирования криминалистической характеристики преступлений, связанных с нарушениями правил репатриации, необходимо отличать два вида способа совершения: 1) при котором резидент был обманут незаконными действиями нерезидента, и 2) когда резидент, перечисляя денежные средства нерезиденту или предоставляя ему блага, предусмотренные договором, заведомо рассчитывал на их нерепатриацию. В каждом из таких случаев мы имеем дело с сильно отличающимися типами личности преступников, о чем более подробно мы постараемся рассказать в наших последующих публикациях, т. к. справедливо выдвигаемые издательством требования к объему статьи не позволяют нам этого сделать.

Если резидент был обманут незаконными действиями нерезидента, что повлекло нерепатриацию денежных средств, то здесь усматриваются некоторые признаки неосторожности. Неосторожность в таких случаях может быть допущена при заключении соглашения, выполнении обязательств и при непринятии должных мер по репатриации. В рассмотренном нами выше примере Д. не предпринимал перечисленных мер по причине того, что он, согласно протоколу допроса, не надеялся на получение от них положительного

результата. Но учитывая его осведомленность о недобросовестности контрагентов, с которыми он заключал соглашения, налицо признаки легкомыслия, которое он проявил при их заключении. Несмотря на это, невыполнение им действий по осуществлению претензионной работы и т. д., т. е. его бездействие по репатриации было совершено умышленно. Оставляя ученым в области уголовного права рассуждения по анализу сложного характера вины при совершении данного преступления, отметим, что описанные нами признаки неосторожности указывают нам на то, что способ совершения преступления в таких случаях является усеченным первого типа или упрощенным, по М. С. Уткину [12, с. 6]. Это значит, что в таких случаях следствие не сталкивается с признаками подготовки к его совершению со стороны резидента. Противодействие расследованию в таких случаях, как правило, оказывается несущественное, т. к. преступниками, как правило, являются лица без ярко выраженных преступных наклонностей. Чаще это преступники ситуационного случайного характера.

Совершенно по-другому следственная ситуация складывается в случае, если лицо при заключении международного контракта прямо преследовало цель вывода денежных средств за границу. Как показало изучение уголовных дел данной категории, во всех таких случаях, без исключения, присутствует подготовка и сокрытие преступления. Преступники, зная о существующем надзоре за внешнеторговой деятельностью, предпринимают существенные меры для того, чтобы уйти от ответственности.

Впервые сталкиваясь с подобного рода преступлениями, не всегда сразу можно понять сущность общественной опасности, которую они несут. При поверхностном рассмотрении обстоятельств произошедшего выглядит так, что резидент заключает соглашение с нерезидентом, по которому его обманывают и за предоставление с его стороны материальных благ, предусмотренных договором, деньги на его счет нерезидент не перечисляет. Или резидент перечисляет нерезиденту деньги за предоставление материальных благ, а нерезидент в нарушение договора за оплаченные ему деньги их не предоставляет. Полученные же деньги или материальные блага нерезидент необоснованно присваивает, не возвращая их. Все выглядит так, что резидент сам при таких обстоятельствах пострадал, и, на первый взгляд, может быть непонятно, за что его, пострадавшего, привлекать к уголовной ответственности, если он в сущности сам является жертвой мошенников.

Оценка ситуации кардинально меняется, если учитывать, что такого рода схемы часто являются способом вывода денежных средств из экономики нашего государства. И под завесой несправедливого обмана, якобы совершённого в отношении резидента, часто скрывается перечисление им денежных средств за границу для личных нужд без обеспечения обратного поступления в экономику благ в сумме эквивалентной перечислению в нарушение валютного законодательства Российской Федерации.

Для глубокого понимания общественной опасности подобных преступлений необходимо рассматривать не отношения частной собственности отдельных индивидов, а совокупность интересов всех участников экономических отношений (от госкорпораций до пенсионеров), экономику страны в целом, которая теряет из внутреннего оборота от таких действий значительные средства, и если с такими проявлениями не бороться, то рано или поздно это может привести к серьезным кризисным ситуациям, дефициту средств внутри страны. Валюта является «кровеносной» экономики. В данном случае мы сталкиваемся с двойным пониманием характера предмета преступления или предмета преступного посягательства. Денежные средства, участвующие в такого рода уголовном правоотношении, законно принадлежат на праве собственности виновному лицу. Однако использовать их по своему усмотрению без дополнительных условий он не имеет права. Одним из таких условий является то, что, передавая эти денежные средства или материальные блага, необходимо обеспечить возврат в экономику их эквивалента. Речь идет не о передаче их государству, а необходимости использовать полученные в результате внутрироссийской экономической деятельности денежные средства или блага во внутренней сфере экономики России. Государство в таких случаях не может выступать потерпевшим [17, с. 125—128], т. к. ему не причиняется ни один из видов вреда, предусмотренных ст. 42 УК РФ, однако вред его экономической безопасности подобными преступлениями причиняется достаточно существенный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Варданян А. В. Методологическое значение криминалистического учения о способе преступления для формирования классификации приёмов по приготовлению к совершению преступлений в сфере земельных правоотношений / А. В. Варданян // Философия права. — 2013. — № 4 (59). — С. 82—84.
2. Грибунов О. П., Долматова М. О. Способ совершения хищений нефтепродуктов на объектах железнодорожного транспорта как основополагающий элемент в структуре криминалистической характеристики / О. П. Грибунов, М. О. Долматова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — № 2 (10). — С. 19—26.
3. Пермяков А. Л. Понятие, структура и особенности элементов криминалистической характеристики мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов в коммерческих организациях с государственным участием в капитале (на примере предприятий железнодорожного транспорта) / А. Л. Пермяков // Юрист-Правовед. — 2016. — № 2 (76). — С. 108—113.
4. Брайнин А. Я. Уголовная ответственность и её основание / А. Я. Брайнин. — М., 1963. — 275 с.
5. Шкеле М. В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение / М. В. Шкеле. — СПб., 2001. — 239 с.
6. Яценко Б. В. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления / Б. В. Яценко. — М., 1983. — 206 с.
7. Атальянц М. А. Способ совершения преступления: уголовно-правовое значение / М. А. Атальянц // Вестник Московского университета. — Сер. 11. Право. — 2008. — № 4. — С. 119—128.

8. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы, рекомендации. — М., 1979. — 407 с.
9. Драпкин Л. Я., Уткин М. С. Понятие и структура способа совершения преступления / Л. Я. Драпкин, М. С. Уткин // Проблемы борьбы с преступностью: сб. науч. тр. — Омск, 1978. — С. 129—134
10. Зуйков Г. Г. Поиск преступников по признакам способа совершения преступления / Г. Г. Зуйков. — М., 1970. — 189 с.
11. Еромолович В. Ф., Еромолович Д. В. Концептуальные подходы к классификации и систематизации способов совершения преступлений / В. Ф. Еромолович, Д. В. Еромолович // Проблемы управления. — 2012. — № 1. — С. 147—153.
12. Уткин М. С. Особенности расследования и предупреждения хищений в потребительской кооперации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Уткин. — Свердловск, 1975. — 21 с.
13. Грибунов О. П., Пермяков А. Л. Способы совершения хищений, связанных с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта / О. П. Грибунов, А. Л. Пермяков // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2015. Т. 25. — № 6. — С. 1098—1107.
14. Бессонов А. А. Криминалистическая характеристика преступления / А. А. Бессонов // Пробелы в российском законодательстве. — 2014. — № 4. — С. 171—173.
15. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / Под ред. проф. Т. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина. — М., 1997. — 398 с.
16. Уголовное дело № 1-34/2019. Архив Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ. 2019.
17. Грибунов О. П., Пермяков А. Л. Российская Федерация как собственник коммерческой организации, которой причиняется имущественный ущерб в результате хищения / О. П. Грибунов, А. Л. Пермякова // Сборник материалов Международной конференции к 60-летию д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки РФ В. В. Николюка. — 2016. — С. 125—128.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10050

Грибунов Олег Павлович,

заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России
(по научной работе), доктор юридических наук, профессор;

Ващенко Борис Михайлович,

адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России

ВЛИЯНИЕ ИСХОДНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ НА ТАКТИКУ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА ПО ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С УЧАСТИЕМ МЕЖДУГОРОДНЫХ АВТОБУСОВ

Аннотация. Предметом представленной статьи являются закономерности в деятельности преступников, совершающих дорожно-транспортные преступления с участием транспортных средств, осуществляющих междугородные пассажирские автоперевозки, а также закономерности в деятельности сотрудников правоохранительных органов на первоначальной стадии расследования, в частности, при проведении осмотра места происшествия, в зависимости от исходной следственной ситуации. Во всех механизмах рассматриваемых нами преступлений присутствует система из трех взаимосвязанных и взаимодействующих элементов: водитель — автомобиль — дорога. Следует отметить, что установление их взаимосвязи возможно только в рамках проведения неотложных следственных действий в исходной следственной ситуации.

Ключевые слова: дорожно-транспортное преступление, исходная следственная ситуация, механизм преступления, осмотр места происшествия, транспортное средство.

Gribunov Oleg Pavlovich,

Deputy Chief of East-Siberian Institute of the MIA of Russia for Science,
Doctor of Law, Professor;

Vachenko Boris Mihaylovich,

Adjunct of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE INFLUENCE OF THE BASIC INVESTIGATIVE SITUATION ON THE TACTICS OF THE INVESTIGATIVE EXAMINATION IN CASES OF TRAFFIC ACCIDENTS INVOLVING THE COACHES

Abstract. This article deals with the patterns in criminal activity in the field of traffic accidents, involving vehicles providing intercity passenger, as well as the patterns in the activities of law enforcement officers at the basic stage of the investigation, in particular, during the crime scene search, depending on the basicinvestigative situation. In all the mechanisms of the crimes

we are considering, there is a system of three interconnected and interacting elements: driver — car — road. It should be noted that the establishment of their relationship is possible only as part of urgent investigative actions in the initial investigative situation.

Keywords: traffic crime, basic investigative situation, crime mechanism, crime scene search, vehicle.

Не вызывает сомнений, что анализ исходных следственных ситуаций позволяет скоординировать деятельность по организации расследования преступлений и, прежде всего, на его первоначальном этапе.

Дорожно-транспортные преступления (ДТП), совершённые с участием транспортных средств, осуществляющих междугородные пассажирские автоперевозки, не являются исключением, более того, в большинстве случаев именно качество проведения следственных действий на первоначальном этапе расследования позволяет установить все обстоятельства произошедшего.

Вполне очевидно, что самым высокоинформативным следственным действием является осмотр места происшествия, в связи с чем осуществляется незамедлительный выезд следственно-оперативной группы для его проведения. Относительно общих рекомендаций по тактике проведения осмотра мест ДТП следует отметить, что данный вопрос детально освещен Л. В. Пинчуком [1].

Характерной особенностью осмотра места происшествия при расследовании ДТП, совершённых с участием междугородных автобусов, является то, что его приходится проводить, как правило, в условиях значительного удаления от места дислокации следственного подразделения и от крупного населенного пункта. Поэтому к подготовке его проведения следует подходить с особой тщательностью, осмотрительностью и внимательностью.

При прибытии на место происшествия можно застать очевидцев произошедшего. Учитывая специфику сохранения идеальных следов, на первый взгляд кажется необходимым без отлагательств опросить таких людей. Однако это следует делать в той следственной ситуации, когда состав следственно-оперативной группы позволяет получать объяснения от очевидцев одновременно с проведением осмотра места происшествия. Поскольку следы, находящиеся там, более подвержены изменению или исчезновению, чем идеальные следы в сознании очевидцев, то его следует проводить без отлагательств. В такой ситуации на месте достаточно установить личности очевидцев, получить их контактные данные, после чего незамедлительно приступить к проведению осмотра.

Кроме следов, оставленных в результате дорожно-транспортного происшествия, значительному и быстрому изменению или исчезновению также подвержены погодные условия, при которых оно произошло. Исходная следственная ситуация может быть детерминирована таким обстоятельством,

как наличие сильного снегопада или густого тумана на месте происшествия. Это также требует скорейшего проведения осмотра места происшествия [2, с. 3], в который можно включить элементы следственного эксперимента, и опытным путем установить расстояние, на котором водитель мог визуально воспринимать помеху для движения. Для этого можно при понятых попросить одного из участников осмотра, держащего перед собой лист белой бумаги формата А4, передвигаться спиной вперед обратно направлению движения транспортного средства, удаляясь от воспринимающих его следователя и понятых, пока лист не перестанет быть виден. При неоднократном повторе такого действия можно определить среднее расстояние, на котором водитель не мог видеть перед собой препятствие. Присутствие понятых и их непосредственное личное участие в визуальном восприятии удаляющегося листа бумаги позволит сделать результаты такого исследования более объективными, достоверными и потому — убедительными. Если этого не сделать сразу, то впоследствии, вероятно, следствию не представится возможным дожидаться повторения погодных условий, интенсивности снегопада или густоты тумана, при которых было совершено дорожно-транспортное происшествие. Описанный опыт следует провести отдельно с включёнными фарами дальнего света, фарами ближнего света и с выключенными фарами.

Необходимо отметить, что в подобных исходных следственных ситуациях на место происшествия первыми обычно прибывают сотрудники дорожно-патрульной службы ГИБДД МВД России. Они составляют на месте предусмотренные их регламентом документы, включая схему происшествия. По прибытии следователя на место они часто привлекаются в качестве участников осмотра места происшествия, в рамках которого составленная ими схема дорожно-транспортного происшествия приобщается к протоколу осмотра, составляемому следователем. Однако следует помнить и не допускать обратного, что время составления схемы должно соответствовать периоду проведения осмотра места происшествия.

Проводя осмотр места происшествия, важно особое внимание обратить на следы [3, с. 118], указывающие на место столкновения. Поскольку динамика удара при столкновении иногда может в итоге разместить транспортные средства на месте происшествия непредсказуемо, то необходимо учитывать косвенные следы, указывающие на место столкновения. Такими следами могут быть осколки ветровых стекол, следы лакокрасочного покрытия на дороге, следы торможения и следы деформации дорожного покрытия от воздействия на него деталей подвески или других частей автомобиля. Существенную помощь могут оказать фрагменты грязи, осыпавшейся из-под крыльев кузова автомобиля при столкновении. В ряде случаев это может быть единственным доказательством, по которому можно достоверно установить место фактического столкновения.

Наличие в механизме рассматриваемых нами преступлений системы «водитель — автобус — дорога» подразумевает необходимость проведения осмотра места происшествия. В подавляющем большинстве случаев он проводится безотлагательно или спустя незначительное время после происшествия, т. е. в условиях исходной следственной ситуации [4, с. 103]. В зависимости от сложившихся к моменту проведения осмотра места происшествия обстоятельств можно выделить различные виды исходных следственных ситуаций. Все их можно разделить в две большие группы в зависимости от лица, виновного в совершении дорожно-транспортного происшествия: водитель транспортного средства, выполнявший перевозку пассажиров по междугородному маршруту, или иной водитель.

Рассмотрим ситуацию, когда дорожно-транспортное происшествие случилось по вине водителя пассажирского междугородного автобуса. Как правило, такие водители не предпринимают попытки скрыться с места происшествия. Стрессовая ситуация не позволяет им спокойно предпринять меры к устранению следов, указывающих на их вину. Часто водители до приезда сотрудников ДПС ГИБДД МВД России или оперативно-следственной группы заняты оказанием помощи пассажирам или другим участникам дорожно-транспортного происшествия, оценивают полученные повреждения транспортного средства. Это в случае, если они сами серьезно не пострадали. Такого водителя следует обязательно привлечь к участию в проведении осмотра места происшествия. Заявления, сделанные им при его проведении, могут послужить в дальнейшем серьезными уликами в процессе доказывания его вины. Поэтому их следует обязательно отражать максимально подробно в протоколе.

При такой исходной ситуации осмотр места происшествия имеет основной задачей установление механизма происшествия [5, с. 83], последовательности его развития во времени и получение улик и следов, подтверждающих вину преступника. Уже при проведении осмотра места происшествия следователь может обоснованно выдвигать следственные версии и принимать некоторые меры к их проверке. По мере его проведения и накопления доказательств выдвигаемые версии будут все более вероятными, а обстоятельства, предполагаемые в них, будут сильнее и сильнее сужаться.

Рабочую стадию проведения осмотра места происшествия в условиях такого рода исходной следственной ситуации следует условно разделить на три раздела в зависимости от объектов, подлежащих восприятию и фиксации. Во-первых, это осмотр дороги и прилегающей к ней территории. К сожалению, часто следователи недооценивают значение осмотра прилегающего к дороге участка местности, ограничиваясь исследованием проезжей части.

Второй объект, подлежащий осмотру, можно определить, как место столкновения и место расположения транспортного средства на момент проведения осмотра. Эти места не следует привязывать к разметке, нанесенной

на дорожное полотно, важнее сделать привязку к краю асфальтового покрытия. Разметка очень подвержена стиранию, её проще, чем асфальтовое покрытие, нанести заново, удалив прежнюю.

При осмотре мест расположения транспортного средства и вероятного столкновения необходимо искать осколки стекла, фрагменты лакокрасочного покрытия, грязи, осыпавшейся с кузова от столкновения, максимально точно отражать их локализацию и характер на схеме. Фрагменты стекла и краски следует изъять для проведения трасологического или сравнительного исследования. Кроме того, при осмотре этих мест возможно обнаружить и зафиксировать следы торможения, следы, оставленные металлическими частями кузова, трансмиссии и другими элементами автомобиля.

В-третьих, как отдельный этап можно выделить осмотр автомобиля. Здесь особое значение приобретает участие специалиста, который может оказать существенную помощь при поиске правильного обозначения узлов и деталей автомобиля для описания в протоколе. Так, в отсутствие опыта обращения с автомобилями можно, например, назвать колпак колеса колесным диском и т. д. Участие специалиста, обладающего специальными знаниями в области устройства автомобиля, позволит избежать таких ошибок.

Говоря об осмотре автомобиля на месте дорожно-транспортного происшествия, следует обратить внимание на необходимость отражения в протоколе следственного действия процесс эвакуации данного транспортного средства. Наиболее целесообразно осуществлять при эвакуации погрузку с помощью крана или крановой установки. При погрузке путем затягивания транспортного средства на платформу с помощью лебедки некоторые узлы и части кузова или подвески могут получить существенные повреждения, которые впоследствии не позволят эксперту сделать категоричный вывод о том, каким автомобилем оставлены те или иные следы на проезжей части. Между тем такого рода заключения эксперта крайне важны для определения места столкновения.

В случае, если исходная следственная ситуация на начальном этапе расследования данных ДТП не характеризуется виной водителя, осуществлявшего перевозку пассажиров по маршруту междугородного сообщения, водители, по вине которых произошло дорожно-транспортное происшествие, не всегда остаются на месте происшествия до приезда представителей правоохранительных органов. Поэтому можно выделить следующие подвиды такого рода исходных следственных ситуаций.

Ситуация 1. Лицо, совершившее преступление, находится на месте происшествия и не пытается скрыться.

Ситуация 2. Лицо покинуло место происшествия до прибытия туда сотрудников правоохранительных органов, но оно установлено, а также установлено его местонахождение.

Ситуация 3. Лицо скрылось с места дорожно-транспортного происшествия, его местонахождение и оно само не установлены.

Это классическая, даже, можно сказать, универсальная классификация следственных ситуаций, предлагаемая многими известными криминалистами при разработке широкого спектра частных методик расследования преступлений. Применительно к рассматриваемой нами категории преступлений такой перечень видов исходных следственных ситуаций можно еще расширить по признаку наличия на месте происшествия транспортного средства, на котором двигался виновник дорожно-транспортного происшествия.

Кроме того, в рамках зависимости от иных обстоятельств можно выделить следующие ситуации:

Ситуация 1. ДТП совершено не по вине водителя автобуса, в результате грубых нарушений ПДД водителем встречного либо попутного транспортного средства.

Ситуация 2. ДТП совершено по вине водителя автобуса в результате грубого нарушения ПДД (обгон, несоблюдение дистанции).

Ситуация 3. ДТП совершено в результате неблагоприятных погодных условий в результате нарушений ПДД водителем автобуса.

Ситуация 4. ДТП совершено в результате низкого качества дорожного покрытия (выбоины, гололед, дорожные работы).

Ситуация 5. ДТП совершено в результате схода с проезжей части без участия иных транспортных средств.

Ситуация 6. ДТП совершено в результате неисправности междугородного автобуса (неисправности тормозной системы, ходовой части).

Основным отличием характера проведения первоначальных мероприятий в исходной ситуации, при которой лицо, совершившее дорожно-транспортное происшествие, скрылось с места его совершения, является то, что в первую очередь эти мероприятия должны быть направлены на установление личности виновного и места его нахождения. Следовая картина при осмотре места происшествия будет иметь большое число существенных пробелов, которые необходимо компенсировать более тщательным осмотром имеющегося материала [6, с. 168], а также поиском и изъятием большего числа следов и предметов, которые могут иметь значение для расследования.

В таких ситуациях оперативный дежурный (или его помощник) при взаимодействии с подразделениями ДПС ГИБДД МВД России, ППС, Росгвардии организует мероприятия по поиску водителя и транспортного средства. Это должно происходить до начала проведения осмотра места происшествия, пока следственно-оперативная группа добирается до места проведения осмотра. Следователь в процессе проведения осмотра места происшествия должен иметь в виду, что некоторые обнаруженные им следы и предметы могут оказать помощь в поиске. Поэтому при получении полезной инфор-

мации её необходимо незамедлительно сообщать дежурному, не дожидаясь окончания проведения осмотра.

Если лицо скрылось с места совершения дорожно-транспортного происшествия, оставив на месте автомобиль, на котором оно допустило аварию, то особое значение при осмотре данного автомобиля приобретают микрочастицы, запаховые и потожировые следы. Их изъятие может существенно облегчить установление виновного лица и его изобличение.

Таким образом, на процесс расследования преступлений влияет большое количество различных факторов. Бесспорное значение имеет эффективное проведение первоначальных следственных действий, качественный сбор информации, следов, предметов и веществ преступной деятельности на месте преступления. Чем больше собрано информации о совершённом преступлении, тем качественнее и ближе к реальности построен процесс раскрытия и расследования уголовного дела. Поэтому разработка следственных и розыскных версий, несомненно, способствует качественному, эффективному и планомерному установлению истинных обстоятельств преступного деяния.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Пинчук Л. В. Осмотр места происшествия при расследовании дорожно-транспортных преступлений: учеб. пособ. / Л. В. Пинчук, Р. А. Корнилович. — Рязань, 2016. — 92 с.
2. Варданян А. В. Дискуссионные вопросы формирования исходных следственных ситуаций, типичных для первоначального этапа злоупотреблений полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях / А. В. Варданян, И. И. Варов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2013. — № 2—2. — С. 3—9.
3. Грибунов О. П. Расследование преступлений, совершаемых на транспорте: учеб. пособ. / О. П. Грибунов, Е. И. Третьякова. — Иркутск: ФГКОУ ВПО «ВСИ МВД России», 2013. — 148 с.
4. Комаров И. М. К вопросу о классификации следственных ситуаций по делам о грабежах и разбойных нападениях / И. М. Комаров, О. Н. Комаров // Известия Алтайского государственного университета. — 2013. — № 2—1 (78). — С. 102—104.
5. Варданян А. В., Антонов В. А., Белохребтов В. С. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость: моногр. / А. В. Варданян, В. А. Антонов, В. С. Белохребтов. — Иркутск, 2016. — 112 с.
6. Данильян А. С. Следственная ситуация как основа принятия тактического решения по установлению места нахождения похищенного имущества / А. С. Данильян // Общество и право. — 2014. — № 1 (47). — С. 168—173.

УДК 343.985.1

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10051

Григорян Спартак Арамович,

аспирант Башкирского государственного университета

**ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
ЖИЛЬЯ И ИНЫХ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ УКАЗАННЫХ ДЕЯНИЙ**

Аннотация. Преступления в сфере долевого строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости представляют собой группу деяний, которые, несмотря на расположение в различных главах и разделах Уголовного кодекса Российской Федерации, с точки зрения криминалистики имеют комплекс общих черт, позволяющих их систематизировать. Помимо наличия единой сферы (долевое строительство), формирующей общность криминалистически значимых особенностей обстановки этих деяний, существенным фактором выступает такой общий элемент их механизма, как нарушения норм законодательства о долевом строительстве. Следовательно, с точки зрения формирования частной криминалистической методики расследования данных деяний, положения, регулирующие порядок осуществления правоотношений в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости, необходимо рассматривать в качестве не только справочного материала, а нормативных источников разработки криминалистической методики.

Ключевые слова: долевое строительство, жилище, квартиры, дольщики, законодательство о долевом строительстве, договор участия в долевом строительстве.

Grigoryan Spartak Aramovich,

Postgraduate student of the Bashkir state University

**LEGISLATION IN THE FIELD OF SHARED CONSTRUCTION
OF HOUSING AND OTHER REAL ESTATE AS A SOURCE
FOR THE FORMATION OF PRIVATE FORENSIC METHODS
OF INVESTIGATION OF THESE ACTS**

Abstract. Crimes in the field of equity construction of apartment buildings and other real estate objects are a group of acts that, despite their location in various chapters and sections of the Russian Criminal Code, from the point of view of criminology have a set of common features that allow them to be systematized. In addition to the presence of a single equity construction, which forms a common

criminally significant features of the situation of these acts, a significant factor is a common element of their mechanism, such as violations of the law on equity construction. Therefore, from the point of view of forming a private forensic methodology for investigating these acts, the provisions regulating the procedure for implementing legal relations in the field of shared housing construction and other real estate objects should be considered not only as reference material, but as normative sources for developing a forensic methodology.

Keyword: equity construction, housing, apartments, shareholders, legislation on equity construction, contract of participation in equity construction.

Современная ситуация в сфере жилищного строительства такова, что, согласно данным Единого реестра проблемных объектов, опубликованного на сайте Минстроя РФ, в целом по стране насчитывается более трех тысяч домов, оказавшихся недостроенными. Из них в отношении 700 застройщиков (имеющих обязательства в отношении более двух тысяч домов) реализуются различные стадии процедуры банкротства. Нарушены сроки завершения строительства и сроки передачи дольщикам принадлежащей им доли более чем на 6 месяцев, в отношении почти тысячи домов. Соответственно, более сотни тысяч людей признаны обманутыми дольщиками, так и не получив заблаговременно оплаченную и долгожданную недвижимость, а то и лишившись единственного жилья, реализованного в счет гарантированного приобретения новостройки. Данные альтернативных и независимых источников (в том числе различных общественных организаций, движений, союзов, фондов: «Фонд защиты прав обманутых дольщиков», Движение обманутых дольщиков России, «Сила в движении» и др.) называют и более впечатляющее количество обманутых дольщиков (от двухсот тысяч до десяти миллионов), что обусловлено расхождениями в понимании критериев, позволяющих отнести объект строительства к категории проблемного, а инвестора признать обманутым дольщиком.

До вступления в силу Федерального закона от 1 мая 2016 г. № 139-ФЗ, застройщикам, в зависимости от конкретных обстоятельств преступного деяния, инкриминировались преступления, предусмотренные ст.ст. 159, 160, 201 УК РФ и другими нормами [1, с. 39]. При этом фактически доминировал состав мошенничества, совершённого в крупном и (или) в особо крупном размере, а равно с использованием служебного положения.

В то же время следственно-судебные органы столкнулись с объективными трудностями доказывания имманентно присущего мошенничеству обмана и (или) злоупотребления доверием как сознательных и целенаправленных действий, находящихся в причинно-следственной связи с невыполнением гражданско-правовых обязательств перед дольщиками. При мошенничестве требуется достоверно установить, что, убеждая граждан или представителей юридических лиц в необходимости совершения тех или иных юридичес-

ки значимых действий (в данном случае — инвестирования в счет строительства жилого дома или иного помещения с последующей передачей инвесторам принадлежащих им объектов), субъекты преступления изначально не намеревались выполнять свои обязательства, предусмотренные гражданско-правовыми документами [2; 3].

Однако, как следует из показаний подозреваемых и обвиняемых, а равно многочисленных свидетелей, не являются редкостью ситуации, когда, не отрицая факта недостроя объектов капитального строительства, невыполнения в полном объеме строительно-монтажных, отделочных и иных работ, а также несостоявшейся передачи дольщикам введенного в эксплуатацию жилья, недобросовестные застройщики зачастую категорически опровергают преднамеренный характер наступления неблагоприятного результата, тем более — вследствие обмана и (или) злоупотребления доверием.

При этом невыполнение гражданско-правовых обязательств они зачастую объясняют различными внезапно возникшими неблагоприятными обстоятельствами: существенным изменением экономической ситуации, усилением мер контрольно-надзорного характера, сопровождающих процесс строительства и ввода в эксплуатацию жилого дома, неправомерным давлением со стороны органов власти в виде выражения дополнительных требований, и даже рейдерскими захватами строительных объектов.

Следует также отметить, что в подтверждении их показаний ими действительно организуется определенный объем строительно-монтажных работ на выделенном участке, хотя бы на этапе привлечения денежных средств дольщиков. В случае инкриминирования фактов мошеннических действий следователям необходимо доказать, что такие работы носили притворный характер, выступая своеобразным приемом по сокрытию истинных намерений обвиняемого. И хотя следственно-судебная практика расследования мошенничества в сфере долевого строительства знает немало уголовных дел о названной категории деяний, вместе с тем сохраняется проблема дифференциации наличия в действиях недобросовестных застройщиков обмана (и (или) введения в заблуждение) либо иных противоправных действий, повлекших невыполнение обязательств перед дольщиками.

Федеральным законом от 1 мая 2016 г. № 139-ФЗ Уголовный кодекс РФ пополнился ст. 200.3 «Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости», что, по замыслу законодателя, призвано было усилить уголовно-правовые меры защиты прав и законных интересов дольщиков. Конструкция указанной нормы носит бланкетный характер, отсылая к отечественному законодательству, регулирующему правоотношения в сфере долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости.

Для наступления уголовной ответственности по ст. 200.3 УК РФ достаточно доказать факт привлечения денежных средств граждан в размере, превышающем три миллиона рублей, вопреки установленным правилам и (или) порядку. При этом законодатель нейтрально относится к мотивам, которыми руководствовался недобросовестный застройщик, не требуя доказывания факта обмана или злоупотребления доверием. Кроме того, лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности в случаях как полного возмещения им суммы привлеченных денежных средств, так и принятия мер, обеспечивших ввод в эксплуатацию многоквартирного дома или иного объекта недвижимости. Основным нормативным актом, регулирующим правоотношения, возникающие между участниками долевого строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (дольщиками, застройщиком, третьими лицами), выступает Федеральный закон РФ от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Положения указанного нормативного акта корреспондируют с взаимосвязанными статьями Гражданского, Земельного, Градостроительного кодексов РФ, иных федеральных законов и подзаконных актов [4, с. 59—66].

Это формирует объективно сложный и трудоемкий процесс, сопровождающий правоотношения в связи с возведением многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости:

- от выделения земельного участка и получения разрешения на строительство;
- до ввода в эксплуатацию завершеного строительством объекта;
- от заключения с заинтересованными лицами договора участия в долевом строительстве;
- до передачи им надлежащего объекта по завершении строительномонтажных и иных работ в объеме, предусмотренном договором.

Кроме того, существенным условием выступает соблюдение сторонами обязательств в отношении оговоренных сроков:

- завершения строительства и ввода в эксплуатацию соответствующего объекта (для застройщиков);
- внесения платежей в соответствии с графиком (для дольщиков).

Все обозначенные выше юридически значимые события отражаются в соответствующих документах, по которым можно проследить этап осуществления правоотношений в сфере долевого строительства с присущими каждому этапу процедурами. Однако субъекты анализируемых деяний нередко используют полуправовые (так называемые серые схемы), при реализации которых документы, фиксирующие те или иные факты и события, одновременно служат средством обхода установленных процедур, а то и средством сокрытия преступлений. Соответственно, при участии заинтересован-

ных лиц видоизменяется форма и содержание предусмотренных законом документов, например, договор участия в долевом строительстве преобразуется в «договор займа», «договор инвестирования», «предварительный договор» и подобные суррогаты.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 указанного Федерального закона РФ № 214-ФЗ, привлечение денежных средств частных лиц для инвестирования в строящиеся многоквартирные дома и иные объекты недвижимости допускается: 1) на основании договора участия в долевом строительстве; 2) жилищно-строительными кооперативами, осуществляющими строительство на земельных участках, предоставленных им из государственной или муниципальной собственности в безвозмездное срочное пользование.

В действующей редакции ст. 1 законодатель также специально оговаривает недопустимость выпуска и продажи ценных бумаг, содержащих обязательство застройщика по завершении строительства выделить и передать владельцу данной ценной бумаги помещение в жилом многоквартирном доме, и, соответственно, содержащих аналогичное право требования у владельца ценной бумаги. Тогда как ранее продажа строящегося жилья с использованием вексельных схем выступала одним из типичных способов уклонения от уплаты налогов со стороны застройщика.

Основной формой привлечения денежных средств дольщиков является заключение сторонами (застройщиком и дольщиком) договора участия в долевом строительстве жилья, который подлежит обязательной государственной регистрации в Едином государственном реестре прав на недвижимость. Государственная регистрация договора представляет собой гарантию защиты прав дольщиков, исключающую двойные продажи одного и того же объекта разным лицам. Следовательно, договоры займа, инвестирования, предварительные договоры, расписки (как самостоятельный документ, формирующий обязательства по строительству и передачи доли) и т. д., по сей день имеющие широкое распространение в практике реализации правоотношений в сфере долевого строительства (но закономерно не предусматривающие государственной регистрации), не только не основаны на законе, но и не исключают риска неоднократной продажи разным лицам одного и того же объекта строительства.

Законодатель предъявляет к застройщику ряд требований, выполнение которых является условием правомерности привлечения денежных средств дольщиков. Прежде всего, застройщик должен обладать разрешением на строительство конкретного объекта на определенном земельном участке, выдаваемом в соответствии со ст. 51 Градостроительного кодекса РФ уполномоченным органом исполнительной власти или органом местного самоуправления. В разрешении на строительство, по общему правилу, отражается ряд официальных данных, анализ которых приобретает значимость для расследования преступлений указанной категории:

— серия, номер разрешения, дата выдачи, сведения о застройщике и должностном лице, выдавшем разрешение;

— характеристики земельного участка, на котором планируется ведение строительства: кадастровый номер, адрес, площадь;

— характеристики объекта строительства: наименование объекта строительства (многоквартирный жилой дом и т. п.), площадь застройки, общая площадь и строительный объем, количество этажей (включая, наряду с жилыми этажами, также технические этажи, этажи для коммерческой недвижимости);

— сроки действия разрешения, включая данные о продлении действия разрешения на определенный срок.

В то же время до сих пор не изжита практика, при которой застройщики получают разрешение на строительство индивидуального жилого дома на земельных участках, предназначенных для индивидуального жилищного строительства, но на деле осуществляется строительство многоквартирного дома, в том числе с превышением характеристик касательно этажности, площади, высоты здания. Введение таких объектов в эксплуатацию нередко происходит через судебное решение, что, разумеется, не может гарантировать соответствие такого объекта всем принятым стандартам, включая безопасность проживания. Более того, практика последних лет свидетельствует об участившихся случаях отмены подобных решений вышестоящими судами, что нередко влечет признание постройки незаконной и ставит вопрос о наличии в действиях ответственных лиц организаций — застройщиков (либо застройщиков — физических лиц, привлекающих подрядные организации) признаков преступлений.

Еще более неблагоприятным вариантом является строительство жилого дома вопреки отсутствию разрешения на строительство, в расчете на разрешение этой проблемы впоследствии, в том числе путем сговора с уполномоченными лицами администрации, наличия коррупционных связей с органами власти, а равно путем склонения указанных должностных лиц к совершению противоправных действий [5, с. 72—77]. Анализ правоприменительной практики позволяет констатировать участившиеся случаи привлечения к уголовной ответственности уполномоченных должностных лиц органов власти и органов местного самоуправления за незаконную выдачу ими разрешения на строительство (в том числе в отношении фактически строящегося здания), выступающую частным случаем превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Следовательно, преступления в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости могут представлять взаимно корреспондирующие деяния, отражающие организованную и согласованную противоправную деятельность уполномоченных должностных лиц органов власти и подконтрольных им застройщиков.

Таким образом, преступления в сфере долевого строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости представляют собой группу деяний, которые, с точки зрения Уголовного кодекса Российской Федерации, могут не только отображаться в самостоятельных статьях Особенной части, но и порой иметь неодинаковые объекты уголовно-правовой охраны, рассредоточиваясь в различных главах и разделах уголовного закона. Вместе с тем, с точки зрения криминалистики, они имеют комплекс общих черт, позволяющих их систематизировать [6, с. 5—10]. Помимо наличия единой сферы — долевого строительства, формирующей общность криминалистически значимых особенностей обстановки этих деяний, существенным фактором выступает такой общий элемент их механизма, как нарушения норм законодательства о долевом строительстве. Поэтому, с точки зрения формирования частной криминалистической методики расследования данных деяний [7, с. 23—35], положения, регулирующие порядок осуществления правоотношений в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости, необходимо рассматривать в качестве не справочного материала, а нормативных источников разработки криминалистической методики. Изучение данных нормативных положений в сочетании с эмпирическим анализом уголовных дел о преступлениях в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости позволяет выявить наиболее типичные способы совершения данных деяний и присущие соответствующему способу следы, причастность к совершению этих посягательств лиц, характеризующихся определенными качествами (профессиональными, индивидуально-психологическими и т. д.). Это позволит представить более полную и объективную информационную модель данных деяний, выступающую методологической предпосылкой по повышению результативности производства следственных и иных процессуальных действий, что будет рассмотрено в последующих наших исследованиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Варданян А. В.* Механизм злоупотребления полномочиями субъектами управленческих функций в коммерческих и иных организациях как методологическая основа для формирования частной криминалистической методики расследования преступлений / А. В. Варданян, К. В. Гончаров // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2015. — № 4—2. — С. 3—9.
2. *Варданян А. В.* Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость: моногр. / А. В. Варданян, В. А. Антонов, В. С. Белохребтов. — Иркутск, 2016. — 112 с.
3. *Варданян А. В., Грибунов О. П., Трубкина О. В.* Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования: моногр. / А. В. Варданян, О. П. Грибунов, О. В. Трубкина. — Иркутск, 2016. — 152 с.
4. *Варданян А. В.* Преступные нарушения земельных правоотношений как неотъемлемые деструктивные последствия либерализации прав на землю: генезис и механизм по-

сягательства / А. В. Варданян // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14. № 1. — С. 59—66.

5. Варданян А. В., Айвазова О. В. Должностные преступления в сфере экономики как объект криминалистического научного анализа / А. В. Варданян, О. В. Айвазова // Труды Академии управления МВД России. — 2017. — № 1 (41). — С. 72—77.

6. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Криминалистические классификации преступлений и их системообразующая роль в формировании частных криминалистических методик расследования преступлений как научно обоснованных комплексов криминалистических рекомендаций / А. В. Варданян, Р. В. Кулешов // Российский следователь. — 2015. — № 21. — С. 5—10.

7. Варданян А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений / А. В. Варданян, О. П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2017. — № 2 (81). — С. 23—35.

УДК 343.985

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10052

Десятов Михаил Сергеевич,

начальник учебного отдела Омской академии МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. Проблемы формирования правосознания в оперативно-розыскной деятельности незаслуженно перестали представлять интерес для современных теоретиков — последние работы, адресованные к этой теме, датированы 70-ми годами прошлого столетия. В то же время правоприменение в оперативно-розыскной деятельности предъявляет повышенные требования к ее субъектам, в том числе в вопросах этики и морали, осознания правового характера осуществляемой деятельности. В оперативно-розыскные правоотношения вовлечены также лица, не имеющие отношения к решению задач, стоящих перед правоохранительными органами, но они в силу различных обстоятельств прямо или косвенно связаны с ними. Более того, не редко от простых граждан (потерпевших, свидетелей, понятых, лиц, оказывающих содействие и пр.) зависит эффективность конкретного оперативно-розыскного мероприятия и оперативной проверки (разработки). Это требует уяснения сути правосознания таких лиц с учетом специфики оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: Оперативно-розыскная деятельность, правоприменение, правосознание, оперативно-розыскные правоотношения.

Desyatov Mikhail Sergeevich,

head of the educational Department of the

Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia,

Candidate of Law, Associate Professor

CONTENT AND FEATURES OF FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF PERSONS INVOLVED IN OPERATIONAL SEARCH RELATIONS

Abstract. Problems of formation of legal awareness in operational search activities have unfairly ceased to be of interest to modern theorists — the last works addressed to this topic are dated to the 70s of the last century. At the same time, law enforcement in operational investigative activities imposes increased requirements on its subjects, including in matters of ethics and morality, and awareness of the legal nature of the activities carried out. Persons who are not related to solving the tasks facing law enforcement agencies are also involved in operational-search legal

relations, but they are directly or indirectly related to them due to various circumstances. Moreover, it is not uncommon for ordinary citizens (victims, witnesses, witnesses, persons providing assistance, etc.) to determine the effectiveness of a specific operational search event and operational verification (development). This requires understanding the essence of legal awareness of such persons, taking into account the specifics of operational search activities.

Keywords: operational-search activity, law enforcement, legal awareness, operational-search legal relations.

Приступая к исследованию правосознания, присущего участникам оперативно-розыскных правоотношений, заметим, что ранее эта проблема в оперативно-розыскной науке не поднималась и практически не изучалась, хотя институт участия граждан в оперативно-розыском процессе существует столько же, сколько сама оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) в различных её проявлениях. В то же время представляется, что эффективность правоприменительной деятельности в рамках ОРД неразрывно связана с уровнем развития не только профессионального правосознания оперативных сотрудников, но правосознания иных её участников, что облечено в форму оперативно-розыскных правоотношений. Нельзя отрицать и тот факт, что одной из специфических особенностей оперативно-розыского процесса является участие в нем фактически обычных граждан, не только не имеющих юридического образования, но и порой лишенных элементарных представлений о праве. Более того, такие лица строят свои представления об оперативно-розыскной деятельности на штампах и клише, используемых в литературе, кино, телевидении. Осложняет ситуацию тот факт, что неотъемлемым элементом оперативно-розыского процесса являются конфиденты, большинство которых являются представителями криминального мира, уровень правосознания которых не нуждается в характеристике. Полагаем, с учетом обозначенной выше общепринятой в праве типологизации можно уверенно судить о наличии у названных лиц обыденного правосознания, которое, как справедливо утверждает В. В. Беденков, представляет собой самый первый уровень правосознания, который свойственен основной массе членов общества, возникая под влиянием конкретных жизненных обстоятельств, личного правового опыта и характеризуя отношение лица к праву на бытовом уровне в различные переходные периоды [1, с. 24].

Разумеется, участников оперативно-розыскных правоотношений нельзя ставить на одну ступень и отождествлять лишь с этой позиции — слишком очевидны отличия в степени их вовлеченности в оперативно-розыскной процесс. В связи с этим рассмотрим содержание обыденного правосознания применительно к следующим категориям граждан:

— лица, систематически принимающие непосредственное участие в оперативно-розыскной деятельности (лица, оказывающие содействие на гласной и негласной основах, с заключением контракта и без такового);

— лица, ситуативно вовлекаемые в оперативно-розыскной процесс, становясь участниками оперативно-розыскных правоотношений (свидетели, потерпевшие и пр.);

— лица, не вовлеченные в оперативно-розыскной процесс, но при необходимости представляющие оперативный интерес (потенциальные источники оперативно значимой информации).

Анализируя особенности правосознания названных лиц, можно согласиться с мнением А. А. Мусурманкуловой, подразделяющей обыденное правосознание на три основные категории [2, с. 212]:

— индивидуальное (первые две категории — Д. М.);

— групповое (классовое, национальное);

— общенациональное (третья из указанных категорий — Д. М.).

Говоря об индивидуальном правосознании, мы имеем ввиду совокупность представлений, взглядов, правовых установок, наличествующих у конкретных индивидов, вовлеченных в ОРД. Не менее важной представляется проблема массового обыденного правосознания, создающего предпосылки к формированию искаженного представления о выполняемых правом функциях в целом и о сути и назначении оперативно-розыскной деятельности в частности. Более того, массовое обыденное правосознание фактически закладывает основу общественного восприятия не только оперативно-розыскной деятельности и добываемых ей результатов, но используемых методов и средств. В результате искажения общественного обыденного правосознания через средства массовой информации, Интернет, литературу, кинообразы и пр. оперативные сотрудники сталкиваются деформацией правосознания на индивидуальном уровне, проявляющейся в различных ипостасях, начиная с банального нежелания общаться, например, в процессе подворно-поквартирного обхода, и заканчивая совершением преступлений в отношении оперативных сотрудников. К сожалению, в настоящее время общество воспринимает оперативных сотрудников как представителей «карательных» государственных органов, наделенных правом проводить тайные (в сознании многих обывателей это понятие тождественно «незаконному») мероприятия с использованием информаторов, статус которых неизменно ассоциируется в обществе с предательством, ложью и пр. аморальными поступками.

Анализируя обыденное правосознание названных категорий вовлекаемых в оперативно-розыскной процесс лиц, необходимо, на наш взгляд, опираться на оценочное восприятие ими той или иной правовой действительности, исходя из их личного опыта и знаний. В этом ключе представляет интерес подход, предлагаемый А. А. Бондаревым, согласно которому выделяется четыре типа оценочных отношений применительно к обыденному правосознанию:

1) отношение к праву в целом (его принципам, нормам, институтам);

2) отношение к правовому поведению окружающих и к объектам деятельности (преступности, преступлениям, преступникам);

3) отношение к правоохранительным органам (прокуратуре, суду, юстиции);

4) отношение к своему собственному поведению (самооценка) [3, с. 296].

Опираясь на сказанное, полагаем, что лица, систематически оказывающие содействие оперативным подразделениям, должны находиться под пристальным вниманием не только со стороны курирующих их оперативных сотрудников, но и руководителей этих подразделений. Их деятельность должна подвергаться всестороннему анализу с позиции мотивационного поведения, стрессогенных факторов, а также с учетом взаимоотношений с курирующим оперативным сотрудником, побуждающим или, напротив, сдерживающим активность конфиденнта как в правомерном, так и противоправном русле. В результате комплексного анализа правомерной активности или бездействия конфиденциальных сотрудников применительно к конкретным оперативным подразделениям и органам целесообразно разрабатывать дорожные карты (комплексы мероприятий) по устранению выявленных недостатков и нарушений.

Кроме того, выявлена проблема, заключающаяся в наличии внутреннего конфликта между обыденным и профессиональным правосознанием, носителями которого являются лица, оказывающие конфиденциальное содействие на контрактной и бесконтрактной основах. Суть этого внутреннего конфликта заключается в том, что конфиденнты, с одной стороны, являясь рядовыми членами общества, фактически обладают обыденным правосознанием, поскольку не занимаются профессиональной юридической деятельностью, не обладают профессиональными знаниями в области права, не являются представителями профессионального юридического сообщества [4, с. 304]. С другой стороны, они довольно глубоко погружены в процессы, происходящие в оперативно-розыскной деятельности, обладают знаниями в области организации и тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий, наделены хоть и ограниченной, но все-таки самостоятельностью принятия тех или иных решений. Кроме того, они перманентно пребывают в обстановке, которая предполагает анализ и оценку происходящих вокруг событий, заставляющих их принимать решения не как обыватель, а скорее как профессионал. Безусловно, основа этих действий формируется в значительной мере инстинктивно, однако уровень правосознания таких лиц, полагаем, существенно отличается от обыденного. На наш взгляд, применительно к лицам, оказывающим конфиденциальное содействие, уместно вести речь о наличии у них собственного уникального уровня правосознания — обыденно-профессионального, которое характеризуется наличием у его носителя правовых установок и взглядов, не только формирующих внутреннее отношение к окружающей правовой действительности, но и побуждающих к правомерному поведению, не связанному с профессиональной юридической деятельностью. На наш взгляд, формирование правосознания конфиденнта с учетом

высказанного тезиса должно строиться на внимательном отношении со стороны курирующего оперативного сотрудника к уровню его правовых знаний, к способности в юридически правильном анализе и оценке той или иной ситуации. Безусловно, мы осознаём, что в большинстве случаев конфидентами являются представители криминалитета, что в некотором смысле ставит под сомнение обоснованность предлагаемого подхода. В то же время необходимо учитывать, что руководство работой конфиденциальных сотрудников носит в известной степени условный характер. Представляется, что в созданных условиях фактической бесконтрольности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, нередко вынужденных самостоятельно решать возникающие у них проблемы, в том числе правового характера, в силу недостаточности знаний и опыта многие из них потенциально склонны к инертности, что в конечном счете способно оказать негативное влияние на результативность их деятельности. С другой стороны, наличие у конфидентов профессиональных знаний и умений (в необходимых для работы пределах) создает определенные предпосылки к их использованию в собственных корыстных целях, что, разумеется, требует должного контроля за их поведением со стороны курирующего оперативного подразделения. Представляется, что назрела необходимость снятия запрета на проведение оперативно-технических и оперативно-поисковых мероприятий, ограничивающих конституционные права названных лиц не только при наличии информации о причастности их к подготовке и совершению преступлений, но и в любых иных случаях, требующих проверки их надежности. Думается, что предлагаемая мера создаст баланс доверия и контроля, который привнесет в процесс правоприменения взаимное стремление к формированию должного уровня правосознания.

Что касается второй и третьей категорий, названных выше, то здесь, на наш взгляд, очевидна потребность кардинального изменения отношения общества в целом к институту оперативно-розыскной деятельности. Анализ сложившейся практики свидетельствует о резком снижении уровня доверия граждан сотрудникам правоохранительных органов и оперативным сотрудникам в частности. Среди причин, как правило, фигурируют: личный негативный опыт общения с оперативными сотрудниками, негативный опыт близкого окружения лица, послуживший основой уже личного недоверия к правоохранительным органам; негативное отношение к оперативным сотрудникам, сложившееся под влиянием внешних факторов непрямого действия (СМИ, Интернет) и др. В качестве негативного примера такого влияния можно назвать серию «громких» уголовных дел, возбужденных в отношении руководителей оперативных подразделений ГУЭБиПК по г. Москве по факту совершения ими коррупционных преступлений. В результате большого общественного резонанса значительная часть населения ассоциирует данную категорию оперативных сотрудников исключительно с коррупцией, даже те, кто никогда не общался с представителями данных подразделений. Факт противоправных действий в отношении Ивана Голунова со стороны опера-

тивных сотрудников ГУНК, подбросивших ему наркотические средства и сфальсифицировавших тем самым доказательства, повлек рекордное снижение уровня доверия граждан правоохранительной системе. В то же время такие факты, как правило, носят бессистемный единичный характер и, вызывая общественный резонанс, не только наносят ущерб престижу оперативных служб, но и ставят под сомнение результаты других оперативных разработок и принятых решений о возбуждении или отказе в возбуждении уголовных дел. Полагаем, назрела необходимость изменения системного подхода к формированию положительного образа представителя оперативного подразделения, требующего разработки комплекса мер общегосударственного и внутриведомственного характера, направленных на недопущение распространения негативной информации о единичных случаях совершения оперативными сотрудниками противоправных деяний, усиление тенденций распространения информации о положительных результатах работы оперативных подразделений различных уровней и т. д.

Рассмотрение вопросов, связанных с формированием правосознания участников оперативно-розыскных правоотношений, с нашей точки зрения, неразрывно связано с анализом не только степени и характера влияния оперативных сотрудников на правосознание участников оперативно-розыскных правоотношений, но и формируемых в результате такого воздействия внутренних качеств таких лиц, которые, по сути, создают основу формирования правового сознания не только под воздействием внешних факторов, но и внутренних. В этом ключе представляют интерес результаты исследования, проведенного А. А. Жигулиным, по мнению которого наибольший интерес представляют два внутренних качества носителей правосознания, участвующих в правоприменительном процессе [5, с. 32—33]:

1. Правовая совесть — интуитивное понимание правовой справедливости, стремление к ней в рамках реализации норм права. Это постоянная устремленность субъекта к сближению объективного и идеального права, способность понимать нормы права, заложенные в них требования и права с позиции их идеи и целеполагания, а не с формальных позиций. По мнению автора, должно преобладать естественно-правовое сознание — на первый план должно выходить чувство закона, права, законности, правопорядка. Разумеется, не ставится вопрос о глубоком и всестороннем погружении лиц, не допущенных к сведениям, составляющим государственную тайну, в особенности организации и тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий. В то же время в зависимости от уровня образования лица, его интеллектуального развития оперативный сотрудник (при необходимости — руководитель оперативного подразделения) должен проводить разъяснительную работу на предмет значимости и законности оперативно-розыскной деятельности в целом и отдельных её институтов в частности (содействия; проведения отдельных ОРМ, требующих участия граждан и др.). Формирование и развитие правовой совести — сложный и долгий процесс, требующий

от оперативного сотрудника наличия соответствующих знаний; чувства такта, терпения; стремления к саморазвитию.

2. Правовой инсайт — внезапное, целостное системное «схватывание», понимание сущности правовой ситуации, когда из разрозненных, фрагментарных гносеологических единиц смыслоконструирования идеальных моделей реального объекта складывается комплексное видение правовой проблемы. Иными словами — это интуитивные правовые догадки, прозрения, позволяющие быстро вникнуть в суть происходящего. Данное внутреннее качество имеет чрезвычайно важное правовое значение для работы лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, поскольку:

- ограничено время на подготовку и принятие решений;
- быстро меняется обстановка, сопровождающая правоприменительную деятельность;
- информация, получаемая конфидентом, непознаваема в полном объеме и т. д.

В свете сказанного формирование правового инсайта у лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, представляется весьма значимым, что в совокупности с формированием и развитием правовой совести позволит осуществлять правоприменительную оперативно-розыскную деятельность на качественно новом профессиональном уровне.

В заключение отметим, что рассмотренные аспекты правосознания лиц, участвующих в оперативно-розыскной деятельности, не должны восприниматься обособленно, независимо от правосознания оперативных сотрудников. Правосознание тех и других представляет собой общность, являющуюся одним из основных элементов правоприменения в оперативно-розыскной деятельности. Возможно, это не основной «кирпич» в фундаменте оперативно-розыскных правоотношений, однако даже незаметная трещина в нем способна привести к катастрофическим последствиям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Беденков В. В. Понятие и структура обыденного правосознания / В. В. Беденков // Известия Алтайского государственного университета. — 2016. — № 3. — С. 23—27.
2. Мусурманкулова А. А. Виды правового сознания / А. А. Мусурманкулова // Известия вузов Кыргызстана. — 2015. — № 5. — С. 212—213.
3. Бондарев А. А. Правосознание в механизме правового поведения субъектов правоотношений / А. А. Бондарев // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2015. — № 3. — С. 296—268.
4. Петров А. В., Домнина А. В. Профессиональное правосознание: объективные основания и особенности / А. В. Петров, А. В. Домнина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Право. — 2015. — № 5—6. — С. 299—306.
5. Жигулин А. А. Психологические аспекты правосознания / А. А. Жигулин // Научно-исследовательские публикации. — 2014. — № 2. — С. 29—37.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10053

Дронова Ольга Борисовна,

профессор кафедры криминалистической техники
учебно-научного комплекса

экспертно-криминалистической деятельности

Волгоградской академии МВД России,

кандидат юридических наук, доцент;

Рыжков Иван Викторович,

преподаватель кафедры криминалистической техники
учебно-научного комплекса

экспертно-криминалистической деятельности

Волгоградской академии МВД России.

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РАБОТЕ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СИСТЕМЫ НАТУРНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ (КОНЕЦ XIX — СЕРЕДИНА XX ВЕКА)

Аннотация. В статье выделены исторические периоды формирования и использования коллекций, содержащих криминалистически значимые сведения, ведущиеся в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД. В историческом контексте рассмотрена трансформация форм, методов и средств ведения коллекций, с учетом развития криминалистической науки и совершенствования технических средств и методов, используемых в ходе противодействия преступности.

Ключевые слова: коллекции, натурные объекты, систематизация информации, регистрация, информационная карта.

Dronova Olga Borisovna,

Professor of the Department of Criminalistics Techniques
of the Training and Scientific Complex

of Expert-Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the MIA of Russia, Candidate of Law, Assistant Professor;

Ryzhkov Ivan Viktorovich,

Lecturer at the Department of Criminalistics Techniques
of the Training and Scientific Complex

of Expert-Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

INITIAL STAGES OF DEVELOPMENT AND USE OF THE SYSTEM OF NATURAL COLLECTIONS IN THE WORK OF FORENSIC UNITS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES (THE LATE 19TH — THE MID-20TH CENTURY)

Abstract. The article highlights the historical periods of formation and use of collections containing criminally significant information in the forensic divisions

of the Ministry of internal Affairs. In the historical context, the author considers the development of forms, methods and means of maintaining collections, taking into account the development of forensic science and the transformation of technical means and methods used during countering crime.

Keywords: collections, natural objects, systematization of information, registration, information map.

Проблема формирования, ведения, хранения и использования криминалистически значимой информации, полученной в ходе выявления и расследования преступлений, не теряет своей актуальности на протяжении нескольких столетий. С момента начального этапа становления экспертных структур начали создаваться натурные фонды данных, позволяющих иметь в постоянном пользовании сотрудников значительный объем эмпирического материала, применение которого способствовало информационному обеспечению противодействия противоправной деятельности. Хранение информации, предопределяемое целями её систематизации, осуществлялось как в форме информационных и дактилоскопических карт, так и в виде отдельных фотографических изображений регистрируемых объектов или коллекций самих натуральных предметов. Анализ исторических источников позволяет выделить несколько временных периодов, в рамках которых рассматриваются различные подходы к формированию и использованию данных, содержащихся в натуральных коллекциях правоохранительных органов.

Первый период (конец XIX века по 1917 г.) деятельности по сбору и систематизации криминалистически значимой информации характеризуется двумя основными направлениями: обеспечением потребностей розыскных подразделений и научным обеспечением развития методологических основ криминалистических судебных экспертиз.

Реализация первого направления осуществлялась посредством регистрации лиц, представляющих оперативный интерес, с целью их дальнейшей идентификации. В рассматриваемый период формирование банков данных о лицах, причастных к совершённому преступлению, осуществлялось с применением антропометрической и дактилоскопической систем. При использовании антропометрической системы регистрации ключевая информация о лицах хранилась в виде массивов информационных карт и содержала сведения об измерениях тела человека, особых приметах, составленных с использованием метода словесного портрета, и фотоизображений, выполненных по правилам сигналетической фотографии. Дактилоскопическая система регистрации предусматривала фиксацию информации о лицах на бланках, содержащих оттиски пальцев и ладоней рук, а также фотографическое изображение лица в ракурсах анфас и профиль. В ходе развития системы регистрации в 1907 г. в России был создан Центральный справочный аппарат (далее — ЦСА) при Регистрационном отделе Департамента полиции, в котором

в форме картотек собирались сведения о регистрируемых лицах. Экземпляры карт в обязательном порядке направлялись в Центральное регистрационное бюро Департамента полиции и Центральную справочно-регистрационную картотеку.

Одновременное использование двух указанных методов регистрации обусловлено тем, что дактилоскопия в большей степени применялась для доказательства причастности лица к преступлению, а антропометрия — для розыска подозреваемых [3, с. 20]. Несмотря на результативность применения обоих методов, дактилоскопия рассматривалась в качестве основной системы регистрации, предусматривающей хранение данных о лицах в виде массивов дактилоскопических карт.

Необходимо отметить, что наряду с картотечной формой хранения дактилоскопической информации в рассматриваемый период в ЦСА существовали коллекции образцов почерка преступников, орудий и предметов, применяемых ими при совершении преступлений. Их формирование и ведение осуществлялось как в фотографической форме, так и в виде коллекций натуральных объектов, имевших отношение к совершённым преступлениям [6, с. 14]. Коллекция образцов почерка преступников была создана с целью установления причастности лица к совершению нескольких преступлений, причем образцы почерка преимущественно отбирались у лиц, осужденных за мошеннические действия, связанные с изготовлением поддельных документов и расписок. Коллекция орудий совершения преступлений предусматривала систематизацию средств, устройств и приспособлений, позволявших осуществить кражу, взлом, мошенничества и иные преступления против собственности. В отдельных коллекциях были размещены экземпляры огнестрельного и холодного оружия, применявшегося при совершении преступлений против личности. Данные коллекции использовались как в целях информационного обеспечения оперативной деятельности правоохранительных органов, позволявших говорить о едином источнике происхождения объектов, установлении причастности одного лица к изготовлению разных объектов, так и для обучения новых сотрудников, поступивших на службу.

Новой для рассматриваемого периода формой систематизации информации являлись натурные коллекции, оформленные в виде музейных экспонатов. В 1912 г. при Департаменте полиции в Санкт-Петербурге по инициативе В. И. Лебедева был создан музей уголовного сыска и научной техники расследования преступлений [1]. Экспонатами музея становились вещественные доказательства, представлявшие собой орудия и предметы, используемые преступниками, которые направлялись на экспозицию после вступления приговора в силу. Цель создания экспозиций, согласно данным, содержащимся в журнале «Вестник полиции» № 43 за 1912 г., обозначалась как «учебно-показательный материал при подготовке полицейских чинов к занятию должностей по сыскной полиции». Создание натуральных коллекций в виде

музейных экспозиций в дальнейшем получило значительное распространение на территории РСФСР и всего Советского союза.

Рассматривая второе направление деятельности по сбору и систематизации криминалистически значимой информации, характерное для начального этапа становления деятельности по созданию натуральных коллекций правоохранительных органов, следует отметить, что впервые систематизация сведений в натуральных и фотографических массивах данных начала обеспечивать потребности экспертных подразделений. Так, в судебно-фотографической лаборатории при Санкт-Петербургском окружном суде проф. Е. Ф. Буринским велись коллекции выявленных технических подделок документов и спорных рукописных записей, которые хранились в фотографическом виде, что можно рассматривать в качестве первой формы систематизации экспертно-криминалистической информации. На фотографиях были зафиксированы выявленные залитые и выскобленные записи, поддельные облигации со следами изменения первоначального содержания цифровых записей, варианты подделки расписок, писем, оттисков печатей и штампов [6, с. 15].

Необходимо выделить две основные задачи, которые решали первые коллекции, формируемые в экспертных подразделениях, представленные в фотографической форме.

1. Собираение эмпирического материала для разработки научных основ криминалистического исследования и создания методических рекомендаций сравнительного исследования при производстве экспертиз соответствующего вида. Так, решение данной задачи предусматривало коллекционирование фотоизображений рукописных записей в специализированных фотоальбомах с целью выявления и изучения закономерностей проявления общих и частных признаков почерка. Данный факт находит свое подтверждение в отчете деятельности судебно-фотографической лаборатории при Санкт-Петербургском окружном суде за период с сентября 1889 по сентябрь 1892 г. [6, с. 15], в котором подчеркивается особое значение коллекционной деятельности для разработки общих методических основ производства почерковедческого исследования.

2. Доведение до сведения заинтересованных специалистов и научного сообщества существующих возможностей использования фотографических методов при исследовании спорных документов.

Основопологающим моментом, способствующим созданию фотоколлекций выявленных технических подделок документов, по нашему мнению, можно считать проведенную Е. Ф. Буринским 11 сентября 1889 г. комплексную судебную (техничко-криминалистическую и почерковедческую) экспертизу по уголовному делу Рокоссовского и Юнгерца, в ходе которой при последовательном применении светофильтров был установлен факт технической подделки подписи [8, с. 224]. В ходе дальнейшей работы им была создана обширная фотоколлекция технических подделок документов, которую предс-

тавили в виде экспозиции на московской фотографической выставке в 1892 г. Создание фотографических коллекций поддельных документов, демонстрировавших возможности судебной фотографии, способствовала не только официальному становлению в Петербурге судебно-фотографической экспертизы и созданию лабораторий судебной фотографии на всей территории страны, но и разработке теоретических основ технико-криминалистической экспертизы документов.

В ряде научно-практических работ, опубликованных в рассматриваемом периоде, можно встретить упоминание о практическом пособии для судебных деятелей, разработанном С. Н. Трегубовым, в котором был представлен механизм образования следов оружия на пулях и гильзах, а также методы их экспертного исследования. Коллекции огнестрельного оружия, пуль и гильз, сформированные в рамках работы над практическим пособием, способствовали развитию судебной баллистики как отрасли знания [7, с. 40].

Стоит отметить, что создание натуральных коллекций в подразделениях, обеспечивающих экспертно-криминалистическую деятельность рассматриваемого периода, осуществлялось преимущественно в инициативном порядке и не регламентировалось ведомственными нормативными правовыми актами.

Резюмируя состояние начального этапа формирования натуральных коллекций в правоохранительных органах (конец XIX в. по 1917 г.), можно отметить, что создание отдельных структур, таких как регистрационные бюро и отделы, обеспечивавших сбор, систематизацию и хранение информации, посредством ведения информационных массивов, сопровождавшихся фотографическими изображениями и коллекциями объектов в натурном виде, способствовало расширению возможностей информационного обеспечения деятельности розыскных подразделений. Основная цель их создания предусматривала не только идентификацию разыскиваемого лица, но и установление его связи с преступлением с учетом используемых им методов и средств, дополнительно новые натурные фонды обеспечивали наглядность процесса обучения новых сотрудников.

При реализации второго направления коллекционной деятельности, обеспечивавшем развитие методологических основ криминалистических экспертиз, реализовывались цели накопления эмпирического материала, необходимого для разработки теоретических основ производства экспертных исследований, а также доведения до сведений заинтересованных лиц информации о возможности получения доказательственной информации. При этом формировались натурные коллекции предметов, причастных к совершённым преступлениям, ставших объектами криминалистических исследований, позволявшие получить информацию о способах и механизмах совершённого преступления, а также об используемых преступниками технических средствах.

Послереволюционный период коллекционной деятельности (с 1917 г. по конец 1940-х гг.) в системе МВД характеризуется более масштабными возможностями по сравнению с предыдущим этапом, позволяющими обеспечить потребности оперативных и экспертных подразделений, являвшихся составными подразделениями уголовного розыска.

С целью решения вопросов установления неизвестных лиц и трупов, а также поиска разыскиваемых лиц, в 1919 г. Коллегией НКВД РСФСР при Центроузрозыске были созданы регистрационное и дактилоскопическое бюро, которые в дальнейшем подвергались переподчинению и трансформации. Регистрационная деятельность, осуществляемая с целью розыска преступников и идентификации неустановленных лиц, предусматривала использование единой централизованной дактилоскопической системы, которая была утверждена приказом Управления уголовного розыска № 32 от 15 июня 1922 г. Регистрация преступников и лиц, представляющих оперативный интерес, носила обязательный характер и осуществлялась в форме дактилоскопических карт с приобщенными к ним фотографическими изображениями, выполненными по правилам сигналетической съемки.

Новым направлением регистрационной деятельности по обеспечению потребностей оперативных подразделений можно считать разработанную С. М. Потаповым систему опознания трупов и лиц, пропавших без вести. Ведение информационных массивов устанавливал циркуляр Центрального Административного управления НКВД РСФСР № 571 (декабрь 1924 г.) «Об установлении центральной регистрации неопознанных трупов и бесследно пропавших лиц», который предусматривал хранение информации в форме карточек. Целесообразность данного направления регистрации была подтверждена письмом помощника прокурора Верховного суда СССР от 10.12.1924 № 43/33415, в котором сообщалось следующее: «Текст представленных карточек, „Н. Т.“ и „Б. П.“, и циркуляр о порядке установления личности неопознанных трупов возражений не встречает, ввиду полной целесообразности принимаемой меры о способах регистрации неопознанных трупов и бесследно пропавших» [8, с. 249].

Вторая задача, которую решала коллекционная деятельность в данный период, позволяла обеспечить потребности обучения сотрудников розыскных и экспертных подразделений посредством организации и ведения в музеях, научно-технических отделах, институтах и учебных заведениях натуральных коллекций объектов, причастных к совершённым преступлениям.

Следует отметить, что натурные коллекции объектов, ведущиеся в учебных заведениях МВД РСФСР и СССР в рассматриваемый период, были малозначимыми. Данное обстоятельство связано с тем, что система профильных учебных заведений находилась на стадии становления и при обучении сотрудников уголовного розыска в большей степени обращались к натурным коллекциям, представленным в качестве музейных экспонатов.

В 1918 г. на основании приказа по Московской уголовно-розыскной милиции комиссара К. Розенталя создан музей, который в дальнейшем преобразован в музей при Центrorозыске РСФСР. Экспонатами музея являлись натурные объекты в виде инструментов, используемых преступниками, а также иные объекты, имеющие отношение к преступлению, собиравшиеся в соответствии с приказом. Цель создания музея четко отражена в письме, поступившем в феврале 1919 г. в Президиум Моссовета, в котором отмечалось, что музей имеет «громадное научное и показательное значение для инструкторования всех Отделений Уголовного Розыска РСФСР» [2]. Коллекция музея пополнялась в инициативном порядке на основании запросов руководителей в розыскные подразделения и использовалась для обучения слушателей Московской школы милиции и повышения квалификации действующих сотрудников уголовного розыска.

С 1922 г. в структуре Научно-технического отдела (далее — НТО) НКВД, помимо статистического, дактилоскопического, фотохимического и экспертного подразделов, появилось новое подразделение музейной кодификации [4, с. 183]. Его основной функцией являлись организация и ведение систематизированных натуральных коллекций в виде музейных экспонатов. В рассматриваемый период криминалистические музеи являлись составной частью отдела Уголовного розыска, и особой задачей отдела являлась создание и ведение экспозиций музеев на местах [8, с. 255]. Указанное структурное дислоцирование криминалистических музеев в системе НКВД, в совокупности с тем, что фактически формирование и ведение самих фондов натуральных коллекций в музеях осуществляли НТО НКВД, позволяет отнести коллекции музейных экспонатов к одной из форм ведения экспертно-криминалистических учетов рассматриваемого периода.

Натурный фонд музеев формировался из вещественных доказательств, содержащих криминалистически значимую информацию, передаваемых в соответствующую коллекцию после вступления приговора в законную силу. Кодифицированный подход предусматривал организацию отдельных систематизированных коллекций огнестрельного и холодного оружия, специализированных орудий взлома, поддельных денежных билетов, документов и оборудования, применявшегося для их изготовления, а также наркотических веществ. Необходимо отметить, что циркуляром Центрального административного управления НКВД РСФСР № 423 от 7 декабря 1923 г. предписывалось в обязательном порядке направлять в центральный музей наиболее интересные в научном плане экземпляры либо их фотографические копии [5, с. 98]. Издание данного циркуляра впервые в истории отечественной криминалистики установило уровневый подход к ведению экспертно-криминалистических учетов, который был основан на криминалистической значимости регистрируемого объекта и предусматривал два уровня — федеральный,

ведущийся в центральном музее НКВД и региональный, формируемый в музеях отделений уголовного розыска субъектов РСФСР и СССР.

Объекты, находящиеся в музеях в качестве экспонатов, могли использоваться как в целях обучения сотрудников экспертных подразделений, так и сотрудниками оперативных подразделений для установления связи преступника с совершённым преступлением через объекты, используемые при совершении противоправных действий.

Накопление экспертной практики, сопровождаемое созданием многочисленных коллекций объектов, использовавшихся при совершении преступлений, и материальных следов, сопутствующих событию преступления, способствовало научному обеспечению потребностей экспертных подразделений. Натурные коллекции являлись необходимым эмпирическим элементом для разработки таких научных и методических работ, как: «Краткое пособие для экспертов», вышедшее в 1935 г. под редакцией Б. М. Комаринца и А. Д. Хананина, «Руководство по осмотру мест происшествий», изданное в 1938 г. под редакцией Б. М. Комаринца и Б. И. Шевченко. Нельзя не отметить и работу В. Ф. Червакова «Судебная баллистика», при создании которой автором, возглавлявшем на тот момент Белорусский Научно-исследовательский институт судебно-медицинской экспертизы и криминалистики, были собраны и систематизированы сведения о материальной части разных видов огнестрельного оружия, о составе взрывчатых веществ и признаках выстрела. Очевидно, что при их создании требовалась обширная коллекция огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, собранная на базе НИИ судебно-медицинской экспертизы и криминалистики.

Второй этап формирования натурных коллекций в правоохранительных органах (с 1917 г. по конец 1940-х гг.) в целом характеризуется становлением установленных ведомственными нормативными правовыми актами коллекций, которые велись в виде объектов в натуре, фотоизображений, дактилоскопических и информационных карт. Несмотря на то, что предназначение коллекций по сравнению с дореволюционным этапом существенно не изменилось, в данном периоде была уже определена единая форма и обязательный характер ведения учетов, сопровождаемых натурными коллекциями, обслуживающих потребности информационного обеспечения выявления и расследования преступлений.

В качестве ключевого отличия от предшествующего этапа можно выделить появление уровневого подхода к организации и ведению натурных коллекций, обеспечивающих потребности экспертных подразделений. Данный подход к систематизации криминалистически значимой информации и объектов, приобщаемых к информационному массиву, предопределили дальнейшее развитие коллекционной деятельности в экспертных подразделениях системы МВД СССР. Следует отметить, что формирование и ведение многих видов натурных коллекций, обеспечивавших потребности проведе-

ния экспертных исследований, а также научное сопровождение развития криминалистических экспертиз продолжалось осуществляться в инициативном порядке, а их пополнение по-прежнему носило эпизодический характер.

Изучение исторических периодов формирования и использования данных, содержащихся в натуральных коллекциях правоохранительных органов, позволяет оценить развитие форм и уровней хранения и систематизации информации с учетом развития научных и методических основ судебной экспертизы. Процесс становления коллекционной деятельности находился в прямой зависимости от трансформации задач, стоящих перед оперативными и экспертно-криминалистическими подразделениями органов внутренних дел.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Во главе сыска в Москве и империи*. К 300-летию российской полиции, номер 47 (9599) от 12 декабря 2017 г. // Еженедельная газета «Петровка, 38» [Электронный ресурс]. — URL: <http://petrovka-38.com/arkhiv/item/vo-glave-syska-v-moskve-i-imperii> (дата обращения: 10.06.2020).

2. *Живая история московских сыщиков*. К 100-летию Московского уголовного розыска, номер 36 (9637) от 2 октября 2018 г. // Еженедельная газета «Петровка, 38» [Электронный ресурс]. — URL: <http://petrovka-38.com/arkhiv/item/zhivaya-istoriya-moskovskikh-syshchikov> (дата обращения: 10.06.2020).

3. *Заблоцкий П. Н.* Совершенствование деятельности по использованию криминалистических учётов в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / П. Н. Заблоцкий. — Волгоград, 2006. — 205 с.

4. *История органов внутренних дел: учеб. пособ.* / Д. В. Бойко, Е. В. Пантелеев, А. Г. Фастов. — Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2016. — 191 с.

5. *Койсин А. А.* Кабинет-музей криминалистики Юридического института ИГУ: опыт практического преподавания / А. А. Койсин // Известия Иркутского государственного университета. — 2012. — № 2 (3). — Ч. 2. — С. 96—105.

6. *Корниенко Н. А.* Российские и международные криминалистические учёты / Н. А. Корниенко. — СПб.: Юрид. центр, 2004. — 335 с.

7. *Латышов И. В.* Концептуальные основы судебно-баллистической диагностики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. / И. В. Латышов. — Волгоград, 2016. — 475 с.

8. *Плошкин В. В.* Потаповы: жизнеописание потомственного дворянина из вольноотпущенных Михаила Потапова и его сыновей, выслуживших генеральские чины / В. В. Плошкин. — М.: Берлин: Директ-Медиа, 2018. — 421 с.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10054

Журавлев Сергей Юрьевич,

профессор кафедры криминалистики
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье дается инновационный взгляд на роль криминалистического знания в вопросах междисциплинарной антикоррупционной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Подводятся итоги, выделяются проблемы и обозначаются перспективы учебно-методической работы применительно к формированию и дидактической реализации дисциплины «Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел».

Ключевые слова: криминалистическая культура, комплексность криминалистического знания, эффективность научных школ, криминальная реальность, юридическое познание, нравственный выбор офицера, право нравственного выбора, проблемы междисциплинарного мышления, межпредметный диалог, антикоррупционная подготовка, антикоррупционное мировоззрение, антикоррупционный алгоритм.

Zhuravlev Sergey Yurevich,

Professor of the Department of Criminalistics
of the Nizhny Novgorod academy of the MIA of Russia
Candidate of Law, Associate Professor

FORENSIC CULTURE OF INTERDISCIPLINARY ANTI-CORRUPTION TRAINING OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

Abstract. The article gives an innovative look at the role of forensic knowledge in matters of interdisciplinary anti-corruption training of employees of internal affairs bodies. The results are summarized, problems are highlighted and the prospects for educational and methodological work are identified in relation to the formation and didactic implementation of the discipline Prevention of corruption in law enforcement bodies and the formation of anti-corruption behavior of employees and employees of law enforcement bodies.

Keywords: forensic culture, the complexity of forensic knowledge, the effectiveness of scientific schools, criminal reality, legal knowledge, the moral choice of an officer, the right to moral choice, problems of interdisciplinary thinking, interdisciplinary dialogue, anti-corruption training, anti-corruption worldview, anti-corruption algorithm.

Подготовка специалистов для органов внутренних дел, особенности данного процесса — это предмет нашего постоянного дидактического интереса [1, с. 184—193; 2, с. 119—127; 3, с. 60—66; 4, с. 30—44]. Научно-методический и дидактический опыт работы в одном из ведущих вузов МВД России позволяет с уверенностью констатировать, что образовательная сфера может являться самым чутким индикатором эффективности результатов научных исследований. Именно дидактическая реализация научного знания, по нашему мнению, является главным показателем эффективности развития криминалистики и наших научных школ [5, с. 39—55].

При этом не следует забывать, что с точки зрения категорий обучающихся образовательный процесс достаточно многолик. И в этом смысле главной экспертной категорией обучаемых, через работу с которой следует апробировать свои научно-методические начинания, являются различные категории практических работников, например, магистры заочного обучения, повышающие квалификацию следователи и оперативные работники, проходящие первоначальную подготовку сотрудники органов внутренних дел с начальным профессиональным опытом работы. Все они, при условии выстраивания с ними доверительных отношений на основе убедительной демонстрации своего профессионализма, являются эффективным средством проверки и корректировки наших дидактических инициатив.

Курсанты и слушатели очного обучения в этом смысле не так эффективны. Ранее в одной из своих работ [6, с. 198—203] мы обращали на это внимание и отмечали, что для учебного процесса по очной форме продолжают сохраняться тенденции излишней теоретизации обучения. Навыки практической деятельности формируются весьма незначительно. Имеет место высокий уровень дисциплинарной разобщенности. Интеграция работы преподавателей является в большей степени исключением из общего правила. Внимание обучаемых как бы растаскивается между учебными дисциплинами. Происходит завуалированная подмена акцентов внимания обучаемых на формальные оценочные результаты. Применяемые технологии контроля остаточных знаний с использованием тестов не дают ответов на ключевые вопросы (как думает, как принимает решение, почему ошибся, из чего исходил, какие были акценты при принятии решения и совершении определенных тактических действий и т. п.). В условиях дистанционного обучения, связанного с пандемией, всё это проявляется особо отчетливо.

Специфики будущей деятельности по обнаружению и расследованию преступлений требуют переосмысления тех приоритетов, которые ставятся во главу угла в процессе обучения. В расследовании на первом месте стоит логика принятия решений, которая должна быть основана на осознаваемой следователем, дознавателем, оперативным работником, участковым инспектором полиции и т. п. оптимальной методике принимаемых решений [7, с. 127—132].

Совершенствование методических подходов происходит на основе методологии формирования криминалистического знания. Ведущую роль в этом вопросе играют два фактора: передовая практика расследования и разработки научных школ. На стыке переосмысления практики и развития криминалистической методологии разрабатываются дидактические технологии, позволяющие формировать компетенции выпускников.

Важнейшим результатом применения указанных технологий является специализированное криминалистическое мышление обучаемых [8, с. 153—159]. Особое мировосприятие — это стержень криминалистической культуры. Формирование такой культуры должно являться главной целью оптимизации образовательного процесса. Он призван сформировать профессиональное мышление тех, кто должен уметь понимать хитросплетения криминальной реальности, фиксировать её особенности и превращать полученные сведения в факты доказательственной аргументации в суде.

Особое значение сказанное имеет применительно к вопросам междисциплинарного обучения. Его основная сложность в том, что педагогам различных специализаций нужно под своим углом характеризовать будущую практическую деятельность обучаемых. И делать это нужно не гипотетически, соединяя смыслы своей учебной дисциплины с предметом будущей практической деятельности обучаемых, а именно: совместно и при этом одновременно находясь в одной учебной аудитории. Вот здесь и требуется ключевая идея, вокруг которой объединяются все педагоги, а также дидактическая технология, которая дает свой положительный результат.

Наш опыт показывает, что такая идея вытекает именно из криминалистического знания, из сути криминалистики, которая фактически учит правильному методическому и тактическому самоопределению в ситуациях оперативно-служебной деятельности. Именно криминалисты обучают тонкому восприятию криминальной реальности и продуцированных ею объектов [9, с. 41—46]. Мы формируем у обучаемых способность обнаруживать последствия человеческих проявлений, которые производны от нравственной деформации. Таких людей в криминалистике условно именуют субъекты преступной деятельности или субъекты криминальной реальности. Мы говорим об условности такого обозначения, потому что в перспективе необходимо либо доказать факты совершённых ими преступлений, либо опровергнуть ранее возникшие в отношении них подозрения. Если всё же подозрения были

обоснованными, то в процессе доказывания фиксируется, каким образом данными субъектами были реализованы установки вседозволенности, доминирования над другими людьми, жестокости, насилия, корыстолюбия и т. п. — что собственно и лежит в основе совершения того или иного преступления.

Поэтому, с криминалистической точки зрения, наши обучаемые должны быть способны обстоятельнее других людей всматриваться, вчитываться, вслушиваться, вникать и т. п. в хитросплетения человеческих взаимоотношений тех, кто связан с криминальной реальностью, имеет нравственный изъян и, возможно, применительно к предмету нашего дальнейшего разговора, пытается втянуть в криминальную схему другого субъекта.

На пути юридического познания обстоятельств расследуемого события наш выпускник должен уметь различать субъектно-ситуационные и процедурные особенности криминальной деятельности применительно к проверочному материалу или возбужденному уголовному делу. Полицейскому быстрее окружающих должны быть понятны криминальные предпосылки происшедших событий, содержание и перспективы изменения обстоятельств в будущем. За этим стоит понимание сути доказательственной информации. Именно она, в рамках принятия объективного решения, подлежит обнаружению, фиксации и специальному исследованию.

Внимательное, вдумчивое и рассудительное самоопределение в любой ситуации оперативно-служебной деятельности должно основываться на понимании существа изучаемого события криминальной реальности и особенностей механизма слеодообразования. Именно это лежит в основе эффективной методики расследования, что подтверждается результатами исследования ведущих криминалистов [10, с. 8—11].

Указанные выше идеи были положены нами в основу междисциплинарного блока учебной дисциплины «Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел». В ноябре 2011 г. была подготовлена рабочая программа, которая впоследствии стала примерной для всех вузов МВД России. В своем изначальном варианте она была обсуждена и одобрена на совместном заседании кафедр криминологии, криминалистики, административного права и процесса, уголовного и уголовно-исполнительного права, психологии и педагогики.

С учетом указанных выше и иных исследований вопросов междисциплинарного совершенствования образовательного процесса, нами в данной программе на завершающем этапе был предусмотрен комплексный аналитический тренинг применительно к тем коррупционно опасным ситуациям, которые могут возникнуть в процессе оперативно-служебной деятельности наших выпускников. Справедливости ради следует отметить, что этому предшествовала научная работа по осмыслению данного явления [11 с. 51—55; 12] с выходом на понимание существа межпредметной дидактической

технологии, в том числе с методологических позиций [13, с. 104—112]. Первичная апробация технологии аналитического тренинга была проведена в рамках практических занятий с группами следователей и оперативных работников, которые повышали свою квалификацию в нашем вузе.

Прошел достаточно длительный срок с момента создания и начала реализации данной междисциплинарной технологии. Имеет смысл сделать выводы, подвести итоги работы и сформулировать перспективы дальнейшего развития.

Исходным условием антикоррупционного иммунитета является соблюдение правила: «работаем честно, взятки не берем, в контакты с субъектами криминальной реальности вступаем только в рамках оперативно-служебной необходимости». В дальнейшем необходим пример его неукоснительного соблюдения наставниками и старшими коллегами молодого специалиста органов внутренних дел. Когда это правило не усвоено и примеры поведения старших коллег противоположные, происходит нравственная деформация и рождается очередной субъект криминальной реальности в погонах.

С нравственной и психологической стороны есть существенный недостаток в содержании Федерального закона от 25 декабря 2008 г. 273-ФЗ «О противодействии коррупции и Приказе МВД России от 19 апреля 2010 г. № 293 «Об утверждении Порядка уведомления в системе МВД России о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений». В соответствии с данными документами сотрудник, к которому поступило предложение коррупционного характера, в обязательном порядке должен уведомить своего руководителя о данном факте.

Взгляд на эту ситуацию с позиции внутренней культуры и нравственности офицера заставляет о многом задуматься. У офицера полиции, который постоянно работает в условиях высокого тактического риска, должно быть право, но никак не обязанность, обратиться к своему непосредственному или вышестоящему руководителю в том случае, когда интенсивность воздействия на него с целью втягивания в безнравственные отношения превышает уровень его психологической и физической способности выдержать оказываемое давление.

Подчеркнем, что речь идет о сильных, специально подготовленных сотрудниках, которые проходят различные проверки. У данной категории людей должно быть право нравственного выбора, право отказаться от безнравственного предложения и скромно об этом промолчать. Данное положение является ключевым в рамках междисциплинарного диалога с обучаемыми.

В своих работах мы обращали внимание на то, что для учебного процесса характерен значительный уровень дисциплинарной разобщенности. Интеграция работы преподавателей не является общим правилом. Достаточно типично растаскивание внимания обучаемых между разными дисциплинами. Наблюдение за организационно-воспитательными путями формирова-

ния качеств самостоятельности и ответственности у будущих сотрудников органов внутренних дел вызывает много вопросов. Технологии проверки остаточных знаний с использованием системы тестов не позволяют ответить на ряд принципиальных вопросов: как думает, как принимает решение, почему ошибся, из чего исходил, почему не увидел явного противоречия, какие были акценты при принятии решения и совершении определенных действий и т. п.

При этом самое важное заключается в том, что человек, не имеющий в процессе обучения функциональной зоны полной свободы, не способен стать творчески мыслящим и ответственным, например, за принимаемые оперативно-служебные и процессуальные решения. Когда тебя постоянно контролировали и держали на коротком поводке, то ты вряд ли сможешь быстро освоить свободный оперативный поиск информации, будешь эффективно действовать в условиях тактического риска, принимать творческие служебные решения.

Указанные недостатки и их последствия сразу проявляются при работе со слушателями пятого курса по указанной выше дисциплине. Серьезную проблему для преподавателей представляет процесс моделирования задач. Узкоспециализированные задачи, которые используются по отраслевым темам криминологами, психологами, преподавателями административного и уголовного права, не подходят для аналитического тренинга со ступенчатым развитием ситуации. Выход нами был найден за счет внедрения в учебный процесс на очном обучении технологии анализа материалов конкретного расследования, которая ранее нами была разработана для факультетов заочного обучения и повышения квалификации. За счет этого нововведения удалось решить и проблему компиляции в практикумах по данной дисциплине.

В ходе работы обозначилась и другая проблема. В рамках первых четырех тем учебной дисциплины, разговор с обучаемыми, как правило, ведется с узких позиций указанных выше кафедр. Причина видится в отсутствии деятельностного подхода в понимании криминальной реальности, а также в игнорировании необходимости конкретизировать с предметных позиций понятия «след», «информация», «отображение», «признак». Нет в наших смежниках и ясного понимания методических и тактических основ деятельности по расследованию преступлений. Достаточно часто, внедряя междисциплинарные подходы, нам приходилось слышать фразу: «Это ваша криминалистика...». В нее собеседники вкладывали тот смысл, что к их предмету данные положения не относятся.

Улучшение качества преподавания по данной дисциплине видится в междисциплинарном росте самих преподавателей. Очевидно, что ситуации практической деятельности всегда многоплановы, и задания по отраслевым темам должны иметь междисциплинарный характер. Впоследствии данные

задания могут быть использованы в процессе аналитического тренинга, а также в ходе экзамена.

Успешно была решена задача создания аналитического документа, который заполняется на практическом занятии в процессе аналитического тренинга. За основу взяли карту криминалистического анализа информации, которая с 1984 г. применяется на нашей кафедре. Её дополнили двумя разделами, которые позволяют охватить своим вниманием вопросы психологии личности и криминологические факторы.

Некоторые сложности у нас возникли в этом году на этапе подготовки к экзамену. Всё следовало делать дистанционно. Стала понятна необходимость специального бланка для ответа и последующей проверки по результатам экзамена с участием преподавателей пяти кафедр.

В ходе консультаций и согласований пришлось убеждать наших коллег в том, что ответы должны даваться в формате соответствия условно-вероятностному силлогизму «если..., то вероятно ...».

Вот пример одного из разделов бланка ответа на экзамене, который посвящен вопросам психологической характеристики участников коррупционных отношений: Если нам известно, что (указываются данные характеризующее конкретное лицо)....., то можно заключить, что (указывается конкретный человек)..... имеет склонность к ....., у него сформирована привычка к ....., (и т. п. выводы в рамках психологической характеристики конкретного субъекта криминальной реальности).

Применительно к вопросам правовой оценки коррупционно опасной ситуации ответ должен даваться по схожей схеме: В случае, если в отношении гражданина (указывается конкретное лицо) ..... достоверно установлено, имеются факты подтверждающие и т. п. (указать конкретные обстоятельства, имеющие отношение к характеристике элементов состава конкретного преступления или административного правонарушения) что ....., то совокупность данных обстоятельств следует квалифицировать как (указывается конкретная норма уголовного или административного законодательства) .....

Содержание дальнейшей работы и педагогический диалог подтвердили правильность данного выбора. Предложенный формат бланка экзаменационного ответа, их анализ и последующее обобщение позволили не просто принять экзамен в дистанционном формате, но и выделить ошибки в процессе формирования компетенций, в том числе и на междисциплинарном уровне.

Внедрение дидактических инициатив минимизирует недостатки подготовки молодых специалистов для органов внутренних дел, но не решает всех проблем. Но формирование творческих профессиональных заданий, индивидуальные фабулы для минимизации компиляции, специально разработанные аналитические средства для осмысления ситуации в ходе практических заня-

тий и в часы самоподготовки, межпредметный диалог профессорско-преподавательского состава дают положительный результат.

Он проявляется в наличии у обучающихся антикоррупционного алгоритма и соответствующего мировоззрения. Но для автора этих строк, как представителя криминалистического культурного слоя системы правоприменения более важным является то, что на данном этапе удалось на уровне нашего вуза сформировать и закрепить мнение коллег о важности комплексной методической и тактической культуры принятия оперативно-служебных решений в процессе своей будущей профессиональной деятельности. Как мы убеждены, основу этой культуры составляют способность мыслить творчески и оценивать объективно, способность думать предметно и действовать эффективно, способность взаимодействовать реально, владея технико-криминалистическими и технико-специальными средствами своей профессиональной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Журавлев С. Ю. Ситуационные игры с противодействием сторон / С. Ю. Журавлев // Нижегородские юридические записки: сб. науч. тр. / под ред. проф. В. Т. Томина. — Н. Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. — Вып. 1. — С. 184—193.

2. Журавлев С. Ю. Технологии реализации междисциплинарных связей в процессе преподавания дисциплин специализации и итогового контроля по результатам обучения / С. Ю. Журавлев // Совершенствование технологий обучения в условиях осуществления подготовки специалистов в вузе МВД России: сб. науч.-метод. ст.: в 2 ч. — Н. Новгород, 2002. — Ч. 1. — С. 119—127.

3. Журавлев С. Ю. Некоторые дидактические технологии формирования компетентностного подхода в специализированном вузе МВД России / С. Ю. Журавлев // Компетентностный подход в обучении: формирование и оценивание компетенций: мат-лы учеб.-метод. конф. — Омск: Омская академия МВД России. — 2013. — С. 60—66.

4. Журавлев С. Ю. Некоторые проблемы формирования и использования комплексных дидактических моделей в криминалистическом образовании / С. Ю. Журавлев // Криминалистика и судебные экспертизы: наука, практика, образование. 6-е Всероссийские криминалистические чтения: сб. ст. — Ижевск: Jus est, 2014. — С. 30—44.

5. Лубин А. Ф. Основные положения научной школы Криминалистическое обеспечение экономической безопасности России / А. Ф. Лубин // Вестник научных школ Нижегородской академии МВД России: сб. ст. — Н. Новгород, 2011. — С. 39—55.

6. Журавлев С. Ю. Криминалистические и междисциплинарные инновационные технологии совершенствования учебного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 1. — С. 198—203.

7. Журавлев С. Ю. Криминалистический стиль мышления: методическое содержание и соотношение с квалификационным пониманием расследуемых событий / С. Ю. Журавлев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2 (42), Н. Новгород. — 2018. — С. 127—132.

8. Журавлев С. Ю. Основы формирования криминалистического стиля мышления субъекта расследования преступлений / С. Ю. Журавлев // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию проф. Р. С. Белкина): сб. матер. 53-х криминалистических чтений: В 3-х ч. — М.: Академия управления МВД России, 2012. — Ч. 1. — С. 153—159.

9. Журавлев С. Ю. Криминалистическая культура правоприменения: содержание и дискуссионные вопросы / С. Ю. Журавлев // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 1 (13). — С. 41—46.

10. Лубин А. Ф. Криминалистическое моделирование преступной деятельности: некоторые проблемы и решения / А. Ф. Лубин // Криминалистические средства обеспечения деятельности по выявлению и расследованию преступлений экономической и коррупционной направленности: сб. ст. — Казань: Изд-во Бук, 2018. — С. 8—11.

11. Журавлев С. Ю., Пряников С. В. Особенности проявления коррупционных отношений в деятельности сотрудников органов внутренних дел / С. Ю. Журавлев, С. В. Пряников // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Актуальные проблемы юридических наук. — 2006. — Вып. 16. — С. 51—55.

12. Журавлев С. Ю., Пряников С. В., Соколов Д. С. Выявление и расследование механизма коррупции сотрудников правоохранительных органов: учеб. пособ / С. Ю. Журавлев, С. В. Пряников, Д. С. Соколов. — Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. — 126 с.

13. Баранов В. М., Журавлев С. Ю. Концептуальные основы формирования современных антикоррупционных технологий / В. М. Баранов, С. Ю. Журавлев // Современные стандарты и технологии противодействия коррупции: мат-лы Третьего Евразийского антикоррупционного форума. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. — С. 104—112.

УДК 343.985.7

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10055

Кудрявцев Дмитрий Сергеевич,

старший оперуполномоченный по особо важным делам
главного управления уголовного розыска
криминальной милиции МВД Республики Беларусь,
канд. юрид. наук;

Тишутина Инна Валериевна,

профессор кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
доктор юридических. наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНЫХ ГРУПП

Аннотация. Статья посвящена актуальным для криминалистической теории и практики вопросам организации деятельности в Республике Беларусь следственно-оперативных групп. Рассмотрены проблемные аспекты их формирования и особенности функционирования при раскрытии и расследовании преступлений. Обращено внимание на существующие в этом отношении проблемы правового и организационного характера, предложены пути их решения с учетом современного состояния белорусского законодательства и тенденций развития преступности.

Ключевые слова: следователь, орган дознания, предварительное расследование, взаимодействие, следственно-оперативная группа, раскрытие и расследование преступлений, оперативно-розыскная деятельность.

Kudryavtsev Dmitry Sergeevich,

senior operative for particularly important cases of the main
Department criminal investigation Department of the criminal police
of the MIA of the Republic of Belarus,
Candidate of Law;

Tishutina Inna Valerievna,

Professor of criminology Department of the
Moscow University of the MIA of Russia named after V. ya. Kikot
Doctor of Law, Associate Professor

ABOUT SOME ISSUES OF MANAGING PERFORMANCE OF INVESTIGATION TEAMS

Abstract. The article is devoted to the issues of organizing the activities of investigative and operational groups in the Republic of Belarus that are relevant to criminalistic theory and practice. The problem aspects of their formation and features of functioning in the detection and investigation of crimes are considered. At-

tention is drawn to the existing legal and organizational problems in this regard, and ways to solve them are suggested, taking into account the current state of Belarusian legislation and trends in crime development.

Keywords: investigator, body of inquiry, preliminary investigation, interaction, investigative and operational group, detection and investigation of crimes, operational and investigative activities.

Эффективность раскрытия и расследования преступлений предполагает не только использование имеющихся для этого у правоохранительных органов сил, средств и методов, но и четкую организацию осуществляемой ими в указанных целях деятельности. Очевидно, что достижение более высоких результатов работы следователя и сотрудников органа дознания в борьбе с преступностью возможно лишь благодаря объединению их усилий, что на практике выражается в использовании различных организационно-правовых форм, основной из которых является следственно-оперативная группа (СОГ).

В научной литературе существуют разные подходы к обоснованию дифференциации форм взаимодействия субъектов раскрытия и расследования преступлений. Например, Е. Л. Гаркуша необходимость в этом объясняет различием в уголовно-процессуальных последствиях осуществляемых органами предварительного следствия и дознания действий. Если нарушение процессуальной формы в ходе работы по уголовному делу фактически сопряжено с нарушением уголовно-процессуального законодательства, то отступление от непроцессуальной формы хотя и может негативно сказаться на расследовании, однако не повлечет за собой отрицательных последствий процессуального характера [3, с. 22—23].

По мнению А. С. Ооржака и других авторов, взаимодействие в процессуальной и непроцессуальной формах обусловлено различием в ведомственной принадлежности и компетенции осуществляющих его субъектов (следователя и органа дознания). По справедливому замечанию В. В. Граника, сотрудник ОВД как представитель органа дознания может участвовать в уголовно-процессуальной деятельности, и как сотрудник органа, наделенного правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность (ОРД), уполномочен проводить оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) [4, с. 64].

Несмотря на обоснованную теорией и неоднократно апробированную практикой прагматизм использования в раскрытии и расследовании преступлений СОГ, УПК Республики Беларусь не содержит ни её понятия, ни оснований и порядка создания. Поскольку в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь отсутствуют нормы, позволяющие вести речь о совместной деятельности следователя и сотрудника органа дознания по уголовному делу, это дает право отдельным белорусским ученым и практическим работникам говорить о непроцессуальной природе СОГ [5, с. 198;

7, с. 41]. Тем более, что в УПК Республики Беларусь нет и косвенного упоминания о возможности её создания по аналогии с УПК Российской Федерации, где в ст. 163 указано, что в отдельных случаях к работе следователя по уголовному делу может быть привлечен сотрудник органа дознания, и фактически в данном случае речь идет об их совместной деятельности, в том числе в рамках СОГ, что позволяет рассматривать такие группы как процессуальное формирование.

Наиболее глубокое научное исследование вопросы, связанные с деятельностью СОГ, получили в 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия, о чем свидетельствуют защищенные по данному направлению диссертации и изданные монографические работы. Вместе с тем важно подчеркнуть, что впервые значение группового метода при раскрытии и расследовании преступлений, лежащего в основе взаимодействия его субъектов, было обозначено еще в середине XX в. Эффективность проведения по объемным и наиболее трудоемким уголовным делам следственных действий несколькими сотрудниками была обоснована Н. И. Гуковской, выступившей в 1952 г. с докладом на научно-практической конференции во ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР. В дальнейшем данный метод стал основополагающим в деятельности следственных подразделений.

В настоящее время насчитывается несколько десятков определений СОГ. Одни авторы её рассматривают как организационно-правовое формирование следователей и иных сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающее успешное раскрытие и расследование преступлений [1; 4]. Другие делают акцент на управленческой роли следователя в рациональном и комплексном использовании в борьбе с преступностью имеющихся сил, средств и методов [8; 10]. Однако общим недостатком, присущим большинству рассматриваемых дефиниций, на наш взгляд, является то, что порой за витиеватыми и громоздкими формулировками теряется сущность данного понятия. Представляется, что последнее должно исходить из выверенного подхода к определению взаимодействия субъектов раскрытия и расследования преступлений, на что обращено особое внимание в работах современных российских ученых-криминалистов. Так, по мнению А. Ф. Вольнского, его основу составляет не согласование действий по месту, времени, целям, а их совместное осуществление следователем и сотрудниками органа дознания, при необходимости — с привлечением специалистов [2].

Работа в составе СОГ, как показывает практика, позволяет комплексно, оптимально сочетать имеющиеся силы, средства и методы, в том числе возможности оперативных подразделений ОВД, экспертов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (ГКСЭ) и иных специалистов; постоянно и полно, в режиме текущего времени, обмениваться значимой для расследования информацией. Совместные усилия следователя, сотрудников органа дознания и специалистов позволяют более точно и конк-

рентно определить направление расследования, выдвинуть версии, наметить первоначальные следственные, иные процессуальные действия и ОРМ, обнаружить новые возможности для проверки имеющейся по уголовному делу информации. При взаимодействии в форме СОГ формируется психологически более комфортная система межличностных отношений её участников.

На сегодняшний день в практике раскрытия и расследования преступлений в Республике Беларусь можно выделить следующие виды СОГ:

1. Дежурная (при оперативно-дежурной службе ОВД). Такая СОГ является наиболее распространенной. Её функция заключается в незамедлительном реагировании на информацию о преступлениях и административных правонарушениях, выезде на места происшествий для производства неотложных процессуальных действий и ОРМ. Однако, как показывает практика, не по всем уголовно наказуемым деяниям деятельность данной группы эффективна.

Согласно данным опроса следователей Следственного комитета и сотрудников ОВД Республики Беларусь, проведенного А. В. Матюком в 2018—2019 гг., 74 % респондентов высказали скептическое отношение к деятельности данной группы на этапе разрешения заявлений и сообщений о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности, а практически три четверти из них указали на нецелесообразность при поступлении в ОВД информации о совершении правонарушений данного вида выезда на место происшествия дежурной СОГ, поскольку результативность осуществляемых её участниками первоначальных мероприятий крайне низкая [7, с. 47].

Это также подтверждается результатами изучения материалов проверок и уголовных дел по преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности. В 93 % из них криминалистически значимая информация была получена при проведении следственных действий в ходе предварительного расследования уголовных дел и ОРМ в рамках осуществления оперативных разработок.

Вместе с тем, признавая достаточно высокую результативность деятельности такой группы при раскрытии и расследовании общеуголовных преступлений, приходится констатировать, что взаимоотношения следователя с сотрудниками ОВД сегодня утратили прежнюю устойчивость. В первую очередь это связано с созданием в Белоруссии единой системы органов предварительного следствия, функционально и организационно обособленных от милиции.

Оценка работы следственных подразделений основывается преимущественно на статистических показателях, т. е. на количестве расследованных уголовных дел (направленных в суд, приостановленных и прекращенных). В стремлении «сыграть» на статистику зачастую следователи без достаточных на то оснований отказываются возбуждать уголовные дела по материа-

лам, переданным органом дознания, мотивируя это неполнотой проведенной следственной проверки или отсутствием судебной перспективы.

Проявлением несогласованности подходов по ключевым позициям с точки зрения оперативности и комплексности действий при поступлении информации о преступлениях являются случаи отказа следователей, дежурящих в составе СОГ, выезжать на места происшествий, мотивируя это тем, что до возбуждения уголовного дела необходимые процессуальные действия может проводить сотрудник ОВД. То же самое характерно и для экспертов ГКСЭ, которые зачастую отказываются выезжать на место преступления, объясняя это отсутствием следователя.

Несмотря на то, что следователь является руководителем СОГ, де-юре он не вправе давать указания её членам. Например, сотрудники ОВД, входящие в состав дежурной СОГ, не находятся по отношению к следователю в служебном подчинении. Вместе с тем это не исключает для них обязанности качественно проводить на месте происшествия поисковые и иные мероприятия. Однако не всегда их работа имеет положительный результат. Нередко сотрудники милиции формально относятся к выполнению своих обязанностей и предоставляют в следственные подразделения «пустые» рапорты о проделанной работе.

2. Целевая СОГ наиболее востребована на первоначальном этапе расследования, когда необходимо выполнить большой объем работы в максимально сжатые сроки при активном оперативно-розыскном сопровождении (при раскрытии «по горячим следам»). Создание целевой СОГ также целесообразно для выполнения нескольких следственных действий и ОРМ на сравнительно большой территории и при повышенной сложности расследования.

Как правило, такая группа создается для раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений (убийство, изнасилование, террористический акт и др.) в тех случаях, когда неотложные следственные действия уже проведены, и дальнейшая работа направлена на установление и задержание лица, совершившего преступление. Часто после задержания преступника деятельность целевой СОГ прекращается. В последующем расследование осуществляется следователем (группой следователей) фактически без привлечения сотрудников органа дознания.

Согласно статье 186 УПК Республики Беларусь, после возбуждения уголовного дела сотрудники органа дознания, в том числе наделенные правом осуществлять ОРД, могут проводить по нему процессуальные действия и ОРМ только в рамках письменного поручения следователя. Такое требование уголовно-процессуального закона объективно ограничивает, а в отдельных случаях и лишает их возможности оперативно использовать в целях решения стоящих перед ними задач имеющиеся силы и средства. Кроме того, что подготовка таких поручений требует определенных временных затрат, зачастую они носят неконкретный и формальный характер. На наш взгляд,

для органов, осуществляющих ОРД, в рамках расследуемого уголовного дела не должно существовать правовых препятствий и ограничений в плане осуществления ОРМ.

Реализация данного подхода, по нашему мнению, позволила бы органам дознания инициативно предоставлять в следственные подразделения оперативно-розыскную информацию, выступающую либо в качестве ориентирующей для подготовки и проведения процессуальных действий, либо доказательственной, тем более что в Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, где уголовно-процессуальное законодательство фактически запрещает использование в уголовном процессе результатов ОРД, данные, полученные посредством проведения таких ОРМ, как, например, «контроль в сетях электросвязи», являются доказательством по уголовным делам.

В настоящее время объем и содержание оперативной информации, предоставляемой следователю, определяется сотрудником органа дознания самостоятельно, поскольку следователь лишен права знакомиться с материалами ОРД, а также способами, методами и источниками её получения. Это зачастую вызывает определенные трудности с точки зрения оценки достоверности и допустимости использования такой информации в процессе доказывания по уголовному делу.

Изменение подхода к процессуальной регламентации возможности привлечения к работе следователя сотрудников органа дознания, наделенных правом осуществлять ОРД, по опыту Российской Федерации, позволило бы решить ряд проблем как организационного, так и тактического характера при получении, фиксации, оценке и использовании криминалистически значимой информации, в том числе при их совместной работе в составе СОГ. В первую очередь это касается вопросов имплементации в уголовный процесс данных ОРД.

Такой подход находит поддержку и среди научного сообщества. Ю. А. Матвейчев в этой связи предлагает дополнить УПК Республики Беларусь статьей 185—1 «Производство предварительного следствия следственно-оперативной группой» [6, с. 135—136]. Однако целесообразность включения данной нормы в указанный законодательный акт автор связывает исключительно с необходимостью проведения по уголовному делу ОРМ, что, как представляется, ограничивает возможности оперативных подразделений, наделенных правом осуществлять ОРД, в борьбе с преступностью. Безусловно, участие в расследовании сотрудников органа дознания в основном заключается в получении розыскной информации посредством проведения ОРМ. Но их возможности в подобных случаях, как справедливо отмечается отдельными авторами, гораздо шире. Нередко следователем в рамках уголовного дела широко используются технические возможности и информационные ресурсы органов дознания, включая оперативно-розыскные учеты и автоматизированные информационно-поисковые системы.

3. Специализированная (постоянно действующая). Данная СОГ создается на весь период расследования уголовного дела, как правило, по отдельным видам и группам преступлений: прошлых лет, серийным и др. Она формируется из наиболее квалифицированных следователей и оперативных сотрудников ОВД. Чаще всего в таких группах определяются права и обязанности её членов, порядок их взаимоотношений при производстве процессуальных действий, начиная от осмотра места происшествия, заканчивая реализацией материалов ОРД.

По мнению отдельных ученых-криминалистов, эффективность взаимоотношений субъектов раскрытия и расследования преступлений, по которым создается специализированная СОГ, обуславливается состоянием взаимодействия правоохранительных органов в целом. Оно способствует формированию единства в подходах к решению общих организационно-управленческих задач, что находит свою реализацию, например, в совместных планах расследования [9].

Довольно эффективно в Белоруссии зарекомендовала себя деятельность постоянно действующих СОГ при раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. Работа таких групп регламентируется исключительно ведомственными нормативными документами, поскольку, как указывалось выше, в УПК Республики Беларусь понятие СОГ отсутствует, что нередко приводит к определенным трудностям организационного характера.

Правовую основу деятельности СОГ в Республике Беларусь сегодня составляет ряд ведомственных и межведомственных нормативных правовых актов, основными из которых являются: постановление Генеральной прокуратуры, СК, МВД, МЧС, МО, КГК, КГБ, ГПК, ГТК, ГКСЭ Республики Беларусь от 26.12.2016 № 36/278/338/77/42/7/32/17/28/24, утвердившее инструкцию «О порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства», приказ МВД Республики Беларусь от 03.01.2018 № 1, утвердивший инструкцию «О порядке взаимодействия подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь при выявлении (раскрытии) преступлений», а также постановление МВД Республики Беларусь от 08.01.2019 № 5 «О заявлениях и сообщениях о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествии». В них идет речь о взаимодействии субъектов раскрытия и расследования преступлений на местах происшествий в течение дежурных суток, т. е. при работе дежурных СОГ, что не в полной мере позволяет использовать положительный опыт совместной деятельности не только на этапе разрешения заявлений и сообщений о преступлениях, но и в ходе предварительного расследования. В первую очередь это детерминируется отсутствием правовой основы для создания и функционирования иных (кроме дежурной) видов СОГ.

Проблема усугубляется еще и тем, что участие отдельных правоохранительных органов Республики Беларусь в разработке нормативных документов, касающихся взаимодействия субъектов раскрытия и расследования преступлений, зачастую является безынициативным. Исторически сложилось так, что основная масса заявлений и сообщений о преступлениях поступает в ОВД, что требует принятия мер по их разрешению, включая совершенствование нормативной базы, в том числе при работе на местах происшествий. Те субъекты раскрытия и расследования преступлений, работа которых, как правило, не связана с их рассмотрением, зачастую самоустраиваются от правотворческой деятельности в этой части.

Выведение из системы ОВД следственных и экспертных подразделений ограничило полномочия милиции и свело их в основном к осуществлению поисково-познавательной деятельности и реагированию на заявления и сообщения о преступлениях. В процессуальном плане это повлекло за собой исключение из уголовного процесса такого его участника, как дознаватель, функции которого выполняли сотрудники ОВД. Именно в этой связи разрабатываемые сегодня и принимаемые по инициативе ОВД нормативные правовые акты ориентированы на решение в основном ведомственных задач, основными из которых являются профилактика, пресечение и раскрытие преступлений, розыск лиц, их подготавливающих, совершающих и совершивших.

Расследование уголовно наказуемых деяний является задачей органов предварительного следствия в лице Следственного комитета Республики Беларусь и его структурных подразделений. В контексте рассматриваемой проблематики это проявляется в несогласованности взаимодействия следователей с сотрудниками иных правоохранительных органов, в первую очередь ОВД, при раскрытии и расследовании преступлений. Если в надлежащей организации работы дежурной СОГ в большей степени заинтересованы ОВД, то результат расследования уголовных дел во многом зависит от эффективности деятельности целевых и специализированных СОГ, создаваемых по инициативе следственных подразделений.

Отсутствие на сегодняшний день в Республике Беларусь нормативных документов и методических рекомендаций, касающихся деятельности иных СОГ (за исключением дежурной), на наш взгляд, обусловлено относительно непродолжительным периодом функционирования Следственного комитета как самостоятельного органа и отсутствием со стороны данного ведомства соответствующей инициативы в плане правового регулирования вопросов взаимодействия. Следует признать, что и в научном плане эти проблемы не нашли достаточной проработки. С 2012 г. не проводилось специальных и монографических исследований, касающихся деятельности целевых или специализированных СОГ. Кроме того, отсутствуют и статистические дан-

ные о количестве создаваемых при расследовании уголовных дел вышеуказанных групп, что в целом затрудняет оценку их эффективности.

В заключение резюмируем, что на сегодняшний день СОГ является наиболее универсальной и оптимальной формой взаимодействия субъектов раскрытия и расследования преступлений. Современные тенденции преступности, проявляющиеся в её организованности, технической оснащённости и трансграничности, требуют объединения усилий всех служб и подразделений правоохранительных органов на разных уровнях и в разных формах.

Важным аспектом грамотной и своевременной организации совместной работы в этой связи выступает наличие совершенной правовой основы. Кроме этого требуется разработка новых подходов к повышению эффективности используемого арсенала средств, приемов и методов в целях получения криминалистически значимой информации и укрепления доказательственной базы по уголовным делам.

Представляется, что действующая редакция отдельных норм УПК Республики Беларусь, в частности статей 185 («Производство предварительного следствия следственной группой») и 186 («Деятельность органов дознания по уголовным делам»), не отвечает современным требованиям с точки зрения оптимальности и оперативности раскрытия и расследования преступлений, использования в этих целях возможностей органов, наделенных правом осуществлять ОРД, методы и средства которых зачастую являются единственно возможным способом получения доказательственной информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бажанов С. В.* Групповой метод расследования как способ повышения эффективности предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Бажанов. — М., 1990. — 201 с.

2. *Волынский А. Ф.* Мифы и предубеждения как барьеры на пути совершенствования организации расследования преступлений // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. мат-лов междунар. конф. к 60-летию д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки РФ В. В. Николюка. — Орел, 2016. — С. 89—94.

3. *Гаркуша Е. Л.* Взаимодействие следователей и органов дознания при расследовании преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами: лекция / Е. Л. Гаркуша. — М.: МИ МВД России, 1997. — 38 с.

4. *Граник В. В.* Основы криминалистического взаимодействия при выявлении и расследовании преступлений, связанных с экономической деятельностью: дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Граник. — М., 2002. — 188 с.

5. *Костюкевич Д. В.* Понятие и сущность следственно-оперативной группы как организационно-тактической формы взаимодействия следователя с оперативными подразделениями органов внутренних дел [Текст: Электронный ресурс] / Д. В. Костюкевич // I Минские криминалистические чтения: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., (Минск, 20 декабря 2018 г.): в 2 ч. / УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». — Минск, 2018. — Ч. 1. — С. 198—201.

6. *Матвейчев Ю. А.* Теоретические, правовые и организационные основы расследования уголовных дел следственно-оперативными группами: моногр. / Ю. А. Матвейчев. — Могилев: Могилёвский институт МВД, 2016. — 140 с.

7. *Матюк А. В.* Взаимодействие следователя Следственного комитета Республики Беларусь с органом дознания при раскрытии и расследовании преступлений против порядка осуществления экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Матюк. — М., 2019. — 195 с.

8. *Подопрелов А. М.* Создание и деятельность следственно-оперативной группы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Киев, 1991. — 23 с.

9. *Травкин Е. А.* О совершенствовании взаимодействия в форме следственно-оперативных групп / Е. А. Травкин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2009. — № 2—2. — С. 275—281.

10. *Улимаев Р. Ю.* Следственно-оперативные группы: правовой статус, организация и деятельность: дис. ... канд. юрид. наук / Р. Ю. Улимаев. — М., 2002. — 210 с.

УДК.343.985.1

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10056

Маилян Ани Варужановна,

адъюнкт Ростовского юридического
института МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проведения допроса различных лиц, проходящих по делам о хищениях, совершённых с использованием электронных средств платежа. Выделяются факторы, обуславливающие виктимное поведение потерпевших, с учетом которых необходимо строить тактику допроса, раскрывается предмет допроса потерпевшего, а также анализируется специфика допроса подозреваемого и обвиняемого с учетом различных типичных позиций, занимаемых этими лицами в процессе расследования.

Ключевые слова: банковские карты, электронные средства платежа, платежная система, мошенничество, кража, хищение, денежные средства, допрос, показания, потерпевшие, виктимность, подозреваемые или обвиняемые.

Mayilyan, Ani Varuzhanovna,

adjunct Rostov law Institute of MIA of Russia

DETAILS OF INTERROGATION IN THE INVESTIGATION OF THE THEFT COMMITTED WITH THE ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT

Abstract. The article deals with the peculiarities of conducting an interrogation of various persons involved in cases of theft committed using electronic means of payment. To identify the factors contributing to victimization victims therefore it is necessary to build the tactics of the interrogation, reveals the subject of the questioning of the victim and the specificity of the questioning of suspects and accused persons, taking into account different typical positions occupied by these individuals in the process of investigation.

Keywords: bank cards, electronic means of payment, payment system, fraud, theft, embezzlement, money, interrogation, testimony, victims, victimhood, suspects or accused

Реагируя на тенденции современной преступности, а именно на её быструю адаптацию к таким особенностям формирующегося информационного общества, как внедрение в повседневную жизнь различных телекоммуникационных технологий [1, с. 3—8], позволяющих дистанционно осуществлять различные финансовые операции с помощью персональных цифровых устройств, осуществлять расчеты с помощью электронных средств платежа, Федеральный закон РФ от 23.04.2018 № 111-ФЗ ввел в Особенную часть Уголовного кодекса РФ следующие новеллы: а) п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ — кража, совершённая с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств); б) ст. 159.3 УК РФ — мошенничество с использованием электронных средств платежа.

Очевидно технологическое сходство механизмов совершения данных форм хищения, обусловленное незаконным доступом к банковским продуктам с помощью электронных платежных систем, будь это перевод денежных средств либо приобретение каких-либо товаров и услуг с использованием чужой или поддельной банковской карты, что не может не способствовать трудностям в доказывании, а также допущению стратегических ошибок [2, с. 38—46]. Не случайно, конструируя состав кражи, совершённой с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, законодатель прямо указывает на недопустимость смешивания этих действий с мошенничеством, осуществленным с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). В свою очередь, мошенничество с использованием электронных средств платежа определяется по такому фактору, как наличие контакта лица, совершившего преступление, с сотрудником организации, принявшим данную карту в качестве средства оплаты за приобретенные продукты, выполненные работы или предоставленные организацией услуги. В ходе такого контакта по существу гражданско-правовой сделки или осуществления иных платежей с помощью банковской карты злоумышленник либо вводит в заблуждение данного сотрудника путем сообщения ложной информации, либо ограничивается умолчанием о принадлежности карты иному лицу, что является неотъемлемой характеристикой мошенничества как хищения, по определению совершённого путем обмана или злоупотребления доверием [3; 4; 5, с. 151—154]. Тогда как кража, совершённая с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, будучи, по своей сути, тайным хищением имущества, проявляется в бесконтактном (с помощью специального оборудования, включая банкоматы либо приложения финансовых организаций) незаконном снятии и обналичивании, а также переводе чужих денежных средств. Но при этом кража не исключает выведывания путем обмана или введения в заблуждение персональных данных владельца (держателя) карты, позволяющих осуществить несанкционированный доступ к его банковскому счету. Иными словами, кража не исключает элементов обмана или введения в заблуждение потерпевшего, выступающих одними из составляющих подготовки к непосред-

ственному тайному хищению находящихся на его банковском счете денежных средств.

Поэтому продолжает сохранять актуальность проблема дальнейшего совершенствования методики расследования указанных деяний, с учетом доктринальных положений криминалистической методики как раздела криминалистики [6, с. 23—35; 7, с. 17—23]. В рамках реализации обозначенного общего направления в настоящей работе обратим внимание на особенности допроса лиц, проходящих по делам о хищениях с использованием электронных средств платежа.

Допрос этих лиц осуществляется в целом в соответствии с рекомендациями, разработанными для этого следственного действия [8, с. 130—134; 9, с. 56—65], с акцентированием внимания на всестороннем установлении обстоятельств, во-первых, образующих общий предмет доказывания согласно ст. 73 УПК РФ; во-вторых, определяющих специфику указанных деяний, проявляющихся в конструкции их состава.

Как известно, потерпевшими по делам о данной категории преступлений выступают лица, которым причинен имущественный вред в результате хищения денежных средств, находящихся на их банковском счете. Во многих случаях такой ситуации способствует допущение потерпевшими элементов виктимного поведения, усиливающего вероятность совершения в отношении них преступного посягательства. К наиболее типичным случаям виктимности относятся: утеря банковских карт вблизи банкоматов и иных платежных систем, забывание карт вместе с сопутствующими предметами (сумками, кошельками, мобильными телефонами и т. д.) в местах культурно-досугового характера (кафе, ресторанах, торговых центрах, парках, скверах и пр.), иных общественных местах либо местах, доступных для лиц с низким правосознанием, а равно в общественном транспорте, в такси и пр. Причем при утерянных или забытых личных вещах нередко вместе с банковскими картами находились записи ПИН-кодов, логинов и паролей от приложения «Сбербанк-онлайн», иной информации, существенно облегчающей субъектам преступления доступ к электронным денежным средствам.

Другой вариант виктимного поведения связан с сообщением потерпевшими своих персональных данных под воздействием обмана или злоупотребления доверием злоумышленников, представляющихся сотрудниками финансовых учреждений, чему в большей степени подвержены лица старшей возрастной группы либо иные лица, не обладающие достаточной юридической и финансовой грамотностью.

Следующий вариант виктимного поведения связан с недооценкой значимости сообщения в банк сведений об изменении некоторых персональных данных, в частности, номера контактного телефона, к которому привязана банковская карта. Так, согласно материалам уголовных дел встречаются ситуации, при которых потерпевшие, в целом, соблюдали необходимые меры безопасности при обращении с банковскими картами. Однако со временем они за минованием необходимости перестали пользоваться номером мобиль-

ного телефона, привязанного к банковской карте, к которому была подключена услуга «Мобильный банк», но не актуализировали применительно к этой карте новый контакт. Соответственно, по правилам предоставления услуг мобильной связи данный номер телефона был заблокирован и реализован иному лицу. Однако банк, продолжая обслуживание указанной карты, направлял сообщения о банковских операциях на номер того же самого контакта, перешедшего к другому лицу, которое, воспользовавшись данной ситуацией, осуществило незаконный перевод чужих денежных средств на доступную для последующего обналичивания банковскую карту¹.

Особыми случаями, не связанными с виктимным поведением потерпевших, выступают факты причастности к преступлениям лиц, имеющих доступ к персональным данным держателей карт, благодаря их служебному статусу.

С учетом указанных выше факторов виктимности следователю необходимо строить тактику допроса потерпевших, проявляя максимальную доброжелательность и вежливость к лицам, проявившим недостаточную правовую, финансовую или техническую компетентность, а равно подвергнувшимся психологическому воздействию злоумышленников.

По мере установления психологического контакта необходимо, побудив допрашиваемого к свободному рассказу, а также направляя его мысли путем постановки детализирующих и конкретизирующих вопросов, установить следующую совокупность обстоятельств:

1) обстоятельства, связанные с открытием банковского счета и оформлением в данной связи банковской карты: дата, место, цель открытия счета, наименование и подразделение банка, выдавшего карту, условия и особенности банковского обслуживания, вид и наименование карты (дебетовая, кредитная, карта рассрочки, накопительная и т. д.), её реквизиты, номер мобильного телефона, привязанный к банковской карте, а также наименование телефонного аппарата, к которому подключена сим-карта, технические особенности программного обеспечения данного аппарата и т. п.;

2) обстоятельства, связанные с текущим использованием данного счета и соответствующей ему банковской карты, предшествующие совершению деяния: каким образом, с какой периодичностью, с применением каких электронных средств платежа использовалась карта потерпевшим; круг лиц, имеющих право и (или) возможность систематически совершать операции по данной карте, — на каких условиях, в каких пределах и (или) лимите; имели ли место обстоятельства, в результате которых иные лица могли получить возможность воспользоваться самой картой или узнать реквизиты, носящие конфиденциальный характер и т. п.;

3) обстоятельства, связанные с полной ли частичной утратой доступа к банковскому счету либо контроля за хранящимися на нем электронными

¹ Уголовное дело № 1-26/19. Орджоникидзевский районный суд г. Новокузнецка Кемеровской области. 2019.

денежными средствами: где, когда, каким образом потерпевшему стало известно о неправомерном доступе иных лиц к его банковскому счету; каково было содержание действий этих лиц и корреспондирующих им действий потерпевшего; действовали ли эти лица путем непосредственного контакта либо с помощью средств связи; каковы приметы и иные характеризующие особенности этих лиц, а также использованные ими средства связи (контактные данные); что побудило допрашиваемого вступить с ними в вербальный контакт и выполнить определенные действия по их просьбе или требованию; каков вред причинен потерпевшему в результате совершения преступления, из каких слагаемых он состоит.

Содержание допроса подозреваемого и обвиняемого охватывает такие аспекты, как: отношение данного лица к возникшему касательно его подозрению (сформулированному обвинению), наличие у него банковских счетов, а также соответствующих им банковских карт, мобильных телефонов и иных цифровых устройств, позволяющих осуществлять финансовые транзакции; наличие в пользовании или в свободном доступе банковских карт и цифровых устройств, принадлежащих иным лицам, обстоятельства поступления этих объектов в распоряжение допрашиваемого; причины, побудившие осуществить незаконные финансовые операции; место, время, условия и обстоятельства их совершения, использованное оборудование, присутствовавшие на месте происшествия иные лица, в том числе сотрудники торговых, финансовых или иных организаций, наличие и характер контакта допрашиваемого с ними; итоговая сумма незаконных финансовых операций; каким образом лицо распорядилось полученными средствами.

Подозреваемые или обвиняемые по делам о рассматриваемой категории преступлений, как показывает практика, могут занять позицию, направленную на содействие раскрытию и расследованию деяния, что зачастую объясняется очевидным характером причастности этих лиц к совершённом деянию, наличием еще на первоначальном этапе расследования достаточной совокупности изобличающих доказательств. К таковым носителям доказательственной информации относятся: показания свидетелей и потерпевших, прямо указывающих на это лицо как на совершившее преступление (в том числе, если деяние совершено известным им лицом, входящим в круг их общения); данные камер видеонаблюдения, результаты обследования электронных устройств, имеющих соответствующее программное обеспечение, с очевидностью указывающих на совершение неправомерных транзакций именно этим лицом с использованием чужих персональных данных или принадлежащих иному лицу реквизитов. При этом на последующем этапе расследования наблюдается вариативность позиции обвиняемых: от полного согласия с обвинением и изъявления желания о проведении судебного разбирательства в особом порядке до признания фактической стороны совершённых действий с несогласием относительно их правовой оценки.

Тем не менее позиция на признание своей вины в совершённом деянии реализуется подозреваемыми и обвиняемыми далеко не всегда. Несмотря

на то, что специфика анализируемых посягательств проявляется в совершении их с помощью различных цифровых устройств, позволяющих идентифицировать и авторизовать пользователей, вместе с тем при наличии обстоятельств, в той или иной степени свидетельствующих в пользу подозреваемого или обвиняемого, они закономерно осуществляют действия, направленные на защиту от уголовного преследования.

В показаниях подозреваемых или обвиняемых может излагаться позиция: об ошибочном или случайном характере использования ими чужой банковской карты, о непридании значения тому, от кого поступил денежный перевод, о введении в заблуждение иными лицами, о недостаточной компетентности в данной сфере и непонимании фактического характера своих действий или действий иных лиц, обратившихся к нему с просьбой и т. п.

При этом действия подозреваемых и обвиняемых в период совершения преступного посягательства могут содержать элементы сокрытия преступления, что проявляется в: использовании с целью снятия денежных средств банковских карт третьих лиц (родственников, знакомых, друзей подозреваемого и обвиняемого), неосведомленных о противоправном умысле; неоднократности переводов денежных средств на различные карты; использовании мобильных телефонов и компьютерных средств, оформленных на иных лиц (а равно сокрытие истинных телекоммуникационных контактов путем функции переадресации), совершении иными лицами по просьбе подозреваемых или обвиняемых тех или иных действий (например, сообщение о поступивших на их телефонный номер кодах или паролях, непосредственное снятие денежных средств или совершение покупок, перечисление поступивших на их карту денежных средств на реквизиты, указанные подозреваемым и обвиняемым) и т. д.

Соответственно, изложенная в показаниях подозреваемых и обвиняемых позиция, направленная на отрицание причастности к совершённому преступлению, подлежит тщательной проверке на предмет её состоятельности. В этих целях осуществляются допросы в качестве свидетелей лиц, чьи персональные данные, банковские карты либо электронные устройства (сим-карты, мобильные телефоны, портативные или стационарные компьютеры) были использованы подозреваемыми и обвиняемыми вне ведения этих лиц либо с введением их в заблуждение, осуществляется выемка (при наличии оснований — обыск) [10, с. 16—21], осмотр имеющихся у них предметов и документов, включая электронные документы и устройства, указывающих на объективные признаки совершённого деяния. При необходимости назначаются и проводятся судебные экспертизы.

Резюмируя вышеизложенное, констатируем, что допрос лиц, непосредственно либо опосредованно воспринимавших обстоятельства хищений, совершённых с помощью электронных средств платежа и проходящих по уголовным делам об указанной категории преступлений в качестве потерпевшего, свидетелей, подозреваемых или обвиняемых, выступает одним из ценных тактико-криминалистических ресурсов установления всех обстоятельств,

позволяющих дифференцировать технологически сходные разновидности хищений, а также формирования доказательств по делам об указанной категории преступлений. Однако потенциал данного следственного действия далеко не всегда используется в полной мере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Варданян А. В. Влияние научно-технического прогресса на модернизацию общетеоретических положений криминалистики / А. В. Варданян // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. — Ростов н/Д., 2019. — С. 3—8.

2. Головин А. Ю. Современные дефиниции ошибок в выборе стратегии и тактики расследования преступлений / А. Ю. Головин // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. — Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. — 2015. — С. 38—46.

3. Варданян А. В., Грибунов О. П., Трубкина О. В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования: моногр. / А. В. Варданян, О. П. Грибунов, О. В. Трубкина. — Иркутск, 2016. — 152 с.

4. Варданян А. В. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость: моногр. / А. В. Варданян, В. А. Антонов, В. С. Белохребтов. — Иркутск, 2016. — 112 с.

5. Грибунов О. П., Усачев С. И. К вопросу о способах совершения мошенничества в сфере автострахования // О. П. Грибунов, С. И. Усачев // Юристъ-Правоведъ. — 2020. — № 1 (92). — С. 151—154.

6. Варданян А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений / А. В. Варданян, О. П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2017. — № 2 (81). — С. 23—35.

7. Варданян А. В., Айвазова О. В. Принципы формирования частных криминалистических методик: современное состояние и пути совершенствования / А. В. Варданян, О. В. Айвазова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 1—2. — С. 17—23.

8. Варданян А. В. Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях / А. В. Варданян // Общество и право. — 2017. — № 3 (61). — С. 130—134.

9. Грибунов О. П. Допрос как источник получения вербальной информации при расследовании хищений нефтепродуктов на объектах железнодорожного транспорта / О. П. Грибунов, М. О. Долматова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2020. — № 1. — С. 56—65.

10. Варданян А. В. Новеллы в регламентации обыска и выемки как потребность в модернизации тактико-криминалистических приемов / А. В. Варданян // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — Иркутск, 2019. — С. 16—21.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10057

Могильникова Анастасия Васильевна,

доцент кафедры пожарно-технической экспертизы

Восточно-Сибирского института МВД России,

кандидат технических наук

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИЗЕЛЬНЫХ ТОПЛИВ МЕТОДОМ ФЛУОРЕСЦЕНТНОЙ СПЕКТРОСКОПИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПОДЖОГОВ

Аннотация. Ввиду роста количества произведенных пожарно-технических экспертиз по поджогам, совершённых с помощью специальных средств, обнаружение и исследование остатков инициаторов горения (средств поджога) на объектах-носителях, изъятых с места пожара, в настоящее время остается весьма актуальной задачей.

Проведены исследования по обнаружению исходных и выгоревших легковоспламеняющихся и горючих жидкостей, применяемых при поджогах, методом флуоресцентной спектроскопии. В статье изложены возможности применения метода флуоресцентной спектроскопии для установления следов дизельных топлив на исследуемых объектах в целях подтверждения или исключения поджога как причины возникновения пожара.

Ключевые слова: инициаторы горения, поджог, лабораторное исследование, интенсификаторы, легковоспламеняющиеся жидкости, флуоресцентная спектроскопия.

Mogilnikova Anastasia Vasilevna,

Associate professor of the department of fire and technical expertise
of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia,

Candidate of Technical Sciences

INVESTIGATION OF DIESEL FUELS BY FLUORESCENCE SPECTROSCOPY IN THE INVESTIGATION OF ARSON

Abstract. Due to the strict growth in the number of fire-technical examinations on arson committed with the help of special tools, the detection and investigation of the remains of the combustion initiators on the objects-carriers removed from the fire site, remains a very urgent task at the present time.

Research has been carried out on the detection of initial and burnt-out flammable and combustible liquids used in arson by the method of fluorescence spectroscopy. The article describes the possibilities of using the method of fluorescence spectroscopy to establish traces of diesel fuels in the studied objects in order to confirm or exclude arson as the cause of fire.

Keywords: combustion initiators, arson, laboratory research, intensifiers, flammable liquid, fluorescent spectroscopy.

В настоящее время обстановка с расследованием уголовных дел, связанных с пожарами, в Российской Федерации остается достаточно сложной [1, с. 146]. Правоприменительные органы регулярно сталкиваются с проблемами квалификации таких преступлений, в том числе с установлением ущерба от пожара, субъективной стороны, причинно-следственной связи между общественно опасным деянием и его последствиями [2, с. 193].

Особую сложность представляет расследование преступлений, связанных с умышленным уничтожением чужого имущества путем поджога. Поджоги, как правило, совершаются с целью сведения счетов с неугодными людьми из мести, устрашения, устранения конкурентов [3, с. 32]. Нередко поджог используется в качестве средства сокрытия следов или факта иных преступлений, таких как кража, мошенничество, убийство [4, с. 225; 5, с. 172; 6, с. 74]. Действия злоумышленника в таких случаях направлены на инсценировку ситуации, искажающей реальную картину правонарушения (аварийный режим работы электрооборудования, нарушение требований безопасной эксплуатации нагревательных приборов и т. д.), и на создание условий для быстрого развития горения, в результате которого увеличивается вероятность уничтожения или значительного повреждения следов преступления, улик.

Способы совершения поджога могут быть достаточно разнообразными. Они могут осуществляться путем сосредоточения в месте поджога горючих веществ и материалов, создания благоприятных условия для их самовозгорания, применения технических устройств и приспособлений, позволяющих увеличить время зажигания горючих материалов, своевременно покинуть место преступления и исключить подозрения в причастности к пожару. Тем не менее в качестве интенсификаторов горения преимущественно применяются доступные легковоспламеняющиеся (ЛВЖ) и горючие жидкости (ГЖ), к которым относятся светлые нефтепродукты (бензин, дизельное топливо, керосины), жидкости для розжига, бытовые растворители.

Факт обнаружения следов ЛВЖ или ГЖ в месте маловероятного их появления и предполагаемого возникновения горения является одним из важных квалификационных признаков поджога. Зачастую интенсификаторы горения предстают в виде пятен, наслоений на конструкциях и различных элементах вещной обстановки, в редких случаях в виде сохранившихся малых объемов, в обнаруженных на месте пожара или вблизи него емкостях [7, с. 37; 8, с. 66].

Признаки применения интенсификаторов или инициаторов горения можно обнаружить еще на этапе осмотра места происшествия, связанного с пожаром. К ним могут относиться наличие двух и более независимых очагов пожара, наличие термических повреждений или пятен в виде лужиц раз-

лившейся жидкости на полу (рис. 1), потеков на иных конструкциях, наличие запаха ЛВЖ (ГЖ) на месте происшествия. При этом остатки ЛВЖ лучше сохраняются в зонах низких температур: под полом, с нижней стороны напольных покрытий, под громоздкой мебелью, куда жидкость может стекать в результате продавливания пола [9, с. 66].

Рисунок 1. Термические повреждения напольного покрытия при горении разлитой ЛВЖ

Непосредственное место отбора проб для лабораторного исследования на наличие следов интенсификаторов горения можно определить при использовании переносных газоанализаторов, среди которых широкое применение в расследовании пожаров получили газоанализаторы «Колион», «АНТ» с фотоионизационным детектором [10, с. 8; 11, с. 27]. На данном этапе осмотра места происшествия, когда необходимо квалифицированное применение технических средств обнаружения ЛВЖ, их изъятия и упаковки для последующего лабораторного исследования, немалое значение имеет активная совместная работа следователя и специалиста [12, с. 95].

Следующим ответственным этапом исследования поджога является лабораторная диагностика и идентификация интенсификаторов горения.

После извлечения компонентов ЛВЖ или ГЖ с предмета-носителя методами экстракции проводится их анализ с использованием методов газовой хроматографии, инфракрасной или флуоресцентной спектроскопии [13, с. 75]. В практической судебно-экспертной деятельности с целью увеличения достоверности и надежности результатов имеют случаи комплексного применения методов исследования [14, с. 735]. При отсутствии необходимого технико-криминалистического обеспечения возможно применение тонкослойной хроматографии, рефрактометрии, газоанализаторов с индикаторными трубками [15, с. 144; 16, с. 81; 17, с. 176].

В связи с тем, что на исследование нередко представляются следы ЛВЖ со значительной степенью деградации в результате испарения или микробиологического разложения, в том числе на объектах-носителях, имеющих термические повреждения, то при их диагностике и идентификации необходимо применение аналитических методов с высокой чувствительностью. К таким методам относится флуоресцентная спектроскопия, которая основана на определении интенсивности флуоресценции ароматических соединений, входящих в состав товарных нефтепродуктов.

На сегодняшний день методика флуоресцентного анализа интенсификаторов горения базируется на установлении максимумов флуоресценции моно-, би-, три- и иных полициклических ароматических углеводородов с последующим отнесением к соответствующему виду нативного или сильно выгоревшего ЛВЖ и ГЖ.

О наличии в анализируемой пробе нативных ЛВЖ и ГЖ свидетельствует присутствие в спектре максимумов в области:

- 270—300 нм, 300—330 нм — автомобильные бензины, керосины, нефтяные растворители;
- 300—330 нм — дизельное топливо, нефтяные сольвенты;
- 300—330 нм, 340—370 нм — масла, смазки и иные тяжелые нефтяные фракции.

Наличие в спектре флуоресценции максимумов в области 340—370 нм, 370—390 нм, 390—410 нм, 410—430 нм характерно для выгоревших интенсификаторов горения [18, с. 11].

Необходимо отметить, что на исследование ЛВЖ и ГЖ могут поступать с различной степенью испарения. В связи с этим для судебного эксперта важна информация об изменении спектра флуоресценции жидкости при постепенном её испарении. В работах [19, с. 43; 20, с. 74; 21, с. 123] рассматривалось влияние степени испарения бензинов, растворителей, керосинов на спектры флуоресценции, для дизельных топлив подобные результаты не приводятся.

На основании выше изложенного целью работы являлось проведение исследования спектров флуоресценции дизельных топлив с различной степе-

нию испарения (по объему) и определение характерных максимумов флуоресценции.

В соответствии с ГОСТ [22], в зависимости от условий применения выделяют четыре марки дизельного топлива: летнее (Л), межсезонное (Е), зимнее (З) и арктическое (А). Марка топлива определяется по предельной температуре фильтруемости, изменяющейся в интервале от -5 до -45°C в зависимости от состава ЛВЖ, наличия присадок. Объектами исследования в работе являлись наиболее распространенные летнее (ДТ-Л) и зимнее (ДТ-З) дизельные топлива.

Для проведения флуоресцентного анализа дизельные топлива предварительно выжигались в тигле на 25 %, 50 %, 75 % и 99 % (об.). Остатки ЛВЖ исследовали на спектрофлуориметре «Флюорат-02-Панорама» в режиме сканирования «по регистрации» при длине волны возбуждения флуоресценции 255 нм.

В результате исследования установлено, что в спектрах флуоресценции ДТ-Л и ДТ-З (рис. 2, 3) до степени выгорания 75 % присутствуют пики в области 300—330 нм, характерные для бициклических ароматических углеводородов. Дополнительно в спектре ДТ-Л имеются незначительные плечи в области 340—370 нм трициклических ароматических углеводородов.

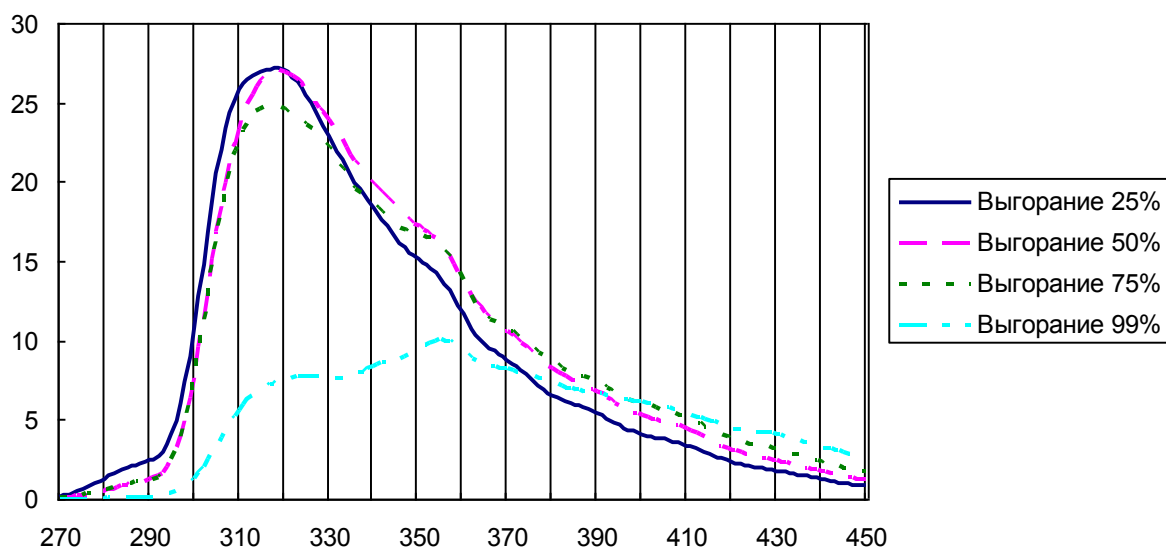

Рисунок 2. Спектры флуоресценции ДТ-Л в зависимости от степени выгорания

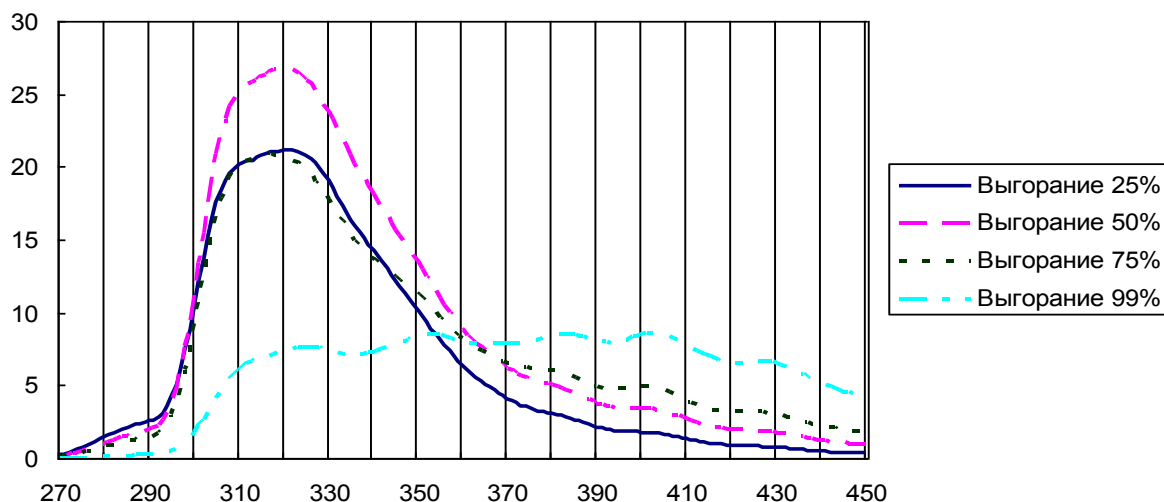

Рисунок 3. Спектры флуоресценции ДТ-З в зависимости от степени выгорания

Заметные изменения в спектрах флуоресценции дизельных топлив, в отличие от бензинов и растворителей, наблюдаются на конечных стадиях горения нефтепродуктов. При степени выгорания около 99 % интенсивность флуоресценции снижается, при этом максимум флуоресценции смещается от 300—330 нм к 340—370 нм, т. е. в область трициклических ароматических углеводородов. В отличие от ДТ-Л в спектре ДТ-З имеются максимумы, характерные для полициклических ароматических углеводородов в областях 370—390, 390—410 и 420—440 нм.

Изменение спектров флуоресценции дизельных топлив только при значительной степени выгорания или испарения обусловлено низким содержанием ароматических углеводородов в составе ЛВЖ. В соответствии с ГОСТ¹, массовая доля полициклических ароматических углеводородов, включая би- и трициклические, не должно превышать 8 %. Содержание непосредственно полициклических ароматических углеводородов в дизельном топливе, как правило, не превышает 2 % при оптимальном содержании 0,6—0,8 % [23, с. 482]. Следовательно, наличие в спектре ДТ-З максимумов флуоресценции в области 370—440 нм может быть результатом либо повышенного содержания полициклических ароматических углеводородов, либо более полным выгоранием легколетучих компонентов топлива.

Таким образом, в результате исследования дизельных топлив методом флуоресцентной спектроскопии установлено, что при степени выгорания до 75 % и более характерным для данного вида нефтепродуктов является наличие в спектре пика в области 300—330 нм бициклических ароматических углеводородов. При значительной степени выгорания (около 99 %)

¹ ГОСТ 32511—2013 (EN 590:2009) Топливо дизельное ЕВРО. Технические условия: [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200108413> (дата обращения: 14.05.2020).

наблюдается смещение максимума флуоресценции в сторону трициклических и иных полициклических ароматических углеводородов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Плотникова Г. В., Уланов А. Г. Ошибки и недостатки при осмотре места пожара / Г. В. Плотникова, А. Г. Уланов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 4 (8). — С. 146—149.
2. Будаев Э. В. Криминалистическая характеристика умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога / Э. В. Будаев // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — № 2. — С. 193—197.
3. Плотникова Г. В., Кузнецов К. Л., Малышева С. Ф. Особенности исследования полиуретана при поджогах / Г. В. Плотникова, К. Л. Кузнецов, С. Ф. Малышева // Пожаровзрывобезопасность. — 2019. — Т. 28. — № 2. — С. 31—38.
4. Ali Rıza Tümer, Ramazan Akçan, Emre Karacaoğlu et al. Postmortem burning of the corpses following homicide // Journal of Forensic and Legal Medicine. — 2012. — V. 19. — I. 4. — P. 223—228.
5. Кирсанова М. В. Соккрытие фактов хищения при исполнении госконтрактов путем поджога / М. В. Кирсанова // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. — 2016. — Т. 5. — № 2—2 (6). — С. 171—174.
6. Эндерс А. И. Проблема выявления поджогов, совершаемых с целью сокрытия следов преступления / А. И. Эндерс // Общество и право. — 2020. — № 1 (71). — С. 71—75.
7. Шеков А. А., Плотникова Г. В. Факторы, влияющие на обнаружение и идентификацию интенсификаторов горения методом газовой хроматографии / А. А. Шеков, Г. В. Плотникова // Эксперт криминалист. — 2019. — № 1. — С. 36—38.
8. Галишев М. А., Чешко И. Д. Обнаружение и экспертное исследование остатков горючих жидкостей — средств поджога / М. А. Галишев, И. Д. Чешко // Пожаровзрывобезопасность. — 2004. — Т. 13. — № 3. — С. 63—71.
9. Горовых О. Г., Волосач А. В. Оценка наличия горючей жидкости по виду прогаров на полу помещений / О. Г. Горовых, А. В. Волосач // Чрезвычайные ситуации: образование и наука. — 2012. — Т. 7. — № 2. — С. 63—68.
10. Чешко И. Д., Принцева М. Ю., Касаев Р. А. Инструментальные методы современной пожарно-технической экспертизы 2. Полевые методы обнаружения остатков интенсификаторов горения (средств поджога) / Ч. И. Дешко, М. Ю. Принцева, Р. А. Касаев // Надзорная деятельность и судебная экспертиза в системе безопасности. — 2019. — № 1. — С. 4—9.
11. Беляк А. Л. Обнаружение переносным газоанализатором следов инициаторов горения после пожара полимеров при производстве пожарно-технической экспертизы / А. Л. Беляк. — Текст: электронный // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 3 (3). — С. 25—29. Электрон. текст. дан. (2 998 272 байт). — 60 электрон. опт. диск (CD-ROM). — Загл. с этикетки диска.
12. Юдин Б. П. Криминалистически значимая информация на месте пожара / Б. П. Юдин // Сборник материалов криминалистических чтений. — 2017. — № 14. — С. 94—96.
13. Чешко И. Д., Галишев М. А., Шарапов С. В. и др. Техническое обеспечение исследования поджогов, совершенных с применением инициаторов горения: учебно-методическое пособие / И. Чешко, М. А. Галишев, С. В. Шарапов. — М.: ВНИИПО, 2002. — 120 с.

14. Хмелевский С. М., Гессе Ж. Ф. Возможности экспериментальных методов для обнаружения следов легковоспламеняющихся и горючих жидкостей на месте пожара при поджогах / С. М. Хмелевский, Ж. Ф. Гессе // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. — 2018. — Т. 1. — С. 734—736.

15. Егорилов П. Н., Решетов А. А., Галишев М. А. Методическая система криминалистического исследования нефтепродуктов в судебной экспертизе / П. Н. Егорилов, А. А. Решетов, М. А. Галишев // Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. — 2012. — № 4. — С. 140—146.

16. Козлитин А. А., Лебедева В. В., Непочатых И. Н., Лукомская Т. М. Идентификация легковоспламеняющихся жидкостей методом рефрактометрии / А. А. Козлитин, В. В. Лебедева, И. Н. Непочатых, Т. М. Лукомская // Научный вестник НИИГД Респиратор. — 2017. — № 1 (54). — С. 75—84.

17. Принцева М. Ю., Чешко И. Д. Многоканальный газоанализатор с индикаторными трубками и его применение для установления природы жидкости, использованной при поджоге / М. Ю. Принцева, И. Д. Чешко // Расследование пожаров: сборник статей. — М.: ВНИИПО, 2007. — С. 170—180.

18. Чешко И. Д., Принцева М. Ю. Инструментальные методы современной пожарно-технической экспертизы 1. Молекулярная спектроскопия / М. Ю. Принцева, И. Д. Чешко // Надзорная деятельность и судебная экспертиза в системе безопасности. — 2018. — № 1. — С. 5—13.

19. Шеков А. А., Зырянов В. С., Кузнецов К. Л. Исследование испаренных органических растворителей методом флуоресцентной спектроскопии / А. А. Шеков, В. С. Зырянов, К. Л. Кузнецов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2014. — № 3 (70). — С. 39—46.

20. Шеков А. А., Корякин А. А., Зырянов В. С. Исследование бензинов методом флуоресцентного анализа / А. А. Шеков, В. С. Зырянов, К. Л. Кузнецов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2010. — № 1 (52). — С. 71—75.

21. Принцева М. Ю., Яценко Л. А., Чешко И. Д. и др. Диагностика и идентификация горючих жидкостей при исследовании объектов пожарно-технической экспертизы: учеб. пособ. / М. Ю. Принцева, Л. А. Яценко, И. Д. Чешко. — СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2017. — 148 с.

22. ГОСТ 305—2013 Топливо Дизельное. Технические условия: [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200107826> (дата обращения: 14.05.2020).

23. Иванова Л. В., Кошелев В. Н., Буров Е. А. Влияние группового углеводородного состава дизельных топлив на их эксплуатационные свойства / Л. В. Иванова, В. Н. Кошелев, Е. А. Буров // Нефтехимия. — 2014. — Т. 54. — № 6. — С. 478—484.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10058

Пермяков Андрей Леонидович,

заместитель начальника кафедры криминалистики

Восточно-Сибирского института МВД России,

кандидат юридических наук

МЕХАНИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РАССМОТРЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Аннотация. В статье приводится анализ аргументации мнений некоторых ученых о необходимости отказа от использования в криминалистике такого понятия и речевой конструкции, как механизм расследования преступления. Представлена авторская позиция по данным аспектам теоретических положений криминалистики. Предлагается обоснование необходимости исследования деятельности следователей или иных лиц, участвующих в расследовании как особого механизма.

Ключевые слова: механизм расследования, технология расследования, раскрытие и расследование преступлений.

Permyakov Andrei Leonidovich,

Deputy Head of the Department of Criminalistics

of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia,

Candidate of Law

MECHANISTIC APPROACH TO THE REVIEW OF INVESTIGATOR'S WORK

Abstract. The article provides an analysis of the reasoning of the opinions of scientists on the need to abandon the use of such a concept and speech construction as a mechanism for investigating a crime in forensic science. The author's position on these aspects of the theoretical provisions of forensic science is presented.

Keywords: mechanism of investigation, technology of investigation, disclosure and investigation of crimes.

Криминалистика как наука является системным явлением, что подразумевает организованную системную взаимосвязь её элементов или составных частей. Существует ряд устоявшихся положений, наполненных понятиями, их определениями, заключениями, принципами и пр. Но научная мысль не может оставаться неподвижной, и её развитие порождает предложения о рассмотрении новых категорий или новых видений, ранее изученных. Это вполне естественное закономерное и оправданное явление. К сожалению, не за всеми такими предлагаемыми новшествами в действительности стоят новые открытые явления или ранее не замеченные исследователями законо-

мерности или феномены. Иногда авторы могут предлагать только новые названия уже существующим положениям или понятиям, но в некоторых случаях исследователи действительно приходят к чему-то инновационному, что может позволить научной мысли получить дополнительное ускорение или открыть новые направления исследования предмета. Открытия могут позволять увидеть нерассматриваемые ранее явления или объекты в целом или аспекты уже существующих в предмете криминалистики. Эффективность исследования и изучения их не может быть достигнута в полной мере, если не будут задействованы их связи с устоявшимися криминалистическими категориями [1, с. 207—211].

Одним из таких устоявшихся положений в криминалистике мы считаем общепринятое мнение о представлении её объекта, состоящего из двух противоположно направленных видов деятельности человека [2, с. 59; 3, с. 94]. Невзирая на некоторые высказывания ученых против такого положения, оно все еще остается достаточно устойчивым. При этом преступную деятельность или действия преступников по совершению преступлений традиционно принято рассматривать с позиций механицизма. Этому посвящено множество научных работ, и такой подход существенно не оспаривается и не подвергается значимой критике. С деятельностью следователя всё обстоит несколько иначе, и её в криминалистике не принято рассматривать как механизм. На наш взгляд, такое положение несправедливо и недостаточно обоснованно. Несмотря на кардинальные различия в направленности этих двух видов деятельности, связь их и взаимная зависимость не подвергается сомнению. Оба эти вида деятельности имеют прямое отношение к человеку и личности, а условия, в которых деятельность осуществляется, имеют очень много общего.

В своей монографии, посвященной рассмотрению и анализу новых подходов и методик в криминалистике, А. А. Эксархопуло выступил с критикой механистического подхода к рассмотрению процесса расследования преступлений как предмета криминалистики [4, с. 29]. Термин «технология», по его мнению, лучше подходит к определению процедуры расследования и слово «механизм» возможно использовать в криминалистике только для обозначения аспектов преступной деятельности. Свое мнение он аргументировал тем, что: 1) механизм представляя собой лишь внутреннее устройство машин, аппаратов и т. п. для определения «порядка какого-либо вида деятельности», может употребляться только в переносном смысле; 2) «на слух „технология“ воспринимается как более удачный термин для характеристики криминалистических аспектов предварительного расследования»; 3) в названии «технология» «заложена полезная предназначенность образующих технологию методов и процессов; 4) противоположные процессы деятельности человека целесообразнее описывать, используя различные заимствованные технические термины.

Данное мнение было частично поддержано В. Д. Кормой [5, с. 47, 48]. Он разделил при этом убеждение о том, что механизм подразумевает функционирование «какого-либо технического объекта (машины, агрегата, иного устройства)». Но при этом им было высказано мнение о том, что в деятельности преступников также часто можно встретить присутствие различных технологий, таких как технология подготовки и совершения преступлений или технология противодействия расследованию. В своих рассуждениях автор приходит к выводу о том, что «оба этих понятия имеют право на существование, но каждое из них должно использоваться тогда и в том контексте, когда обойтись без этого объективно невозможно» [5, с. 47, 48].

Мы уважаем мнение столь авторитетных ученых и во многом признаём справедливость их аргументаций. Однако прежде чем выразить свое мнение по существу аргументов, приведенных А. А. Эксархопуло, хотелось бы отметить, что данное мнение он выразил в контексте описания существующих в научной среде точек зрения на формулировку предмета криминалистики. По его мнению, многие авторские определения данной категории не содержат в себе существенных новшеств, называя старые, давно устоявшиеся понятия по-новому. Новые явления при этом в предмет криминалистики не вносятся, а для определения уже внесенных в него авторами используются иные термины, которые, по их мнению, имеют более криминалистический характер, т. е. больше соответствуют специфике криминалистического научного знания. Исходя из такого убеждения, «механизм расследования», предложенный О. В. Челышевой [см. 6, с. 70, 71], рассматривается как альтернатива часто используемому в определении предмета криминалистики понятию «раскрытие и расследование преступлений».

Предложенный взамен механизму расследования термин «технология» не обладает монополией на «полезную предназначенность» образующих его методов и процессов. Механизм так же, как и технология не является бесполезным, не имеет по умолчанию вредного назначения, т. е. данный феномен имеет такую же «полезную предназначенность». Кроме того, методы и процессы, составляющие технологию, не имеют обязательного безусловного категоричного положительного характера. Преступники могут в равной степени вероятности использовать во вред общественным отношениям какую-либо преступную технологию, например, технологию изготовления нитроглицерина в преступных целях или технологию оказания влияния на личность с целью склонения её к совершению преступления.

Что касается разнонаправленности двух видов человеческой деятельности, то, на наш взгляд, при описании процессов и закономерностей, присутствующих в них, не только можно, но и необходимо и целесообразно использовать максимально схожие подходы. Один из законов материалистической диалектики, идеи которой, как нам показалось из публикаций А. А. Эксархопуло, он полностью разделяет, подразумевают тождество противопо-

ложностей. А сходство связанных противоположных феноменов требует применения схожих методов или подходов при их исследовании.

Вызывает непонимание предложение ряда авторов заменить одни термин другим при отсутствии у них синонимичности. Технология и механизм даже в механике и технических науках подразумевают совершенно разные категории, явления или объекты материального мира. А. А. Эксархопуло, критикуя теорию о механизме расследования, использует определение понятия «механизм», заимствованное из толкового словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, согласно которому под ним понимается внутреннее устройство машин, аппаратов и т. п. [7, с. 354] Технология истолковывается как «совокупность производственных операций, методов и процессов в определенной отрасли сферы производства» или «совокупность знаний о способах обработки материалов, изделий, методах осуществления каких-либо производственных процессов» [8, с. 829]. На это указывает В. Д. Корма [4, с. 50]. Более того, в обоснование своих рассуждений он также приводит цитату из другого толкового словаря, который, определяя понятие «технология», использует сугубо технические термины и формулировки, такие как сырье, материалы, полуфабрикаты, производство продукции и др. Ключевым понятием в приведенном описании является «производственный процесс», что, так же, как и «машина» или «аппарат», имеет к предмету криминалистики в лучшем случае косвенное отношение.

Исходя из этого, термин «технология» по схожей с приведенной выше-указанными авторами логике рассуждений, как и термин «механизм» можно в равной степени признать понятием сугубо техническим и напрямую не подходящим для названия социальных процессов, явлений научных категорий, входящих в предмет криминалистики. Всё же не это здесь является главным. Важно то, что, по своей сути, эти понятия существенно отличаются.

Технология как категория носит абстрактный характер, как алгоритм или предписание выполнения определенных воздействий на объект. Это понятие соотносится с процессом расследования так же, как методика расследования. Когда речь заходит о её применении, т. е. проявлении её в объективной действительности, авторы обычно говорят уже не о технологии, а о процессе выполнения предписанных технологией воздействий. Как пишет Р. С. Белкин: «Технологическая экспертиза назначается для исследования особенностей обработки, изменения состояния, формы свойств сырья, материала, полуфабрикатов и других объектов. Одна из важнейших задач данной экспертизы — выявление отклонений от установленного нормативного порядка осуществления технологического процесса» [9, с. 294]. Как можно увидеть из этого высказывания, подразумевая имеющееся в объективной реальности явление, автор говорит не о собственно технологии, а уже о технологическом процессе и о порядке его осуществления.

Рассуждая о механизме, мы не представляем себе сугубо порядок или процедуру какого-либо вида деятельности. Прежде всего, мы видим механизм расследования как существующую и действующую в действительности систему различных элементов, сформированную и «запущенную» следователем для установления истины по уголовному делу. Это упрощенное резюмированное определение данного понятия, и здесь мы приводим его в таком урезанном виде для отражения существенного отличия механизма расследования от его технологии. Мы также предлагаем отличать от фактически сформированного на практике следователем механизма расследования конкретного преступления от типичного механизма расследования, который является идеальной категорией. Но даже типичный механизм расследования будет неправильно рассматривать сугубо как порядок действий. Типичный порядок или последовательность действий, алгоритм расследования является производной категорией, которую можно составить на основе анализа или иного умозрительного исследования типичного механизма расследования. Алгоритмы деятельности в значительной мере присутствуют в типичном механизме расследования, но они рассматриваются в нем в качестве составных структурных элементов. Кроме этого в механизме расследования присутствуют взаимодействующие объекты материального мира, категории идеальной сферы деятельности людей, сами люди, влияющие на работу отдельных элементов механизма и всего его в целом и пр.

Несмотря на малое количество в научных изданиях материалов, посвященных теории о механизме расследования, можно встретить достаточное количество публикаций о механизме принятия решений или механизме решения задач расследования [10, с. 24; 11, с. 74—81; 12, с. 121 и др.]. При этом нам не удалось встретить в научных изданиях критики использования авторами данной речевой конструкции. А между тем данный научный феномен мы рассматриваем как обязательный элемент механизма расследования [13, с. 168]. Это же относится и к ряду других его составляющих.

Вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что при узком понимании механизма расследования как процедуры или технологии или при признании его аналогичным понятию «раскрытие и расследование преступлений» развивать теорию о данном феномене, как научно-криминалистической категории действительно не имеет целесообразности. Мы же представляем явление, скрывающееся за данным термином, шире, что позволяет нам настаивать на необходимости рассмотрения в своих исследованиях механизма расследования преступлений, и использования такой языковой конструкции в рассуждениях.

В очередной раз хотим отметить, что данное утверждение ни в коей мере не претендует на какие-либо поправки в общепринятые положения о формулировке предмета и объекта криминалистики. Использование механистического подхода к рассмотрению деятельности следователя ни в коей

мере не может обладать каким-либо приоритетом среди других подходов и призм, через которые она рассматривается. Хотим выразить уверенность в том, что особенности объекта науки криминалистики, выявленные в данном аспекте, позволят сильнее приблизиться к системному познанию закономерностей в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Грибунов О. П. Криминалистическая теория причинности в контексте установления механизма следообразования: философские и теоретические аспекты / О. П. Грибунов // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 446. — С. 207—211.
2. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. — М.: Изд-во БЕК, 1997. — 342 с.
3. Андреев А. С. Проблема соотношения деятельности и поведения в криминалистической науке, направления ее разрешения при формировании концепции познания посткриминальной деятельности / А. С. Андреев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 3 (90). — С. 93—103.
4. Эксархопуло А. А., Макаренко И. А., Зайнулин Р. И. Криминалистика: история и перспективы развития: моногр. / А. А. Эксархопуло, И. А. Макаренко, Р. И. Зайнулин. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 167 с.
5. Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития: колл. моногр. / отв. ред. Е. П. Ищенко. — М.: Проспект, 2016. — 208 с.
6. Чельшева О. В. Объект и предмет криминалистики (генезис, содержание, перспективы развития) / О. В. Чельшева. — СПб., 2001. — 158 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М., 2003. — 938 с.
8. Современный толковый словарь русского языка. — М.: «Ридерз дайджест», 2004. — 959 с.
9. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. — М.: Мегатрон-XXI, 2000. — 334 с.
10. Головин А. Ю., Баранов М. В. Структура механизма решения задач расследования преступлений / А. Ю. Головин, М. В. Баранов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2015. — № 4—2. — С. 24.
11. Беляев М. В. Механизм принятия решений в уголовном судопроизводстве / М. В. Беляев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2018. — 4 (87). — С. 74—81.
12. Чертова Н. А., Юринская И. С. Механизм принятия судебного решения: теоретические аспекты / Н. А. Чертова, И. С. Юринская // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2015. — № 3. — С. 120—125.
13. Пермяков А. Л. Механизм расследования преступления / А. Л. Пермяков // Юристь-Правоведь. — 2020. — № 2 (93). — С. 165—169.

УДК 343.9

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10059

Поддубный Илья Васильевич,

адъюнкт Орловского юридического института МВД России
имени В. В. Лукьянова

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗЛОУМЫШЛЕННИКАМИ ПРОГРАММ УДАЛЕННОГО ДОСТУПА И ВРЕДНОСНОГО ПО КАК СРЕДСТВ СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЙ С БАНКОВСКИХ КАРТ ГРАЖДАН

Аннотация. В статье определяется актуальность преступлений в современной России, в частности хищений с банковских счетов граждан, совершаемых с использованием программ удаленного доступа и вредоносного ПО. Анализируется и дается краткая характеристика основным приемам и методам, используемым преступниками для заражения устройства «жертвы» или установки программ удаленного доступа. Автором также дается определение термина «социальная инженерия» и описывается применение данного метода в преступной деятельности. Приводятся научные точки зрения по вопросам, связанным с хищениями посредством вирусов и троянских программ. Автором дается краткая характеристика основным возможностям современных вирусов и программ удаленного доступа. Также уделяется внимание использованию такого метода, как «фишинг», являющегося довольно распространенным инструментом, применяемым злоумышленниками при заражении устройства «жертвы». Отдельно подчеркивается необходимость тесного взаимодействия правоохранительных органов со службами безопасности финансово кредитных учреждений, а также компаниями, занимающимися разработками в области кибербезопасности.

Ключевые слова: сеть Интернет, банковский счет, хищение, программа удаленного доступа, вирус, троянская программа, фишинг, социальная инженерия, информационные технологии.

Poddubny Ilya Vasilyevich,

Associate Oryol law Institute of the MIA the Russia
named after V. V. Lukyanov

THE USE OF REMOTE ACCESS SERVER AND MALWARE AS MEANS OF THEFT FROM BANK CARDS OF CITIZENS

Abstract. The article determines the relevance of crimes in modern Russia, in particular theft from citizens' bank accounts committed using remote access pro-

grams and malware. The basic techniques and methods used by criminals to infect a “victim” device or install remote access programs are analyzed and briefly described. The author also defines the term “social engineering” and describes the application of this method in criminal activity. Scientific points of view on issues related to theft through viruses and trojans are given. The author gives a brief description of the main features of modern viruses and remote access programs. Attention is also paid to the use of such a method as phishing, which is a fairly common tool used by cybercriminals to infect a victim’s device. The need for close cooperation between law enforcement agencies and security services of financially credit institutions, as well as companies involved in cyber security development, is emphasized separately.

Keywords: Internet, bank account, theft, remote access program, virus, trojan, phishing, social engineering, information technology.

В настоящее время сеть Интернет для жизни современных граждан играет важную, чуть ли не ключевую роль. Благодаря глобальной сети люди по всему миру имеют возможность беспрепятственно общаться, получать образование, совершать покупки одежды, бытовой техники и пищи, не выходя из дома. Как справедливо отмечают С. Я. Казанцев и О. Э. Згадзай, Интернет сегодня все больше трансформируется в глобальную социальную сеть, где каждый может быть не только потребителем информации, но и её поставщиком. Интернет превращается в некую альтернативу привычной жизнедеятельности общества, вбирая в себя весь её социально-экономический груз. Он стал областью быстро разрастающегося электронного бизнеса, сферой купли-продажи товаров и услуг, международной рыночной площадкой, в пределах которой вращаются колоссальные деньги. А где деньги, как известно, там и мошенники. Причем мошенники новой генерации — компьютерной: технически грамотные, хорошо оснащенные, хитроумные и зачастую недосыгаемые для правоохранительных органов [1].

На одном из совещаний министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев подчеркнул, что рост киберпреступности закономерен в связи с активным распространением информационных технологий. Количество преступлений, совершаемых в киберпространстве, растет пропорционально числу пользователей компьютерных сетей. По оценкам Интерпола, темпы роста преступности с использованием Интернета являются самыми быстрыми на планете¹.

В данном случае уместно указать на мнение В. Ф. Васюкова и А. Н. Колычевой, которые справедливо отмечают, что развитие компьютерных технологий и их совершенствование позволило им проникнуть практически во все виды человеческой деятельности, что, в свою очередь, при-

¹ В Иркутске Владимир Колокольцев провел заседание объединенной коллегии министерств внутренних дел Союзного государства России и Белоруссии [Электронный ресурс]. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/1053381> (дата обращения 26.02.2020).

вело к росту преступлений, совершённых с использованием компьютерной информации [2].

Согласно статистике, в 2018 г. мошенники украли с карт россиян 1,3 млрд руб. — на 44 % больше, чем годом ранее. Об этом говорится в отчете центра мониторинга и противодействия компьютерным атакам Fincert — структуры Банка России¹.

Также стоит отметить, что 26.02.2020 на проходившем заседании коллегии МВД России министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев обратил внимание, что в ряде служб центрального аппарата Министерства и на местах созданы специализированные подразделения по борьбе с киберпреступностью. Теперь это направление является профильным более чем для 3 тыс. 200 сотрудников².

В настоящее время международные компании, специализирующиеся на предотвращении кибератак, стали сообщать о новом всплеске мошенничества, направленного на пользователей приложений для мобильного банкинга.

В течение полугода ежемесячно системой Secure Bank в среднем фиксируется более 1 тыс. попыток вывода денежных средств со счетов физических лиц с помощью схемы, в которой используются программы для удаленного доступа. Среднемесячная сумма ущерба по данному типу мошенничества для крупного банка может составлять от 6 до 10 млн руб.³.

Наибольшее распространение у мошенников получила легальная программа для делегирования доступа TeamViewer, которая позволяет подключиться постороннему лицу к смартфону. Сами по себе приложения с удаленным доступом (например, TeamViewer) не являются вредоносными. С ними часто работают службы технической поддержки, когда, например, у сотрудника сломался рабочий компьютер.

Рассмотрим наиболее распространенные методы получения доступа к мобильному банку жертвы с помощью TeamViewer:

1. Преступник, представившись сотрудником службы безопасности банка, сообщает жертве по телефону или СМС о фиксации подозрительной операции или попытки входа в личный кабинет третьим лицом. Рассмотрим примерный алгоритм данного метода: на телефон «жертвы» отправляется ложное СМС якобы от банка о списании средств. Через некоторое время звонит злоумышленник, представляется сотрудником банка и сообщает о том, что системой безопасности была зафиксирована попытка списания денежных средств, при этом уточняя, получал ли гражданин СМС от банка. Жертва подтверждает получение сообщения, и мошенник тут же лжёт, что на его смартфоне обнаружена вредоносная активность, а для того, чтобы её удалить,

¹ Потери россиян от карточных мошенников выросли почти в полтора раза [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 12.02.2020).

² Заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс]. — URL: <http://krem-lin.ru/events/president/news/62860> (дата обращения 26.02.2020).

³ Удаленка по собственному желанию [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.group-ib.ru/blog/teamviewerfraud> (дата обращения 26.02.2020).

нужно установить программу удаленного доступа, которой, в частности, чаще всего будет являться TeamViewer.

2. Злоумышленник сообщает, что службе безопасности банка, в целях предотвращения взлома мобильного банка гражданина, необходимо решить некоторую техническую проблему. Для этого жертве необходимо установить на свое устройство специальную программу, с помощью которой сотрудник безопасности сможет обезопасить пользователя и оставить в сохранности его денежные средства.

Как в первом, так и во втором случае жертва устанавливает на свой телефон программу удаленного доступа, посредством которой злоумышленник может действовать от имени пользователя и, получив доступ к приложению мобильного банка, осуществить вывод денежных средств с банковского счета «жертвы».

Стоит отметить, что мошенники чаще всего являются опытными психологами и успешно ведут диалог с «жертвой», тем самым убеждая их в совершении конкретного действия, в частности установки программы удаленного доступа. В данном случае мы наблюдаем применение навыков социальной инженерии. Социальная инженерия — метод получения необходимого доступа к информации, основанный на особенностях психологии людей;¹ злонамеренное введение в заблуждение путем обмана или злоупотребления доверием.

Целью злоумышленников в ходе телефонного звонка является установление доверительных отношений с «жертвой» за короткое время. Зачастую преступники используют IP-телефонию, возможности которой позволяют мошенникам подменять собственный номер телефона на номер, схожий с телефоном банка. Также для установления доверия злоумышленники в ходе телефонного разговора могут сообщить «жертве» историю его транзакций, информацию о его личности, месте жительства и регистрации и т. д. (базы с такой информацией продаются на форумах и магазинах «Даркнета»).

В настоящее время имеющаяся многоуровневая антифрод-система банков (система автоматизированного выявления мошеннических действий) пытается успешно противодействовать таким атакам, но сложность обнаружения мошеннических действий состоит в том, что «жертва» сама соглашается установить программу удаленного доступа на свой смартфон, после чего отличить его действия от действий преступника, выдающего себя за реального сотрудника банка, достаточно сложно.

Универсальный способ защиты от телефонных мошенников, убеждающих клиента установить программу удаленного доступа, сообщить одноразовый пароль или просто что-то выведать, — при любом звонке из банка положить трубку и перезвонить самостоятельно по банковскому телефону, указанному на карте.

¹ Социальная инженерия — как не стать жертвой [Электронный ресурс]. — URL: <https://efsol.ru/articles/social-engineering.html> (дата обращения 26.02.2020).

Также стоит отметить, что по сегодняшний день не теряют своей актуальности хищения, посредством заражения ПК или смартфона «жертвы» вредоносным ПО. Такое заражение может быть направлено как на получение личных логинов и паролей пользователя, так и на получение непосредственного доступа к банковскому счету «жертвы». В данном случае нельзя не согласиться с мнением А. Н. Визгунова, который указывает, что троянские программы позволяют злоумышленнику получить пароли доступа, вводимые с клавиатуры [3].

Как справедливо утверждает Е. А. Ягупова, хищение данных с помощью вирусов (троянских программ) — весьма опасный вид технически совершенного мошенничества, когда смартфон или компьютер «заражается» вирусной программой. Это настолько умный «цифровой вредитель», что может не только испортить данные на компьютере держателя карты или «утащить» ценную информацию, но и действовать от имени хозяина телефона [4].

Зачастую троянские программы устанавливаются в наиболее популярные игровые приложения, пользующиеся наибольшей популярностью у пользователей и в связи с чем являющиеся наиболее скачиваемыми. Работа троянских программ и вирусов в основном запрограммирована в двух направлениях: копирование официального сайта банка и его дублирование, или же считывание кодов набора пользователя данных о логине и пароле с официального сайта банка. Также стоит отметить, что одновременно с совершенствованием антивирусных систем происходит и создание новых троянских программ и вирусов, адаптированных для работы «в новых условиях».

Также одним из распространенных способов «заражения» можно выделить так называемый фишинг, который подразумевает рассылку в СМС или на электронную почту сообщений, идентичных сообщениям от банка. Рассылки в основном осуществляются посредством «спуфинга», который представляет собой изменение адреса отправителя, который отображается у получателя письма. В письме будет содержаться ссылка, перейдя по которой, пользователь «заразит» свой телефон. Перейти по этой ссылке «жертве» предлагается под разными предложениями.

Ярким примером может послужить массовая рассылка в некоторых префектурах Японии электронных писем от имени центров общественного здравоохранения. Данные письма были замаскированы под официальные уведомления, имеющие определенный файл, содержащий подробную информацию о профилактических мерах против коронавирусной инфекции. Сильные опасения относительно новой инфекции побуждали людей открыть файлы из рассылки. В реальности же внутри лежал стиллер (от англ. Tosteel, воровать) — определенный класс троянов (вирусов), функции которых позволяют полностью похищать сохраненные в системе пароли и отправлять их злоумышленнику, вследствие чего преступник получал всю необходимую информацию для последующего хищения денежных средств.

Проводя анализ данной преступности, можно сделать вывод о том, что пользователи операционной системы Android и Windows меньше защищены, чем люди, использующие устройства на операционной системе MacOS и iOS.

Эксперты объясняют: дело не в том, что операционная система Apple сильнее защищена. Вирусы существуют и для них. В частности, они нацелены на устройства с джейлбрейком (jailbreak), где отключены встроенные средства защиты и используются права администратора. Но поскольку доля продуктов MacOS и iOS на мировом рынке ниже, чем у Windows и Android, то хакерам выгоднее разрабатывать вредоносное ПО массовые поражения именно для последних. Для понимания масштаба проблемы: операционная система Android установлена на семи из десяти смартфонов в России.

Одним из примеров может служить опасный троян, разработанный для мобильных устройств на базе Android, атаковавший клиентов международных банков, пользователей мобильных криптокошельков и крупных ресурсов электронной коммерции. «Вредонос» получил имя Gustuff. Исходя из анализа Group-IB, вредоносную программу Gustuff писали профессионалы — троян учитывает все современные реалии и обладает богатым набором возможностей. Например, полностью автоматизированные функции позволяют ему выводить фидуциарные деньги и криптовалюту со счетов пользователей.

По словам специалистов, Group-IB, Gustuff распространяется стандартным способом, который уже давно применяется злоумышленниками для заражения Android-устройств, — через СМС-сообщения, содержащие ссылки на загрузку вредоносного файла APK. Троян также отметился одной из уникальных функций — в Group-IB её назвали «автозаливом» в легитимные мобильные банковские приложения и криптокошельки. Именно реализация такой возможности позволяет Gustuff ускорить и масштабировать кражу денег. Для «автозалива» вредоносная программа использует сервис операционной системы Android, известный как Accessibility Service (его и ранее использовали различные вредоносы). В частности, этот сервис для людей с ограниченными возможностями используется для симуляции действий пользователя. Другими словами, троян может нажимать на любые кнопки, а также менять значения текстовых полей в банковских приложениях — всё зависит от того, что ему прикажет оператор. Более того, у Gustuff были обнаружены возможности отображения фейковых PUSH-уведомлений с иконками легитимных мобильных приложений. При нажатии на такие окна пользователь попадает на фишинговые страницы, которые имитируют легитимные ресурсы кредитных организаций¹.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что «кибермошенники» с каждым днем становятся умнее и хитрее, постоянно совершенствуют методику хищений с банковских счетов граждан, систематически

---

¹ Новый Android-троян Gustuff опустошает счета и выводит криптовалюту [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.anti-malware.ru/news/2019-03-28-1447/29277> (дата обращения 18.02.2020).

внедряют все новые технические решения, способствующие осуществлению своей преступной деятельности. Безусловно, финансово кредитные учреждения стараются максимально обезопасить своих клиентов, развивая и улучшая технологии защиты, что, однако, не может абсолютно гарантировать безопасность пользователей. В связи с этим сегодня перед правоохранительными органами стоит важная задача по противодействию таким противоправным действиям, которое будет невозможно без систематической разработки и внедрения новых тактических приемов и методов борьбы с данным видом преступной деятельности, повышением уровня специальных знаний в области компьютерных технологий, а также тесного взаимодействия со службами безопасности финансово кредитных учреждений и компаниями, занимающимися разработками в области кибербезопасности. Как справедливо отмечают В. Ф. Васюков и А. Н. Колычева, раскрытие и расследование преступлений, связанных с использованием ресурсов сети Интернет, в большинстве случаев сопряжено со специальными знаниями в сфере сетевых технологий и компьютерной информации [5]. Клиентам же банков, в свою очередь, необходимо повышать свою информационную грамотность и соблюдать правила безопасного использования банковской картой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Казанцев С. Я., Згадзай О. Э. Экономическая преступность в it-сфере. Новые угрозы и необходимые ответы [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 26.02.2020).
2. Колычева А. Н., Васюков В. Ф. Отдельные аспекты судебной компьютерной экспертизы, назначаемой при расследовании преступлений, совершенных с использованием сети Интернет / А. Н. Колычева, В. Ф. Васюков. [Электронный ресурс]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41446135> (дата обращения 12.02.2020).
3. Визгунов А. Н. Уровень защищенности от несанкционированного доступа как ключевой показатель качества системы дистанционного банковского обслуживания / А. Н. Визгунов // Бизнес-информатика. — №2(12). — С. 38.
4. Ягунов Е. А. Палий М. В. Мошенничество с банковскими картами и методы их противодействия в России / Е. А. Ягунов, М. В. Палий // Символ науки. — 2017. — № 01-1/2. — С. 86
5. Колычева А. Н., Васюков В. Ф. Отдельные аспекты судебной компьютерной экспертизы, назначаемой при расследовании преступлений, совершенных с использованием сети интернет / А. Н. Колычева, В. Ф. Васюков [Электронный ресурс]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41446135> (дата обращения 12.02.2020).

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10060

Россинская Елена Рафаиловна,

директор Института судебных экспертиз,
заведующий кафедрой судебных экспертиз
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
академик Российской академии естественных наук,
президент НП «Палата судебных экспертов имени Ю. Г. Корухова»;

Сааков Тигран Артёмович,

заведующий учебно-экспертной лабораторией
кафедры судебных экспертиз,
аспирант кафедры судебных экспертиз
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

ПРОБЛЕМЫ СОБИРАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И МЕССЕНДЖЕРОВ¹

Аннотация. Статья посвящена разработке методологических подходов обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров. Особое внимание уделяется участию специалиста в производстве следственных действий, связанных с сбором цифровых доказательств из социальных сетей и мессенджеров. Исследованы нормы международного законодательства и законодательства РФ в области противодействия киберпреступности и обеспечения кибербезопасности. На основе обобщения, систематизации, анализа теоретического материала и эмпирических данных обосновывается целесообразность внесения изменений в действующую редакцию УПК РФ, обусловленных потребностями следственной практики.

Ключевые слова: цифровые доказательства, сбор цифровых данных, компьютерные преступления, расследование преступлений, следственные действия, уголовный процесс, фиксация цифровых данных, удалённые серверы, электронные носители информации, социальные сети, мессенджеры.

Rossinskaya Elena Rafailovna,

Director of the Forensic Expertise Institute,
Head of the Forensic Expertise Dept.
at Kutafin Moscow State Law University,
Doctor of Law, Professor;

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16003.

Honored Scientific Associate of Russia;
Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;
Active Member of the Russian Natural Sciences Academy,
President of the Non-Commercial Partnership
“Chamber of Forensic Experts named after Yu. G. Korukhov”
Saakov Tigran Artemovich,
Head training expert laboratory of the Department of forensic science,
postgraduate student of the Department of forensic science
Kutafin State law University (MSAL)

THE PROBLEMS OF COLLECTING DIGITAL FOOTPRINTS OF CRIMES IN SOCIAL NETWORKS AND MESSENGERS

Abstract. This article is devoted to the development of methodological approaches to detecting, record and seizure digital footprints of crimes from social networks and messengers. The article critically analyzes the norms of international and national legislation of the Russian Federation in the field of countering cybercrime and ensuring cybersecurity. On the basis of generalization, systematization and analysis of theoretical material and empirical data, the authors justify the expediency of amending the current version of the Code of Criminal Procedure due to the needs of investigative practices. Special attention is paid to the participation of a specialist in the production of investigative actions related to the collection of digital evidence from social networks and messengers.

Keywords: digital evidence, digital data collection, cybercrime, investigation of crimes, investigative actions, criminal proceedings, digital data record, remote servers, an electronic secure storage device, social media, messengers.

Отличительной особенностью жизни в современном социуме является «обитание» человека в цифровой среде, что привело к существенным изменениям, в том числе в преступной деятельности. С использованием компьютерных средств и систем сегодня совершаются преступления практически любых видов: против жизни и здоровья, государственной власти, собственности, половой неприкосновенности и свободы личности, общественной безопасности и др. [1, с. 33]. В криминалистике для объединения преступлений, совершаемых с использованием компьютерных средств и систем, используется дефиниция «компьютерные преступления», которая связана не с квалификацией, а со способом преступления и, соответственно, с методикой его раскрытия и расследования [2, с. 440—442].

Анализ данных правового портала статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации свидетельствует о прогрессирующей тенденции роста числа киберпреступлений, зарегистрированных на территории России. Так, только за январь — март 2020 г. было зарегистрировано около 102 тыс. преступлений, совершённых с использованием информационно-телекомму-

никационных средств или в сфере компьютерной информации, что составляет около 41 % от общего числа киберпреступлений, зарегистрированных за весь предыдущий год.

Как отмечают исследователи, в Российской Федерации за последние годы почти каждое 20-е зарегистрированное преступление совершается при помощи использования сети Интернет [3, с. 112]. В свою очередь, социальные сети и мессенджеры нередко становятся особой средой для совершения самых различных преступлений (экстремистской и террористической направленности, незаконного оборота наркотиков, распространения детской порнографии и др.). Это, в первую очередь, связано с широкими функциональными возможностями социальных сетей и мессенджеров, спецификой компьютерно-опосредованной коммуникации, позволяющей личности сохранять свою анонимность и с легкостью публиковать различного рода информацию, которая становится впоследствии доступной широкому кругу лиц. Такие условия раскрывают перед злоумышленниками массу возможностей для реализации своих преступных умыслов посредством использования социальных сетей и мессенджеров, что обуславливает необходимость разрешения проблемных вопросов, связанных с отсутствием унифицированного подхода к обнаружению, фиксации и изъятию цифровых следов из социальных сетей и мессенджеров.

Как известно, обнаружение цифровых следов преступлений, оставленных в социальных сетях и (или) мессенджерах, является поисковой деятельностью следователя, которая направлена на собирание доказательственной и ориентирующей криминалистически значимой информации, что возможно посредством нескольких способов:

— поиск информации с использованием технических средств (ПК, ноутбука, электронного планшета и др.) для посещения страницы пользователя социальной сети (интересующий следствие ID), где потенциально содержатся следы преступления с последующей фиксацией и изъятием криминалистически значимой информации; при этом обнаружение криминалистически значимой информации возможно в случае, если цифровые данные, интересующие органы следствия, находятся в открытом доступе, либо удалось оперативно внедриться, например, подписаться на конкретную закрытую группу в социальной сети; в противном случае получение информации таким способом не представляется возможным;

— с электронного устройства подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего при помощи авторизации через их аккаунт в социальной сети (мессенджере) с их добровольного согласия или только с разрешения суда (ст. 185 УПК РФ); однако при этом следует иметь в виду, что получение криминалистически значимой информации будет возможно только в отношении тех данных, к которым аккаунт конкретного пользователя имеет доступ;

— с электронно-вычислительных мощностей, содержащих информацию о пользователях социальной сети и (или) мессенджеров (серверы компаний, предоставляющих услуги пользования конкретной социальной сетью, мессенджером).

Каждый из вышеперечисленных способов имеет свою специфику, обусловленную как нормами международного права, так и национального законодательства Российской Федерации, поэтому необходимо рассмотреть эти способы более подробно с правовых позиций.

В настоящий момент в УПК РФ отсутствует норма, регламентирующая порядок проведения следственного действия, связанного с получением компьютерной информации с удаленных компьютерных сетей и систем [4, с. 180]. Поэтому на практике при проведении предварительной проверки по сообщению о преступлении, когда доказательственная информация находится на страницах социальных сетей пользователей в сети Интернет, следователи руководствуются ст.ст. 176, 177 УПК РФ, т. е. осуществляют осмотр и последующую фиксацию и изъятие цифровых следов преступления в рамках проведения такого следственного действия, как осмотр предметов (документов).

Так, например, гражданин А. осуществлял незаконный сбыт наркотических средств и «вербовку» новых членов преступной группы при помощи использования аккаунта в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджере Telegram, в частности, посредством размещения объявлений о вакансиях на различных контент-сайтах и каналах в приложении Telegram, рассылок личных сообщений в социальной сети «ВКонтакте».

Обнаружение, фиксация и изъятие цифровых следов в приведенном выше примере осуществлялись в рамках проведения осмотра предметов (документов) в соответствии со ст. 177 УПК РФ.

Вместе с тем отметим, что, в соответствии со ст. 164.1 УПК РФ, участие специалиста в следственных действиях является обязательным в случаях, когда изъятие и копирование информации осуществляется с электронных носителей. Однако следует констатировать, что положения ст. 164.1 УПК РФ лишь отчасти способствуют оптимизации и эффективности проведения следственных действий, связанных с изъятием компьютерной и (или) цифровой информации.

Во-первых, положения ст. 164.1 нельзя экстраполировать на удаленное получение информации с сайта в сети Интернет. Это связано с тем, что, согласно ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» сайт в сети Интернет — это «совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет <...> по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты

в сети Интернет». Однако при осмотре сайта в Интернете фиксация и последующее изъятие информации осуществляется не с электронно-вычислительных мощностей (серверов), при помощи которых поддерживается работоспособность определенного контент-сайта, а из информационно-телекоммуникационной сети Интернет, отображающей информацию, хранящуюся в памяти устройств хранения информации (жестких дисков серверов) электронно-вычислительных мощностей. В то же время в ст. 164.1 УПК РФ ничего не сказано о получении информации с удаленных серверов, а речь идет лишь об изъятии и копировании информации с электронных устройств. Следовательно, в отношении обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов из сайтов в сети Интернет, в частности со страниц социальных сетей пользователей, в УПК РФ имеет место «правовая лакуна».

Во-вторых, согласно ч. 2 ст. 164.1, участие специалиста является обязательным, в частности, в случаях, когда изъятию подлежат электронные носители информации. Однако анализ следственной практики показывает, что специалист к участию в следственных действиях, связанных с изъятием электронных носителей информации, привлекается пока нечасто. В ходе мониторинга следственной практики нами был проведен опрос 100 дознавателей и следователей МВД Российской Федерации. На вопрос «Возникает ли объективная необходимость участия специалиста в следственных действиях, которые связаны с изъятием электронного носителя информации?» опрошиваемые респонденты ответили:

— нет, для изъятия электронного носителя информации не возникает потребности в использовании специальных знаний (51 %);

— да, для изъятия электронного носителя информации требуется использование специальных знаний (11 %);

— все зависит от специфики электронного носителя информации и его комплектующих (33 %);

— затрудняюсь ответить (5 %).

В свою очередь, на вопрос «Возникает ли объективная необходимость участия специалиста в следственных действиях, связанных с изъятием компьютерной и (или) цифровой информации с удаленных серверов и (или) электронных носителей информации?» дознаватели и следователи ответили:

— да, участие специалиста в следственных действиях необходимо для осуществления надлежащей фиксации и изъятия компьютерной и (или) цифровой информации (83 %);

— нет, объективной потребности в участии специалиста в следственных действиях для осуществления надлежащей фиксации и изъятия компьютерной и (или) цифровой информации с удаленных серверов и (или) электронных носителей информации не возникает (6 %);

— затрудняюсь ответить (11 %).

Анализ данных опроса демонстрирует проблему, которая, на наш взгляд, заключается в том, что для непосредственного изъятия самого электронного носителя информации (мобильного телефона, электронного планшета, ноутбука и др.), например, в рамках производства выемки (ст. 183 УПК РФ) участие специалиста является вовсе необязательным, т. к. в большинстве случаев следователь в состоянии сам надлежащим образом произвести выемку электронного носителя информации и без участия специалиста, если изъятие электронного устройства не представляет сложностей и не требует для этого использования специальных знаний. В этой связи С. Б. Россинский совершенно справедливо отмечает, что участие «специалиста в следственных действиях не является безусловным. Обладая необходимыми специальными знаниями и умея применять их на практике, следователь вполне может обойтись и без его помощи» [5, с. 118].

По нашему мнению, участие специалиста обязательно, когда следователю требуется осуществить изъятие компьютерной и/или цифровой информации либо непосредственно с электронного носителя (ПК, мобильного телефона, электронного планшета и т. д.), либо с удаленных серверов (например, с определённого контент-сайта), а не с самого электронного устройства (системного блока ПК, ноутбука, мобильного телефона и т. д.), т. к. фиксация и изъятие цифровых данных предопределяет необходимость соблюдения определённого порядка действий со стороны правоприменителя, вызванного спецификой данных объектов, с целью обеспечения их сохранности, достоверности и дальнейшей возможности приобщения в качестве вещественных доказательств по делу [6; 7].

Следует также отметить, что, в соответствии с примечанием к ст. 272 УК РФ, под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Однако, как представляется, такое определение компьютерной информации является не совсем корректным, поскольку процессором электронно-вычислительных мощностей могут обрабатываться цифровые данные, которые вовсе не обязательно должны быть представлены в форме электрических сигналов. Так, например, QR-код, включающий в себя стандартизированные режимы кодирования (числовой, буквенно-цифровой, двоичный, кандзи), может быть зафиксирован не на электронный, а иной носитель информации (бумагу, дерево, полимер и др.), т. е. в данном случае от цифровой информации (QR-кода) не будет исходить каких-либо электрических сигналов, но эта цифровая информация также может быть обработана любым электронным устройством (ноутбуком, смартфоном, электронным планшетом), позволяющим произвести декодирования QR-кода.

Более того, само понятие «электрические сигналы», по своей сути, является довольно широким. Связано это с тем, что при помощи электричес-

ких сигналов могут передаваться как цифровые, так и аналоговые данные (радио-, телевидение), которые не предназначены для их обработки процессором вычислительной техники (компьютером), а направлены для соединения несущей частоты с электронным устройством, например, радиоприемником или телевизором.

Полагаем, что следует разграничивать компьютерную информацию, которая может быть выражена как в аналоговом, так и в цифровом формате, но которая при этом должна подлежать обработке процессором электронно-вычислительных мощностей (компьютеров), от цифровой информации, которая может быть обработана как при помощи электронно-вычислительной техники (жесткие диски, USB-накопители, CD-диски и др.), так без неё (например, декодирование QR-кода может быть проведено лицом, обладающим специальными знаниями в соответствующей области, и без использования электронно-вычислительной техники).

Принимая во внимание тот факт, что при помощи компьютерных средств может обрабатываться как аналоговая, так и цифровая информация, по нашему мнению, под компьютерной информацией следует понимать любые данные, сведения, сообщения (аналоговый (цифровой) формат), которые обрабатываются процессором электронно-вычислительных мощностей.

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным изменение наименования ст. 164.1 УПК РФ и изложение её в следующей редакции: «Изъятие компьютерной и цифровой информации с удалённых серверов и электронных носителей информации при производстве следственных действий». Таким образом, удалось бы восполнить пробел, связанный с отсутствием норм в УПК РФ, регулирующих порядок изъятия компьютерной и цифровой информации с удалённых серверов.

Обязательное участие специалиста, закреплённое в ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, представляется логичным вынести в отдельную ч. 4 рассматриваемой статьи и изложить в следующей редакции: «При проведении следственных действий, в ходе которых осуществляется изъятие компьютерной и (или) цифровой информации с удалённых серверов или электронных носителей информации, участие специалиста обязательно». Такая редакция позволит четко обозначить обязательное участие специалиста, которое будет исключительно связано с фиксацией и изъятием компьютерной и цифровой информации, имеющей свою специфику и предопределяющей наличие у субъекта, осуществляющего её фиксацию и изъятие, специальных знаний в области ИТ-технологий, в частности информационно-компьютерной безопасности. В то же время, такая редакция ст. 164.1 УПК РФ позволит избежать обязательного привлечения специалиста к участию в следственном действии, когда изъятию подлежат сами электронные носители информации, т. е. объективная потребность в его участии отсутствует.

Что касается поисковой деятельности следователя, связанной с обнаружением криминалистически значимой информации, находящейся на страницах пользователей социальных сетей, то также представляется целесообразным привлечение специалиста из области IT-технологий для содействия в обнаружении доказательственной информации с удалённых серверов в соответствии со ст. 168 УПК РФ. Такая необходимость обусловлена тем, что посредством визуального осмотра контент-сайта, не требующего использования специальных знаний, можно обнаружить лишь небольшую часть цифровых данных, интересующих органы следствия. Однако для получения детализирующей информации о цифровых данных, содержащихся на контент-сайте (странице пользователя социальной сети), необходимо использовать компилируемые программные модули, а в ряде случаев отдельные программные продукты, позволяющие выявить исходящие с контент-сайта цифровые данные, например, выраженные в виде скрытых ссылок. Более того, для обнаружения криминалистически значимой информации зачастую представляется необходимым производить анализ исходного кода страницы сайта. Проиллюстрируем это примером.

В Следственное управление по Северо-Западному административному округу г. Москвы от гражданина N поступило сообщение о совершении преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ. В рамках осмотра предметов (документов), в соответствии со ст. 177 УПК РФ, следователем осуществлялась проверка содержания контент-сайта «XXXXXXXX» на предмет наличия (отсутствия) в нем призывов к осуществлению экстремистской деятельности, предусмотренных ст. 280 УК РФ. В ходе следственной проверки было обнаружено, что на осматриваемом контенте, помимо экстремистских материалов, также размещена информация, способствующая незаконному сбыту наркотических средств, которая выражена в виде всплывающих окон. По факту обнаружения признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 280 УК РФ, ст. 228.1 УК РФ, было возбуждено уголовное дело. Специалисту, участвующему в производстве следственного действия, удалось посредством анализа исходного кода страницы сайта определить путь к контенту сайта, из которого данная информация поступала для последующего размещения на проверяемом в ходе осмотра сайте. В дальнейшем следствию удалось доказать причастность к совершённом преступлении, предусмотренному ст. 280 УК РФ, гражданина А и причастность к совершённом преступлению, предусмотренному ст. 228.1 УК РФ, гражданина В, обладающего правами администратора сайта, который удалось обнаружить специалисту в ходе осмотра исходного кода страницы сайта.

Как видно из вышеприведённого примера, обнаружение цифровых следов преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, оказалось возможным только лишь посредством анализа исходного

кода страницы сайта, анализ которого невозможен без использования специальных знаний в области информационно-компьютерной безопасности.

Другой не менее важной проблемой собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров является отсутствие международно-правового акта общеобязательного характера по противодействию киберпреступности и (или) обеспечению кибербезопасности, который бы регулировал вопросы, связанные в том числе с собиранием криминалистически значимой информации с хостинг-провайдеров — иностранных компаний, предоставляющих услуги пользования конкретной социальной сетью или мессенджером.

Отметим, что у Российской Федерации имеется ряд заключённых договоров с иностранными государствами, в том числе регламентирующих оказание международно-правовой помощи сторонам при расследовании уголовных преступлений. При этом следует учитывать складывающуюся международную обстановку и осознавать реальную возможность получения интересующей органы следствия нашей страны информации, от иностранного государства. Международные запросы могут быть оставлены без ответа [8, с. 25], что связано с отсутствием международно-правовых норм, регулирующих порядок передачи компьютерной и (или) цифровой информации между иностранными государствами.

Так, в ходе предварительного расследования уголовного дела СО УМВД России по г. Элисте по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 272 УК РФ, было установлено, что 11 августа 2016 г. неизвестное лицо отправило сообщение от e-mail: «XXXXXX» на электронную почту Управления Федерального казначейства Республики Калмыкия, содержащее вредоносный программный код, который впоследствии проник в систему программно-аппаратного комплекса учреждения и модифицировал служебные файлы, тем самым частично парализовав деятельность всего учреждения. Согласно полученным сведениям НЦБ Интерпола МВД России, установочные данные электронного почтового ящика e._d@yahoo.com могут быть получены от правоохранительных органов США в рамках оказания международной правовой помощи при расследовании уголовных преступлений. Однако 22 ноября 2016 г. предварительное следствие по данному уголовному делу было приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) [8, с. 25—26].

Как видно из вышеприведённого примера, запрос органов, ведущих расследование преступления на территории Российской Федерации, в правоохранительные органы США остался без ответа, в связи с чем предварительное расследование было приостановлено, т. к. дальнейший сбор доказательств оказался невозможен.

Следует отметить, что ныне действующая Будапештская конвенция «О преступности в сфере компьютерной информации» (далее — Будапештс-

кая конвенция), во-первых, по своей сути, является устаревшей, т. к. закреплённые в ней положения едва ли способны отвечать реалиям следственной практики. В Конвенции рассматриваются преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем, подлог и мошенничество с использованием компьютеров, преступления, связанные с содержанием данных, в особенности преступления, связанные с детской порнографией, а также преступления, связанные с нарушением авторского и смежных прав (глава II, раздел I, части 1—4). Однако, как отмечалось нами выше, на сегодняшний день перечень составов преступлений, которые совершаются при помощи использования компьютерных средств и систем, в частности, посредством использования сети Интернет, является гораздо шире, чем перечень видов преступлений, регулируемых Будапештской конвенцией, по которым предусмотрено международное сотрудничество стран-участниц в сфере противодействия киберпреступности.

Во-вторых, отказ Российской Федерации от подписания Будапештской конвенции нам представляется вполне логичным и правомерным, т. к. прописанные в п. b ст. 32 Будапештской конвенции положения противоречат, в частности, ст. 4, ст. 23, п. 1 ст. 24 Конституции РФ, а также ФЗ «О персональных данных», т. к. указанный пункт Будапештской конвенции предусматривает возможность получения одной из стран без согласия другой страны компьютерных данных, хранящихся на серверах иностранного государства.

Исходя из вышеизложенного, получение криминалистически значимой информации с хостинг-провайдеров — иностранных компаний, предоставляющих услуги пользования социальной сетью или мессенджером (Facebook, Instagram, WhatsApp и др.), на практике вызывает сложности у правоохранительных органов, что, безусловно, препятствует расследованию преступлений, связанных с получением компьютерной и (или) цифровой информации с хостинг-провайдеров — юридических лиц, зарегистрированных на территории иностранных государств. В этой связи Российская Федерация выступала с инициативой проекта Конвенции ООН «О сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности» в 2017 г. в Вене. Проект, по своей сути, выступает альтернативой Будапештской конвенции. В нем отсутствуют нормы, которые могут затаривать путь к безопасности и суверенитет государств и охранению прав их граждан (п. b ст. 32 Будапештской конвенции). Вместе с тем ст. 57 проекта Конвенции «О сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности» предусматривает создание круглосуточного контактного центра (24/7), который предназначен для оказания экстренной помощи в целях расследования преступлений и сбора доказательств, что важно, поскольку в силу специфики цифровых данных они могут быть уничтожены в довольно короткие сроки. Однако судьба данного проекта, к сожалению, остается неизвестной, как и ранее предложенного

в 2011 г. Российской Федерацией проекта Конвенции «Об обеспечении международной информационной безопасности» [9, с. 83].

Насущная необходимость принятия универсальной Конвенции о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности не вызывает сомнений, т. к. её отсутствие в ряде случаев приводит к невозможности сбора цифровых данных, интересующих правоохранительные органы государств, и выступает для них непреодолимым барьером в расследовании преступлений. Более того, процесс реализации новой Конвенции после её принятия, очевидно, будет требовать достаточно большого количества времени, т. к. Конвенция может быть воплощена в жизнь странами-участницами только при условии, если нормы национального законодательства государств не будут препятствовать реализации Конвенции о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности.

Таким образом, отсутствие международно-правовых норм в сфере противодействия киберпреступности зачастую затрудняет сбор цифровых доказательств из социальных сетей и мессенджеров, принадлежащих иностранным юридическим лицам, а в некоторых случаях делает вообще невозможным для правоохранительных органов Российской Федерации сбор цифровых доказательств, хранящихся на серверах иностранных компаний. Вместе с тем, если у органов дознания или следствия возникает необходимость в получении доказательственной информации со страниц пользователей социальных сетей, представителями которых являются юридические лица, зарегистрированные в Российской Федерации («ВКонтакте», «Одноклассники»), то, в соответствии с п. 1 под. 4, 10 ст. 13 ФЗ «О полиции» и п. 2 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в целях предупреждения, выявления и раскрытия преступлений может быть направлен запрос с просьбой предоставить сведения о конкретном пользователе, который интересует следствие.

При этом представители юридического лица — социальной сети имеют право предоставить только те сведения, которые не затрагивают конституционные права человека и гражданина (адрес личной страницы пользователя; дата создания страницы; номер телефона и электронной почты пользователя; IP-адрес, с которых пользователь осуществлял вход на страницу; история изменений пароля, логина (имени пользователя), номера телефона; историю обращений в службу поддержки; историю блокировок страницы пользователя). Однако, если есть соответствующая санкция суда (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ), то может быть представлена вся интересующая органы дознания или следствия информация о пользователе (ст. 185 УПК РФ, ст. 186.1 УПК РФ).

Как отмечал Р. С. Белкин, «проблематика фиксации доказательственной информации — неотъемлемая часть комплекса проблем, связанного с изучением и использованием закономерностей сбора доказательств»

[10, с. 217]. В этой связи процедура фиксации и изъятия цифровых данных из социальных сетей и мессенджеров заслуживает отдельного внимания.

В цивилистических процессах имеются теоретические разработки по организационно-правовому обеспечению фиксации цифровой информации, находящейся в сети Интернет [11, 12]. Вместе с тем недостаточно определен статус скриншотов в арбитражном процессе, о чем свидетельствуют требования к их фиксации, отраженные в судебной практике. Анализ судебной практики показывает, что устоявшимся механизмом обеспечения представляемых доказательств, полученных из сети Интернет, является обращение одной из участвующих в деле сторон к нотариусу с целью проведения осмотра сайта в соответствии со ст.ст. 102—103 Основ законодательства о нотариате, и последующей фиксации цифровых данных, находящихся в сети Интернет.

Рядом авторов предпринимались попытки разрешения проблем, связанных с обеспечением достоверности зафиксированных на материальных носителях информации речевых продуктов, находящихся в цифровой среде, [7; 13, 14]. Однако важен единый унифицированный подход к фиксации и изъятию таких доказательств в уголовном процессе. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть особенности фиксации и изъятия цифровых данных из страниц пользователей социальных сетей и мессенджеров в целях обеспечения их достоверности и возможности приобщения к вещественным доказательствам.

Как отмечает А. И. Семикаленова, цифровые следы несут в себе значимую для следствия информацию, которую можно разделить на основную, выражающуюся в виде звука, изображения, текста, рисунка и дополнительную — позволяющую судить о способе и времени создания, распространения и редактирования основной информации [15, с. 117]. Исходя из этого, остановимся подробно на каждой из особенностей процедуры фиксации и изъятия цифровых данных, содержащихся на страницах пользователей в социальных сетях и мессенджерах.

При работе с цифровыми данными весьма важна оперативность действий по выявлению и фиксации криминалистически значимой информации, поскольку любой контент сайта (страница пользователя социальной сети) поддерживается при помощи электронно-вычислительных мощностей. Риск утраты криминалистически значимой информации, содержащейся на определенном контенте, заключается в том, что, во-первых, сервер, при помощи которого поддерживается контент-сайт, может быть уничтожен злоумышленниками или подвержен полному (частичному) удалению с него криминалистически значимой информации. Во-вторых, информация, содержащаяся на контенте сайта, может быть частично или полностью изменена, например, лицом, имеющим доступ к контенту на правах администратора. Таким образом, если не осуществить оперативно фиксацию и изъятие интересующих

следствия данных с удалённых серверов, то к моменту изъятия цифровых данных они могут уже быть подвергнуты удалению (изменению) и, как следствие, не содержать криминалистически значимой информации, представляющей интерес для правоохранительных органов. Иными словами, от того, насколько оперативно правоприменителем будут предприняты действия по фиксации и изъятию криминалистически значимой информации с контента сайта в сети Интернет, напрямую зависит сохранность цифровых данных и дальнейшая возможность их приобщения к материалам дела в качестве вещественных доказательств.

В равной степени это относится к фиксации и изъятию цифровых данных, находящихся на электронных устройствах (мобильных телефонах, электронных планшетах и др.), где также велик риск утраты криминалистически значимой информации. На электронных носителях информации зачастую содержится информация, имеющая значение для раскрытия и расследования, размещенная и опубликованная в закрытых группах в социальных сетях, блогах, пабликах, мессенджерах и т. д., причем к данной информации имеет доступ ограниченный круг лиц. Заметим, что для получения доступа к криминалистически значимой информации, которая, например, опубликована в закрытой группе в социальной сети, необходимо подписаться на эту группу в сети, получить одобрение администратора группы («ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook). Аналогичный порядок действий необходимо произвести и для получения доступа к информации в закрытых чатах мессенджеров (WhatsApp, Viber, Telegram).

Однако, как и в социальных сетях, так и в мессенджерах далеко не во всех случаях это возможно. Сложности возникают во многом из-за того, что, например, преступные экстремистские (террористические) группировки, представляют собой закрытую субкультуру, внедрение в которую зачастую оказывается крайне сложным для сотрудников правоохранительных органов. Поэтому может возникнуть необходимость в фиксации и изъятии цифровых данных, содержащихся на электронном носителе информации (мобильном телефоне, электронном планшете и др.), хотя это не всегда удается, поскольку цифровые следы могут содержаться только в «облачном» хранилище. Это означает, что криминалистически значимая информация не имеет резервной копии на самом электронном устройстве, следовательно, её получение возможно посредством авторизации через аккаунт пользователя электронного устройства (подозреваемого или обвиняемого).

Если цифровая информация выражена в виде письменных продуктов речевой деятельности, то по аналогии с утвердившейся практикой фиксации цифровых доказательств в цивилистических процессах целесообразно осуществлять снятие скриншотов образов экрана электронного устройства (мобильного телефона, ноутбука, электронного планшета и т. д.) [7, с. 101 — 103] либо фотофиксацию. Но необходимо учитывать, что скриншоты образов

экрана более качественно отражают информацию, содержащуюся на контенте сайта, чем фотоснимки экрана электронного устройства. Для фотоснимков неизбежен «муаровый узор» и блики, которые могут привести к частичной утрате, фиксируемой с контент-сайта криминалистически значимой информации.

Если осуществляется фиксация и изъятие аудио-, видеофайлов с контент-сайтов (страниц пользователей социальных сетей), то целесообразно проводить трассировку, т. к. в результате таких действий представляется возможным отследить путь доступа от сервера, при помощи которого осуществлялся вход в информационно-коммуникационную сеть следователем, до сервера, на котором расположен осматриваемый информационный ресурс (контент сайта). Результаты трассировки, приобщаемые к протоколу осмотра, позволяют верифицировать факт соединения сервера, используемого в ходе следственного осмотра, с контентом конкретного осматриваемого сайта, а также подтвердить отсутствие постороннего информационного влияния при осуществлении фиксации и изъятия текстовых, аудио-, видеофайлов, находящихся на странице пользователя, в частности, если подлежащие изъятию файлы расположены в облачном хранилище, интересующего следствие ID. Данная процедура позволит также удостовериться факт, что в браузере были отображены страницы подлинного сайта, с которого была скопирована информация.

Относительно недавно для пользователей большинства социальных сетей и мессенджеров появилась функция, позволяющая проводить операцию по удалению письменного, аудио-, видеосообщения у другого(-их) пользователей. При этом одни устанавливают временные ограничения для выполнения данной операции («ВКонтакте», WhatsApp, Viber), другие, напротив, не предусматривают таких ограничений (Telegram). В результате проведения соответствующих операций исходные текстовые или аудио-, видеосообщения, в которых, например, содержалась криминалистически значимая информация, не подлежат восстановлению, поэтому следует незамедлительно осуществлять фиксацию и изъятие цифровых данных. Следует также учитывать, что, если у посторонних лиц имеются данные о реквизитах пользователя (логин и пароль) подозреваемого (обвиняемого) в социальной сети (ВКонтакте, Facebook, Одноклассники), то возможно подключение этих лиц к соответствующему профилю и действия по удалению криминалистически значимой информации, находящейся в облачном хранилище.

Еще одной не менее важной проблемой при получении информации с электронных устройств является возможность удаленного подключения к электронному устройству (смартфону, планшету) посторонних лиц. Как справедливо отмечают исследователи, «при изъятии автономных устройств (ноутбуков, смартфонов), экран которых заблокирован, но сами они находятся во включённом состоянии. При наличии доступа к сети Интернет, напри-

мер, по стандартам передачи данных в сотовых сетях, возможно удаленное подключение к ним посторонних лиц и внесение изменений в хранящуюся на них компьютерную информацию» [16, с. 195].

Таким образом, оперативность в действиях дознавателя или следователя с момента обнаружения цифровых данных до момента их фиксации напрямую предопределяет сохранность криминалистически значимой информации, содержащейся на контенте сайта или на электронном устройстве подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего.

Общие криминалистические рекомендации по изъятию и фиксации доказательств содержат требования фиксировать в протоколе индивидуальные признаки, изъятых устройств и электронных носителей информации (размер, форму, номер и т. д.), позволяющие идентифицировать их и хранящуюся на них информацию; предъявляют требования к обеспечению их сохранности, механической целостности. Однако, как справедливо отмечают И. Г. Чекунов и др., «такие общие требования по отношению к компьютерной информации нельзя признать достаточными для обеспечения её сохранности и дальнейшей идентификации» [16, с. 195].

Несмотря на то, что с процессуальной точки зрения доказательством будет протокол следственного действия и электронный носитель информации, на который копируется криминалистически значимая информация, содержащаяся на оригинале (контент сайта, мобильного телефона, электронного планшета), наряду с этим необходимо верифицировать, зафиксированную на электронном носителе (CD-диске, USB-накопителе) информацию. Верифицировать цифровые данные, полученные из социальных сетей или мессенджеров, вне зависимости от типа файла (текстовый, графический, аудио-, видео) и их расширений (txt, docx, pdf, jpg, png, mp3, mp4, mkv, avi) возможно с помощью вычисления контрольной суммы файла (хеш-суммы) по определенному алгоритму (MD5, SHA-1, SHA-2). Именно с помощью хеш-суммы на любом из этапов расследования преступления становится возможным подтвердить идентичность изъятой и зафиксированной на электронном носителе информации. При этом сведения о хеш-сумме изъятого файла должны быть занесены в протокол следственного действия. Необходимость в производстве расчета контрольной суммы файла при фиксации и изъятии цифровых следов обуславливается тем, что:

— во-первых, исключается возможность внесения изменений в первоначальное содержание файла (скриншотов образов экрана, аудио-, видео-файлов); так, в случае, если, например, файл смонтирован при помощи современных программ обработки изображений (Adobe Photoshop, GIMP, Photo-Editor), то хеш-сумма файла будет отличной от той, которая зафиксирована в протоколе следственного действия, что будет свидетельствовать о внесении каких-то изменений в файл, содержащийся на электронном носителе информации;

— во-вторых, в случае, если электронный носитель, на котором содержится изъятая информация, будет поврежден, это не повлечет её утраты, если информация скопирована на другие электронные носители. Достоверность и идентичность содержащейся информации можно будет подтвердить при помощи расчета хеш-суммы файла, содержащегося на другом электронном носителе информации, посредством соотношения контрольных сумм файлов, указанных в протоколе следственного действия и полученных с электронного носителя информации.

Специфика цифровых данных, содержащихся в сети Интернет или на электронном носителе информации, обуславливает и наличие специфических знаний у субъекта, осуществляющего её фиксацию и изъятие. По этому поводу Е. И. Галяшина справедливо отмечает: «если лицу необходимо получить доступ к оригинальному цифровому доказательству, лицо должно иметь соответствующую подготовку; вся деятельность по изъятию, доступу, хранению или передаче цифровых доказательств полностью задокументирована, защищена и доступна для анализа» [17, с. 338]. Несоблюдение определенных этапов при работе с цифровыми доказательствами может привести впоследствии к признанию представленных доказательств недопустимыми.

Основываясь на вышеприведенных особенностях фиксации и изъятия цифровых следов, находящихся на страницах социальных сетей пользователей или мессенджеров, предлагаем сформулировать следующие рекомендации для дознавателей и следователей при работе с такими доказательствами для признания их надлежащими:

1. Оперативность фиксации и изъятия цифровых данных при их обнаружении.

2. Привлечение специалиста в области IT-технологий или информационно-компьютерной безопасности (ст. 168 УПК РФ) для оказания помощи в обнаружении, фиксации и изъятии цифровых данных, размещенных в сети Интернет, при производстве такого следственного действия, как осмотр предметов (документов) в соответствии со ст. 177 УПК РФ.

3. Верификация соответствия символьного адреса сайта и настоящего IP-адреса посредством осуществления трассировки сайта, что должно подтверждаться записью в протоколе,

4. Проведение расчета контрольной суммы файла(-ов) (хеш-суммы), зафиксированного на электронном носителе информации.

5. Копирование информации с оригинала (контента сайта, мобильного телефона) как минимум на два электронных носителя информации (CD-диск, USB-накопитель), в целях обеспечения сохранности криминалистически значимой информации.

6. Протокол следственного действия, приложением к которому является файл(-ы) (цифровые данные), содержащийся на электронном носителе информации (pdf, docx, mp4, mkv, avi и др.) должен обязательно включать:

— дату и время фиксации;

- данные о лице, которое производило фиксацию, его подпись;
- данные о специалисте, который был привлечен для участия в следственном действии;
- данные о соответствии символьного адреса сайта его настоящему IP-адресу, что должно подтверждаться соответствующей записью в протоколе;
- данные о хеш-сумме файла, зафиксированного на электронном носителе информации;
- данные об используемых технических средствах (программном обеспечении, компьютерной технике) [7, с. 101—103].

Таким образом, процедура фиксации и изъятия цифровых следов из социальных сетей и мессенджеров требует определенного порядка, связанного со спецификой данных объектов, несоблюдение правил работы с такими доказательствами может привести к признанию полученных цифровых данных из сети Интернет или электронных носителей информации недостоверными и, как следствие, недопустимыми доказательствами по делу.

Подводя итог вышеизложенному, можно заключить, что проблемы собирания цифровых доказательств из социальных сетей и мессенджеров, с одной стороны, связаны с отсутствием норм международного права, регулирующих вопросы взаимодействия между государствами в сфере противодействия информационной преступности, что на практике зачастую приводит органы следствия к невозможности сбора цифровых доказательств из социальных сетей и мессенджеров, представителями которых являются юридические лица, зарегистрированные в иностранных государствах (Facebook, Twitter, WhatsApp и др.). С другой стороны, частная теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности находится в стадии разработки [18], в связи с чем криминалистические технологии собирания (обнаружения, фиксации, изъятия) цифровых доказательств не получили должного теоретического обобщения и систематизации, что, как следствие, приводит на практике к отсутствию единого научно-методического подхода к собиранию цифровых доказательств из социальных сетей и мессенджеров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Россинская Е. Р.* Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации / Е. Р. Россинская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. — 2019. — № 5 (57). — С. 33—44.
2. *Россинская Е. Р.* Криминалистика. Учебник для вузов / Е. Р. Россинская. — М.: Норма-ИНФРА-М, 2016. — 464 с.
3. *Гужаева В. А., Прокофьева Е. В., Прокофьева О. Ю.* Преступность в сети Интернет: криминологические характеристики / В. А. Гужаева, Е. В. Прокофьева, О. Ю. Прокофьева // Вестник экономической безопасности. — 2019. — № 4. — С. 111—114.
4. *Семикаленова А. И., Рядовский И. А.* Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики / А. И. Семикаленова, И. А. Рядовский // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6 (103). — С. 178—185.

5. *Россинский С. Б.* Следственные действия: моногр. / С. Б. Россинский. — М.: Норма, 2018. — 240 с.
6. *Сааков Т. А.* Особенности изъятия речевых произведений, находящихся в цифровой среде // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности: мат-лы науч.-практ. конф. / Т. А. Сааков. — М., 2019. — С. 191—194.
7. *Сааков Т. А.* Судебная автороведческая экспертиза объектов из цифровой среды при установлении демографических характеристик автора / Т. А. Сааков // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2020. — № 4. — С. 96—104.
8. *Колычева А. Н., Васюков В. Ф.* Расследование преступлений с использованием компьютерной информации из сети Интернет: учеб. пособ. / под ред. А. Г. Волеводза. — М.: Проспект, 2020. — 200 с.
9. *Ватрушкин А. А.* Правовые основы обеспечения кибербезопасности критической инфраструктуры Российской Федерации / А. А. Ватрушкин // Евразийская адвокатура. — 2017. — № 6 (31). — С. 78—84.
10. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. — М.: Юрид. лит., 1987. — 272 с.
11. *Танимов О. В., Кудашкин Я. В.* О правовой природе и возможности правового регулирования отношений в сети Интернет / О. В. Танимов, Я. В. Кудашкин // Информационное право. — 2012. — № 2. — С. 17—21.
12. *Бабкин С. А.* Право, применимое к отношениям, возникающим при использовании сети Интернет: основные проблемы / С. А. Бабкин. — М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. — 68 с.
13. *Никишин В. Д.* Особенности назначения судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности и оценки её результатов / В. Д. Никишин // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 4. — С. 95—101.
14. *Никишин В. Д.* Цифровые и речевые следы в аспекте обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-среде / В. Д. Никишин // Судебная экспертиза. — 2020. — № 1 (61). — С. 131—139.
15. *Семикаленова А. И.* Цифровые следы: назначение и производство экспертиз / А. И. Семикаленова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2019. — № 5. — С. 115—120.
16. *Чекуно И. Г., Рядовский И. А., Пузарин А. В., Русскевич Е. А.* Методические рекомендации по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации: учеб. пособ. / И. Г. Чекуно, И. А. Рядовский, А. В. Пузарин, Е. А. Русскевич. — 2-е изд. — М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019. — 226 с.
17. *Галяшина Е. И.* Проблемы криминалистической диагностики фальсификации фонограмм, получаемых при проведении оперативно-розыскных мероприятий / Е. И. Галяшина. — Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука. — СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2016. — С. 334—357.
18. *Россинская Е. Р.* Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности / Е. Р. Россинская // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 2 (99). — С. 193—202.

УДК 343.98.06

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10061

Смирнова Ирина Георгиевна,

заведующая кафедрой уголовного права,

криминологии и уголовного процесса

Байкальского государственного университета,

профессор кафедры уголовно-процессуального права

и криминалистики Восточно-Сибирского филиала

Российского государственного университета правосудия,

доктор юридических наук, доцент;

Фойгель Елена Игоревна,

заместитель директора Института государства и права

по учебной работе Байкальского государственного университета,

кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам криминалистического исследования человека. Современная наука имеет четкую тенденцию на антропологизацию, изучая человека с позиции различных систем и подходов. Учитывая ключевую роль личностной информации в процессе доказывания по делам о различных категориях преступлений, в криминалистической науке неоднократно поднимался вопрос о необходимости формирования частной криминалистической теории, изучающей человека, личность, индивида. Большая часть научных разработок посвящена криминалистической характеристике личности преступника и потерпевшего как источника уголовно-релевантной информации, однако встречаются предложения по изучению личностных качеств иных участников уголовного судопроизводства (судьи, эксперта, специалиста, переводчика). Однако все упомянутые исследования основываются на изучении биологических, социальных и психологических характеристик, а реалии современной жизни и повсеместное внедрение компьютерно-технических и информационно-аналитических технологий диктуют необходимость в изучении информационной подструктуры деятельности человека, что существенно меняет устоявшуюся парадигму криминалистической гомологии.

Ключевые слова: криминалистическое исследование личности, человек как объект криминалистического исследования, криминалистическая гомология, личностные свойства, личностная информация, криминалистически значимая информация.

Smirnova Irina Georgievna,

Head Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure,

Institute of State and Law, Baikal State University,

Deputy Director for Research Institute of State and Law the Russian Federation

Doctor of Law, Professor;

Foygel Elena Igorevna,
Deputy Director for Studies Institute of State and Law
Baikal State University
Candidate of Law, Associate Professor

FORENSIC HUMAN RESEARCH: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. The article is devoted to topical issues of human forensic research. Modern science has a clear tendency to anthropologize, studying people from the perspective of various systems and approaches. Taking into account the key role of personal information in the process of proving cases of various categories of crimes, the question of the need to form a private forensic theory that studies a person, personality, or individual has been repeatedly raised in forensic science. Most of the research is devoted to the criminalistic characterization of the criminal and victim as a source of criminally relevant information, but there are suggestions for studying the personal qualities of other participants in criminal proceedings (judges, experts, specialists, translators). However, all these studies are based on the study of biological, social and psychological characteristics, and the realities of modern life and the widespread introduction of computer-technical and information-analytical technologies dictate the need to study the information substructure of human activity, which significantly changes the established paradigm of forensic homology.

Keywords: forensic personality research, a person as an object of forensic research, forensic homology, personal properties, personal information, criminally significant information.

Становление и развитие личности вне социума невозможно. Вместе с тем социальный характер происходящих в обществе процессов в полной мере распространяется не только на позитивные, общественно полезные аспекты деятельности личности, но и на те, что имеют негативные тенденции. В полной мере это характерно и для деятельности, которая носит преступный характер. В последние годы исследователи справедливо указывают на то, что официальные данные, характеризующие тенденцию развития преступности, следует рассматривать через призму её латентного характера. Мониторинг латентной преступности позволяет констатировать: фактическая преступность более чем в восемь раз превышает уровень зарегистрированной преступности [1, с. 6].

Одной из наиболее ярких тенденций развития правовых исследований является обращение внимания ученых на их аксиологические аспекты. Это объясняется новейшими открытиями во многих отраслях знаний, меняющимися мировоззренческими представлениями, а также, что еще более важно, затрагивающими глубинные, экзистенциальные характеристики самой личности.

Конституция РФ (ст. 2) в качестве высшей ценности в государстве закрепляет права и свободы личности. Следовательно, именно вокруг личности необходимо выстраивать концепцию современных научно-правовых исследований. Такой подход позволит учесть аксиологические ценности и доминанты как нормативного, так и сущностного характера.

Предложения о выделении частной криминалистической теории, изучающей человека в криминалистике, возникали еще в 70-е годы XX столетия. В основном в качестве объекта исследования рассматривалась личность обвиняемого, подозреваемого. Изучению этого вопроса посвящены труды таких известных ученых-криминалистов, как: М. Г. Коршик, С. С. Степичев [2], Г. А. Самойлов [3], П. П. Цветков [4], Ф. В. Глазырин [5], И. М. Матусевич [6] и др.

В свою очередь, Р. С. Белкин критически подошел к предложению о формировании частной криминалистической теории о личности преступника, поскольку «большая часть положений, которые предлагается включить в его содержание, относится не к криминалистике, а к криминологии, судебной психологии, уголовному праву и другим наукам; соматические и психофизиологические свойства личности, представляющие интерес для криминалистики и неизучаемые в нужном для нее аспекте другими науками, давно являются объектом исследования существующих частных криминалистических теорий [7, с. 15].

Однако интерес к данной проблеме не был упразднен, что в последующем привело к появлению научных разработок, посвященных изучению личности отдельных участников уголовного судопроизводства — преступника и потерпевшего (жертвы преступления) [8; 9; 10].

Не остались без внимания и фундаментальные вопросы криминалистической характеристики личности преступника, которые были рассмотрены в диссертациях на соискание ученой степени доктора юридических наук Р. Л. Ахмедшина «Криминалистическая характеристика личности преступника (Томск, 2006) [11] и Н. И. Малыхиной «Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление» (Саратов, 2017) [12].

Таким образом, вопросы криминалистического изучения преступника и жертвы преступления в криминалистической науке рассмотрены достаточно пристально, чего нельзя сказать об изучении личности иных участников уголовного судопроизводства — эксперта, специалиста, переводчика и др., что, очевидно, объясняется разовостью, периодичностью их участия в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства. Однако нельзя не признать, что вышеуказанные участники уголовного судопроизводства являются источником доказательственной информации, и следовательно, как субъект поисково-познавательной деятельности, получает опосредованную информацию. При этом звеном, посредством которого происходит получение криминалистически значимой информации в процессе произ-

водства отдельных следственных действий и тактических комбинаций, являются именно специалист, эксперт, переводчик. Это положение затрагивается в работе В. И. Комиссарова и Я. В. Комиссаровой [13, с. 1201—1206]. Однако крайне актуальная постановка вопроса в данной статье не детерминировала в последующем проведения полноценного комплексного исследования, посвященного этому вопросу.

Следует признать, что изучение человека в криминалистической науке с опорой исключительно на его процессуальный статус является уже неэффективным, поскольку методы, цели, задачи и возможности криминалистического изучения личности разных участников уголовного судопроизводства не имеют существенных различий. Преследуя основную цель — получение криминалистически значимой информации о механизме преступления и закономерностях формирования механизма преступления, — изучение человека в криминалистике, конечно, решает ряд специфических промежуточных задач, но это принципиально не влияет на методы и последовательность исследования.

Большинство криминалистических работ посвящено изучению личности. Так, Г. И. Поврезнюком высказана точка зрения о необходимости выделения криминалистического учения о личностной информации [14, с. 41]. В свою очередь, В. А. Образцов предложил выделять в структуре поисково-познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве как объекте криминалистического обеспечения отдельного подраздела — криминалистической гомологии, изучающей людей в качестве структурных элементов системы реализации и отражения познаваемых в уголовном судопроизводстве событий [15, с. 124]. Кроме того, авторами учебника по криминалистике под редакцией проф. Н. П. Яблокова было сформулировано определение криминалистического изучения личности [16, с. 171—172].

Между тем, представляется, что понятия «человек», «личность», «индивид», «лицо», «субъект» в криминалистике имеют некоторые различия, которые имеют принципиальное значение. Отчасти они рассмотрены в работе В. Я. Комиссаровой и Е. И. Холоповой [17, с. 268]. Однако в силу ограниченности объема научной статьи эти вопросы не нашли подробного освещения в указанной работе.

Попытка рассмотреть человека как объекта криминалистического исследования с различных сторон предпринята также в работе В. А. Жбанкова [18]; отдельные стороны человеческой деятельности — навыки и привычки и их криминалистическое значение были рассмотрены в работе В. И. Чулахова [19].

Таким образом, на сегодняшний момент состояние разработки проблемы изучения личности характеризуется следующими фактами:

1. Большинство работ, посвященных исследованию человека в криминалистике, написаны в прошлом столетии (начале нынешнего) и не могут отражать современные возможности науки, техники и ремесла.

2. Основная часть работ посвящена отдельным сторонам исследования человека — навыкам, привычкам, следам-отображениям, признакам внешнего облика и т. д. и не используют комплексный подход в получении криминалистически значимой информации.

3. Фундаментальные исследования, посвященные криминалистическому исследованию человека, имеют отчетливую зависимость от процессуального статуса, и неприменимы к иным участникам уголовного судопроизводства.

4. Существующие работы основываются на социально-научных исследованиях, не уделяя достаточного внимания естественнонаучным подходам и возможностям.

Аналогичными особенностями характеризуется также степень исследованности компьютерно-технических и информационно-аналитических технологий получения криминалистически значимой информации о человеке и человеческой деятельности.

Получение о человеке информации, значимой для выявления и раскрытия преступлений, является частью задачи криминалистического обеспечения следствия и применения специальных знаний. Данной теме посвящено множество трудов современных ученых. При этом в научных трудах освещаются в основном процессуальные стороны применения специальных знаний. Достаточно подробно разработаны узкие темы технико-криминалистического обеспечения расследования конкретных видов преступлений [20; 21; 22].

Интенсивное развитие компьютерной техники и её внедрение во все сферы жизнедеятельности человека стало толчком для научной разработки использования специальных знаний в области компьютерной техники. Данной теме посвящены монографии В. Б. Вехова [23], В. А. Мещерякова [24], а также работы других ученых.

Исследования применения специальных знаний в области компьютерной техники легли в основу диссертаций В. Ю. Агибалова [25], А. А. Шавича [26] и др.

В свою очередь, вопросы криминалистического исследования коммуникационной составляющей информационной среды человека освещены в научных статьях И. А. Грошева [27], Р. А. Дерюгина [28], Ю. Н. Соколова [29].

В настоящее время эволюция современных компьютерных устройств и устройств связи привела к фактическому их слиянию, что, безусловно, требует соответствующего развития криминалистической техники. Однако если до настоящего момента компьютерно-техническая и коммуникационная сос-

тавляющие криминалистической техники развивались отдельно, то современный уровень состояния информационно-коммуникационной среды человека обозначает тенденцию трансформирования этих составляющих и выделения отдельного информационно-аналитического направления специальных знаний. Именно сейчас необходимо полисистемное исследование имплементации естественно-научных знаний (биологии и информационных технологий) в сферу борьбы с преступностью с учетом современных скриптов уголовно-процессуальной политики.

Прогресс человечества (как суммарный вклад всех наук и технологий) за последние три-четыре сотни лет был экспоненциальным. Появилось множество новых областей, таких как космонавтика и микроэлектроника, генная инженерия и информатика.

Но в настоящее время каждая конкретная отрасль развивается неравномерно и не имеет экспоненциального характера. В некоторых отраслях может наблюдаться замедление развития и даже стагнация. Аналогичные процессы протекают сейчас и в сфере юриспруденции, а именно — в сфере борьбы с преступностью.

Развитие науки и технологий закономерно обуславливает не менее стремительное развитие способов совершения преступлений. Вместе с тем несовершенство законодательства, действие эффекта «спящего права», когда правовые нормы не столько нарушаются, сколько просто не исполняются, инертность правоприменительной практики не способствуют тому, чтобы криминалистическое обеспечение выявления и расследования преступлений соответствовало уровню современных знаний в области естественных наук.

Представляется логичным, что развитие наук носит скачкообразный характер — появляется новая революционная теория, пересматривается мировоззрение, и наука выходит на новый уровень, на котором она развивается медленно до следующего революционного скачка. Происходит смена парадигм и последующий экспоненциальный рост, что неизбежно приведет к очередной точке бифуркации.

Именно сейчас развитие криминалистической науки входит в зону необходимости парадигмальной перестройки с учетом современных знаний в области биологии и информационных технологий.

В свое время ученые прогнозировали, что к 2018 г. компьютерные системы преодолеют барьер в 1 000 000 000 000 000 000 (1 квинтиллион) вычислений в секунду; будет разработана технология передачи данных со скоростью более чем 100 Гбит/с.; в основе будет лежать технология передачи «Света»; травмы спинного мозга больше не будут проблемой¹.

¹ Подробнее: прогноз развития технологий на 30 лет вперед // Экокалинон: сайт [Электронный ресурс]. — URL: <http://ecosalinon.com/informaciya/mir/prognoz-razvitiya-technologij-na-30-let-vpered.html> (дата обращения: 13.08.2020).

Иными словами, наиболее яркие достижения связываются именно с этими двумя составляющими: биологией человека и высокими технологиями. Вместе с тем серьезную озабоченность вызывает уровень латентной преступности. Кроме того, по-прежнему ожидания общества в части уголовного судопроизводства связаны с обеспечением безопасности жизненно важных интересов личности, общества и государства, состояния защищенности этих интересов. Борьба с преступностью сама по себе не может гарантировать такого состояния, если не будет применяться должный инструментарий, в том числе и предлагаемый иными науками. Развитие данного направления правовых исследований позволит внести вклад в решение проблемы выработки эффективного ответа российского общества на вызовы современной (в том числе, организованной, транснациональной) преступности с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий на современном этапе глобального развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С. М. Иншакова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. — 839 с.
2. Коршик М. Г., Степичев С. С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии / М. Г. Коршик, С. С. Степичев. — М.: Юрид.лит, 1969. — 78 с.
3. Самойлов Г. А. Основы криминалистического учения о навыках / под ред. Р. С. Белкина / Г. А. Самойлов. — М.: НИиРИО ВШ МВД СССР, 1968. — 119 с.
4. Цветков П. П. Исследование личности обвиняемого / П. П. Цветков. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. — 149 с.
5. Глазырин Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий / Ф. В. Глазырин. — Свердловск: М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Свердл. юрид. ин-т, 1973. — 156 с.
6. Матусевич И. М. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений / И. М. Матусевич. — Минск: Изд-во БГУ, 1975. — 128 с.
7. Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 2 / Р. С. Белкин. — М.: Юрист, 1997. — 464 с.
8. Джуманбетова А. А. Использование специальных знаний при установлении связи «преступник — жертва»: дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Джуманбетова. — М., 2004. — 193 с.
9. Неволina Н. Е. Криминалистическое значение информации о личности жертвы убийства: дис. ... канд. юрид. наук / Н. Е. Неволina. — Екатеринбург, 2003. — 160 с.
10. Шинкевич Н. Е. Актуальные проблемы криминалистической виктимологии: дис. ... канд. юрид. наук / Н. Е. Шинкевич. — Смоленск, 2004. — 237 с.
11. Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. ... д-ра юрид. наук / Р. Л. Ахмедшин. — Томск, 2006. — 413 с.
12. Малыхина Н. И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление: дис. ... д-ра юрид. наук / Н. И. Малыхина. — Саратов, 2017. — 403 с.
13. Комиссаров В. И., Комиссарова Я. В. Криминалистическое изучение личности носителя специальных знаний / В. И. Комиссаров, А. В. Комиссарова // LexRussica. — 2014. — Т. ХСVI. — № 10. — С. 1201—1206.

14. Поврезнюк Г. И. Теория и практика криминалистического установления личности: дис. ... д-ра юрид. наук / Г. И. Поврезнюк. — М., 2005. — 433 с.
15. Криминалистика / Под ред. В. А. Образцова. — М.: Юристъ, 1997. — 760 с.
16. Криминалистика: учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. — М.: Юристъ, 2005. — 781 с.
17. Комиссарова В. Я, Холопова Е. И. Перспективы развития криминалистической теории изучения личности / В. Я. Комиссарова, Е. И. Холопова // Библиотека криминалиста. — 2015. — № 2. — С. 261—268.
18. Жбанков В. А. Человек как носитель криминалистически значимой информации / В. А. Жбанков. — М.: АПО, 1993. — 36 с.
19. Чулахов В. И. Криминалистическое учение о навыках и привычках человека: дис. ... д-ра юрид. наук. / В. И. Чулахов. — М., 2004. — 371 с.
20. Бульбачева А. А. Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия: дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Бульбачева. — М., 2017. — 230 с.
21. Давыдов Е. В. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования актов терроризма, совершённых с применением взрывных устройств: дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Давыдов. — Волгоград, 2004. — 216 с.
22. Жидков Д. Н. Исследование специальных знаний в раскрытии, расследовании и профилактике преступлений, связанных с незаконным завладением транспортным средством: дис. ... канд. юрид. наук / Д. Н. Жидков. — СПб., 2017. — 176 с.
23. Вехов В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств её обработки: моногр. / В. Б. Вехов. — Волгоград: ВА МВД России, 2008. — 404 с.
24. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования / В. А. Мещеряков. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. — 407 с.
25. Агибалов В. Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе. дис. ... канд. юрид. наук / В. Ю. Агибалов. — Воронеж, 2010. — 198 с.
26. Шаевич А. А. Особенности использования специальных знаний в сфере компьютерных технологий при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Шаевич. — Иркутск, 2010. — 195 с.
27. Грошев И. А. Ещё раз к проблемам получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами / И. А. Грошев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 6—2. — С. 138—142.
28. Дерюгин Р. А. О некоторых вопросах тактики получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами / Р. А. Дерюгин // Полицейская деятельность. — 2016. — № 4. — С. 393—397.
29. Соколов Ю. Н. Использование информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в ходе предварительного расследования преступлений / Ю. Н. Соколов // Российский следователь. — 2011. — № 11. — С. 18—21.

УДК 343.985.7

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10062

Смолькова Ираида Вячеславовна,
профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовного процесса
Байкальского государственного университета,
профессор кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации

ЭКСТРАСЕНСЫ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Настоящая статья посвящена одной из остродискуссионных проблем криминалистики и уголовного судопроизводства — проблеме использования способностей экстрасенсов для раскрытия и расследования преступлений. Автор статьи придерживается позиции, что нет никаких серьезных и достоверных данных, подтверждающих сверхъестественные способности у лиц, называющих себя экстрасенсами, позволяющие им раскрывать преступления.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, экстрасенс, экстрасенсорные способности, раскрытие и расследование преступлений

Smolkova Iraida Vyacheslavovna,
Professor of the Department
of Criminal Law,
Criminology and Criminal Proceedings
Baikal National University,
Professor of the Department of Criminalistics
of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russia,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

PSYCHICS AND CRIME INVESTIGATION

Abstract. This article is devoted to one of the hotly debated problems of criminology and criminal justice — the problem of using the abilities of psychics to solve and investigate crimes. The author of the article takes the position that there is no serious and reliable data confirming the supernatural abilities of individuals who call themselves psychics, allowing them to solve crimes.

Keywords: criminal proceedings, psychic, psychic abilities, detection and investigation of crimes.

*Парапсихологические изыскания находятся
вне науки, находятся целиком в области магии,
фокуса либо патологического бреда
душевнобольных людей.*

*Вся тысячелетняя история телепатических
и прочих подобных изысканий, от начала и до конца — однообразная история обманов
и самообманов, бреда и галлюцинаций, басен и выдумок, нацеленных на разжигание
мистических и религиозных суеверий.*

В. Е. Львов

Сверхъестественные способности человека «видеть» явления и события прошлого, настоящего и будущего, недоступные для органов чувств других людей и не воспринимаемые ими, в прошлые времена называли ясновидением. В настоящее время сторонники ясновидения предпочитают называть его «по-научному»: — экстрасенсорным (т. е. сверхчувственным) восприятием, а ясновидцев — экстрасенсами, медиумами, телепатами, спиритами, парагностами, парапсихологами, сенситивами и даже «операторами бионергетики человека». Все они с помощью своих уникальных способностей обещают раскрыть любое преступление и оказать содействие правоохранительным органам.

Нездоровый интерес в обществе к данной проблеме всячески подогревают средства массовой информации, особенно телевидение, настойчиво внедряя в сознание обывателя невероятную исключительность людей, наделенных экстраординарными способностями (например, в телевизионных программах «Битва экстрасенсов», «Экстрасенсы и детективы» и пр.), формируя негативное отношение к работе правоохранительных органов, якобы неспособных раскрывать преступления, и придавая преувеличенное значение способностям экстрасенсам.

В советское время отношение к парапсихологии было резко отрицательным, она рассматривалась однозначно как лженаука. Исследования Л. Л. Васильева и Б. В. Кажинского, пытавшихся с научных позиций обосновать явления телепатии, ясновидения и других необычных качеств человеческой психики [3; 9], характеризовались как «антинаучные» и «идеологически вредные» [19, с. 35; 13, с. 3].

Тема использования сверхъестественных (экстрасенсорных) способностей человека в сфере раскрытия и расследования преступлений далеко не нова в литературе по криминалистике, но в уголовно-процессуальной науке она стала обсуждаться сравнительно недавно.

Для изучения результативности использования экстрасенсорных возможностей человека в оперативно-розыскной деятельности Главным управлением уголовного розыска МВД России в 1993 г. во все подчиненные подразделения субъектов РФ был направлен специальный запрос о возможности привлечения лиц, обладающих такими способностями, к эпизодическому или систематическому сотрудничеству с органами внутренних дел. Из некоторых

регионов поступили ответы, что сотрудники милиции обращались к экстрасенсам для получения сведений оперативного характера. По словам А. И. Скрыпникова, руководителя отдела по изучению нетрадиционных приемов раскрытия преступлений, созданного в 1992 г. во ВНИИ МВД России, и инициатора этого запроса, большинство руководителей оперативных аппаратов предпочли отписаться, что никогда о таком не слышали, хотя, по его мнению, давно и успешно пользовались услугами «экстрасенсов», поскольку «сказался давний страх, когда за „нетрадиционные методы“ можно было поплатиться должностью и погонами» [12, с. 156].

В юридической литературе вопрос о привлечении экстрасенсов к расследованию преступлений носит остродискуссионный характер. Большинство ученых сходится во мнении, что информация, получаемая от экстрасенсов, не может использоваться при раскрытии и расследовании преступлений. Немецкий криминалист Г. Шнейкерт еще в начале прошлого века так писал о различных предсказателях и ясновидцах: «пронырливые люди, желающие создать себе профессию из раскрытия преступлений, не имея в своем распоряжении ни одного из превосходных методов современной криминалистики, умеют лишь искусно использовать затруднительный момент для криминалиста. Все эти проделки гадалок и ясновидцев дискредитируют авторитет уголовного правосудия и повышают скрытую преступность вследствие постоянных мошенничеств и обманов» [24, с. 54].

Резко против всякого рода экстрасенсов, телепатов, ясновидцев и прочих предсказателей выступил А. М. Ларин, отметив, что основу так называемого экстрасенсорного восприятия составляют трюки, обман и самообман, справедливо полагая, что «подмена законных, научно обоснованных приемов оперативно-розыскной, следственной, экспертной работы мистификацией, знахарством, шарлатанством» усиливает тенденцию падения профессионального и нравственного уровня сотрудников правоохранительных органов, призывая последних овладевать испытанными приемами ОРД, не возлагая никаких надежд на сомнительных личностей» [12, с. 177, 178].

А. Л. Протопопов верно отмечает, что обращение следователей к ясновидцам еще ни разу не привело к раскрытию преступлений [17, с. 8]. Н. Н. Китаев на основании анализа проведенного им опроса практических работников правоохранительных органов пришел к аналогичному выводу [11, с. 42].

Другая же группа авторов, наоборот, считают, что для раскрытия и расследования преступлений необходимо привлекать людей с «экстраординарными» способностями [1, с. 131; 6, с. 4; , 10, с. 130]. Так, например, М. Н. Малеина полагает, что информация, полученная органами дознания или следствия от субъекта «биоэнергетического воздействия» (речь идет о ясновидении, гипнозе, телепатии, телекинезе, биолокации), в связи с отсутствием единого научного объяснения его природы и механизма воздействия не может использоваться в качестве доказательства, но может использоваться в качестве предположения и представляет собой материал для выдвижения версий при

расследовании преступлений. Более того, автор относит таких лиц к источникам повышенной опасности со всеми вытекающими из этого гражданско-правовыми последствиями в случаях причинения ими вреда другим людям при использовании своих способностей [14, с. 127].

С позиции А. И. Скрыпникова, использованию способностей «ясновидящих» мешают сложившиеся стереотипы мышления [21, с. 47].

А. М. Ильина также полагает, что наиболее приоритетное значение приобретают сведения, полученные от лиц, обладающих парапсихологическими способностями, в расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, когда малейшая информация способна пролить свет на ход расследования, при этом, по её мнению, наиболее результативными из всех методов экстрасенсорного восприятия являются ясновидение и биолокация [8, с. 208].

С точки зрения С. Побережного, уже существует криминалистическая экстрасенсорика, которая представляет собой нетрадиционный экстрасенсивный метод (технология) диагностики, позволяющий использовать экстраординарные, психофизиологические («экстрасенсивные») способности человека при раскрытии преступлений (для розыска преступников, поиска пропавшего объекта, раскрытия причин преступления, экспресс-диагностики криминалистической (конфликтной) ситуации и т. п. в условиях конфликтного противодействия расследованию [16, с. 35].

Совершенно справедливо ему возражает С. Гроф, отмечая, что «криминалистическая экстрасенсорика» не является отраслью науки, а представляет собой «реанимацию древних верований, которые в том или ином виде дошли до нашего времени из эпохи каменного века» [5, с. 15].

А. И. Скрыпников и Л. П. Гримак в развитие идеи использовать экстраординарные способности некоторых людей в раскрытии и расследовании преступлений предложили использовать разработанную в 70—80 гг. XX в. американскими учеными физиком-теоретиком Д. Бомом и нейропсихологом К. Прибрамом «концепцию универсальной космической голограммы, или головерсума, исходя из которой Вселенная представляет собой бесконечное энергоинформационное поле». С последним они связывают существование «всемирного информационного банка («мирового поля сознания») — вместилища всех сведений о свершившихся событиях в прошлом, о происходящих в настоящем и вероятные варианты будущих событий. «Подключиться» к этому банку может только человек, чья нервная система временно оказалась в особо чувствительном состоянии и тогда определенные знания приходят в виде «озарений», «откровений», но подобное «подключение» может осуществляться и целенаправленно, поскольку мозг человека, представляя собой голографическое образование, включенное в голографическую систему мира, потенциально располагает информацией о любых структурах Вселенной.

По мнению А. И. Скрыпникова и Л. П. Гримака, необходимо использовать «психоголографическую экспертизу», в которой «считывание необходимой информации с голографического информационного поля происходит,

вероятно, посредством интуитивного канала мышления ... отдельными феноменами» [22, с. 77]. По существу, речь идет о возведении ясновидцев в ранг экспертов. Однако любому юристу известно, что экспертиза назначается в случаях, когда необходимы специальные познания в науке, технике искусстве или ремесле. Ясновидение же — не наука, не техника, не искусство и не ремесло.

С точки зрения Н. И. Журавленко и Д. А. Курбанова, возможности экстрасенсов в настоящее время уже используются в оперативно-розыскной и следственной деятельности для решения следующих задач:

— выяснения жив или мертв разыскиваемый человек в данный период времени;

— определения местонахождения некоторых искомых объектов: трупов, живых людей, подпольных жилищ, скрытых ценностей;

— установления внешнего вида разыскиваемого неизвестного человека, его пола, возраста, рода занятий;

— выявления круга межличностных контактов и образа действий известного человека;

— словесного описания жилища и транспорта, принадлежащих определенному лицу, или использовавшихся им в определенных ситуациях.

— прогнозирования времени и характера очередных преступных действий, которые совершаются одним лицом в виде серийных.

Они полагают, что перечисленные задачи могут решаться путем сотрудничества с природно-одаренными экстрасенсами или же посредством поиска лиц с задатками неординарных способностей среди сотрудников органов внутренних дел (!) [7, с. 169].

П. Г. Марфицин и О. О. Климова предлагают рассматривать результаты экстрасенсорной работы не только как ориентирующую информацию, но и как повод для возбуждения уголовного дела. Кроме того, они полагают, что экстрасенс может быть допрошен в качестве свидетеля, который при допросе «может сослаться на свои способности как на источник сведений» [15, с. 8].

И. А. Смирнов считает, что экстрасенсы могут участвовать в проведении оперативно-розыскных мер (далее — ОРМ) в качестве специалистов, по его мнению, это не запрещено Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», поскольку в нем не оговаривается, какие конкретно специальные знания можно применять при их проведении. На этом основании автор делает вывод, что информация, полученная с использованием возможностей лиц, обладающих экстрасенсорными способностями либо навыками гипноза, является ориентирующей, но может приобрести и доказательственное значение (!), поскольку результаты оперативно-розыскной деятельности, согласно УПК РФ, могут использоваться в процессе доказывания. По его мнению, экстрасенс может быть привлечен к участию и в процессуальных действиях в качестве специалиста, как лицо, обладающее специальными познаниями, т. к. он может содейство-

вать в обнаружении предметов и документов (при осмотре места совершения преступления). И, более того, И. А. Смирнов полагает, что сведения, полученные с помощью экстрасенса, могут быть косвенными доказательствами.

Далее автор отмечает, что при получении информации от экстрасенса, в достоверности которой он не сомневается, он вправе представить её следователю для принятия решения о производстве следственных действий и уже следователь должен оценить, следует ли доверять полученной информации. Поскольку оперативный сотрудник имеет право не разглашать свой источник информации, «следователю приходится доверять сообщениям сотрудника, не спрашивая, каким путем получена информация. На этом основании сведения, полученные от экстрасенса, и сведения, полученные от иного лица, практически уравниены в шансах и ничем не отличаются друг от друга».

По мнению И. А. Смирнова, информация, полученная от экстрасенсов, может фигурировать в качестве заявлений граждан при непосредственном обращении экстрасенса в правоохранительные органы либо если информация содержится в заметках, статьях, письмах, опубликованных в печати; а также если экстрасенс предоставляет информацию оперативному сотруднику, следователю, прокурору или суду, то при соответствующем оформлении она может выступать как повод возбуждения уголовного дела в виде сообщения должностного лица (?!) [23, с. 92—95]. Получается, что экстрасенс сообщает информацию оперативному сотруднику, тот — следователю, последний оформляет её как сообщение, исходящее от должностного лица, а затем возбуждает уголовное дело (?!). Со всем этим невозможно согласиться.

С точки зрения И. В. Головачева, информация, исходящая от экстрасенсов, «может приобрести доказательственное значение лишь при оформлении источников её получения в установленном процессуальном порядке» [4, с. 109]. Возникает вопрос, каким образом процессуально оформить такой источник информации, как экстрасенс? Практически это означает, что экстрасенса надо всего лишь допросить, допрос оформить протоколом и доказательство готово (?!).

В. Богданов и П. Клемешев полагают, что предположения экстрасенсов можно использовать при проведении отдельных следственных действий, в частности, при подготовке к допросу обвиняемого, «преднамеренно искажающего истину для установления контакта с ним, и для преодоления его негативной позиции и конфликтного настроения, и для проверки соответствия сведений, содержащихся в его показаниях, другим доказательствам» [2, с. 30].

В. А. Семенцов и М. А. Альхоав исходят из того, что сведения, полученные от экстрасенса, могут послужить основой для выдвижения и отработки версий по уголовному делу, а также быть проверены процессуальным путем и найти свое подтверждение либо нет (например, если экстрасенс указывает, что в каком-либо месте находится труп, проверить это несложно: следственно-оперативная группа выезжает по этому сообщению, находит труп, и данному факту дается правовая оценка) [20, с. 114].

Резкой критике приведенные рассуждения в свое время подвергли А. Ратинов и В. Волков, отметив, что рекламирование помощи экстрасенсов, их криминалистического «сверхъестественного дара» открывает большой простор предрассудкам, мистификации, шарлатанству, наносит серьезный вред престижу правоохранительных органов, а использование помощи сомнительных консультантов и помощников-предсказателей скорее всего указывает на профессиональную несостоятельность тех, кто ведет следствие [18, с. 31].

Действительно, следует отметить, что в настоящее время существуют различные феномены, которые невозможно объяснить, основываясь на современных знаниях о психических способностях человека, также нельзя отрицать того факта, что люди, обладающие уникальными способностями, существуют, но их единицы. Зато более чем достаточно известно фактов мошенничества и мистификации со стороны разного рода «экстрасенсов».

Примером может служить уголовное дело некоего Г. Грабового, много лет рекламировавшего себя в качестве «главного» экстрасенса России и обещавшего воскресить детей, погибших во время теракта в Беслане, в настоящее время осужденного за квалифицированное мошенничество к 11 годам лишения свободы.

Помощь со стороны экстрасенсов при расследовании преступлений (особенно тяжких и особо тяжких) может быть принята, но информация, полученная от них, носит только ориентирующий, вероятностный характер и, конечно же, доказательством не является и являться не может.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ардашев Р. Г., Туркова В. Н. Проблемные вопросы нетрадиционных методов в криминалистике / Р. Г. Ардашев, В. Н. Туркова // Закон и право. — 2018. — № 6. — С. 130—131.
2. Богданов В., Клемешев П. Следствию помог экстрасенс / В. Богданов, П. Клемешев // Социалистическая законность. — 1991. — № 8. — С. 29—30.
3. Васильев Л. Л. Таинственные явления человеческой психики / Л. Л. Васильев. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1963. — 187 с.
4. Головачёв И. В. Использование способностей экстрасенсов в раскрытии преступлений / И. В. Головачёв // Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений: тезисы науч.-практ. семинара ВНИИ МВД России (Москва, 25—26 мая 1994 г.). — М., 1994. — С. 109—110.
5. Гроф С. Психология будущего. Уроки современного исследования сознания / С. Гроф. — М.: Изд-во АСТ, 2001. — 245 с.
6. Дубинин Л. Г., Андриенко П. А. Использование парапсихологии в криминалистике (паракриминалистика) / Л. Г. Дубинин, П. А. Андриенко // Российский следователь. — 2012. — № 20. — С. 4—5.
7. Журавленко Н. И., Курбанов Д. А. Экстрасенсорные и психологические методы получения оперативной информации / Н. И. Журавленко, Д. А. Курбанов // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: межвуз. сб. науч. тр. — Вып. 2. — Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2000. — С. 166—176.
8. Ильина А. М. О допустимости использования нетрадиционных специальных познаний в уголовном процессе / А. М. Ильина // Правовая защита частных и публичных ин-

тересов: мат-лы междунар. межвуз. науч.-практ. конф. — В 2 ч. Ч. 1. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. — С. 206—208.

9. *Кажинский Б. В.* Биологическая радиосвязь / Б. В. Кажинский. — Киев: Вища школа, 1963. — 97 с.

10. *Карпенко О. А.* Использование нетрадиционных специальных знаний в разоблачении заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших / О. А. Карпенко // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2018. — № 1 (84). — С. 125—130.

11. *Китаев Н. Н.* Экстрасенсы и шаманы в расследовании преступлений / Н. Н. Китаев // В защиту науки. Бюллетень Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. — М.: Наука, 2009. — № 5. — С. 30—42.

12. *Ларин А. М.* Криминалистика и параюридика / А. М. Ларин. — М.: БЕК, 1996. — 192 с.

13. *Львов В. Е.* Фабриканты чудес / В. Е. Львов. — Л.: Лениздат, 1974. — 56 с.

14. *Малеина М. Н.* Правовой взгляд на проявление нетрадиционных способностей (качеств) человека / М. Н. Малеина // Государство и право. — 1994. — № 2. — С. 122—129.

15. *Марфицин П. Г., Климова О. О.* Использование нетрадиционных видов познания в уголовном судопроизводстве / П. Г. Марфицин, О. О. Климова. — Омск: Ом. ВШ МВД России, 1998. — 18 с.

16. *Побережный С.* К вопросу о нетрадиционных технологиях в деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений / С. Побережный // Закон и жизнь. — 2006. — № 2. — С. 35—37.

17. *Протопопов А. Л.* Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений / А. Л. Протопопов // Вестник криминалистики. — 2008. — № 4. — С. 4—11.

18. *Рапинов А., Волков В.* А вот мнение ученых / А. Рапинов, В. Волков // Социалистическая законность. — 1991. — № 8. — С. 31.

19. *Сельг С.* Криминалистика, криминология и парапсихология / С. Сельг // Советское право. — 1969. — № 4. — С. 35—40.

20. *Семенцов В. А., Альхаов М. А.* Привлечение экстрасенсов в уголовное судопроизводство / В. А. Семенцов, М. А. Альхаов // Уголовно-процессуальное доказывание и другие актуальные проблемы досудебного производства: сб. науч. ст. — Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2010. — С. 113—116.

21. *Скрыпников А. И.* Перспективы использования нетрадиционных методов раскрытия преступлений / А. И. Скрыпников // Проблемы борьбы с преступностью в современных условиях: мат-лы науч.-практ. конф. — В 4 ч. Ч. 3. — Иркутск: Иркутск ВШ МВД России, 1995. — С. 45—47.

22. *Скрыпников А. И., Гримак Л. П.* Нетрадиционные методы получения информации в раскрытии преступлений / А. И. Скрыпников, Л. П. Гримак // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 1997. — № 1 (5). — С. 75—77.

23. *Смирнов И. А.* Использование результатов применения нетрадиционных методов в доказывании по уголовным делам / И. А. Смирнов // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: межвуз. сб. науч. ст. — Вып. 8. — Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2006. — С. 91—96.

24. *Шнейкерт Г.* Тайна преступника и пути к её раскрытию / Г. Шнейкерт. — М.: Право и жизнь, 1925. — 68 с.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10063

Смушкин Александр Борисович,

доцент кафедры криминалистики

Саратовской государственной юридической академии,

кандидат юридических наук, доцент

О СТРУКТУРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Аннотация. Статья посвящена вопросу структуры электронной цифровой криминалистики. Автор констатирует, что в последнее время для совершения преступлений всё больше начали использоваться информационно-коммуникационные устройства. Рассмотрению вопросов следов, оставляемых в этих устройствах, проведению следственных действий с ними, методике расследования преступлений, совершённых с их использованием, был посвящен ряд теорий, высказанных в криминалистике. Автор анализирует мнения ученых, занимающихся аналогичными вопросами, творчески их перерабатывает и на этой основе предлагает внутренне непротиворечивую структуру данной частной теории. С точки зрения авторского подхода в данной теории могут быть выделены следующие разделы: концептуальные основы частной теории собирания, исследования и использования электронной цифровой информации и её носителей, концептуальные основы отдельных разделов частной теории, концептуальные основы использования правоохранительными органами электронной цифровой среды, концептуальные основы расследования киберпреступлений.

Ключевые слова: электронная цифровая криминалистика, дигитология, форензика, система частной теории, структура электронной цифровой криминалистики, разделы электронной цифровой криминалистики.

Smuskin Aleksandr Borisowihs,

Associate Professor at the Department of criminalistics

Saratov State Law Academy,

Candidate of Law, Associate Professor.

ABOUT THE STRUCTURE OF ELECTRONIC DIGITAL FORENSICS

Annotation. The article is devoted to the issue of the structure of electronic digital forensics. The author states that recently, information and communication devices have been increasingly used to commit crimes. A number of theories expressed in forensics were devoted to considering the issues of traces left in these devices, conducting investigative actions with them, and the methods for investigating crimes committed with their use. The author analyzes the opinions of scien-

tists dealing with similar issues, creatively processes them and, on this basis, suggests an internally non-contradictory structure of this particular theory. From the point of view of the author's approach, the following sections can be distinguished in this theory: the conceptual foundations of the private theory of collecting, researching and using electronic digital information and its carriers, the conceptual foundations of individual sections of the private theory, the conceptual foundations of the use of the electronic digital environment by law enforcement agencies, the conceptual framework for investigating cybercrimes .

Keywords: electronic digital forensics, digitology, forensics, private theory system, structure of electronic digital forensics, sections of electronic digital forensics.

В эпоху IV информационной революции всё больше начинают использоваться для совершения преступлений информационно-коммуникационные устройства. Они становятся средствами совершения преступлений, орудиями их совершения. Любые электронные устройства начинают хранить в себе следы действий, совершенных с их использованием. Для эффективной работы с этими следами, производства отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий с информационно-технологическими устройствами как отечественными, так и зарубежными учеными предлагались различные теории, учения концепции — компьютерная криминалистика [1, с. 453; 2, с. 44—48], форензика [3; 4, с. 66], криминалистика программного обеспечения (Software Forensic) [5, с. 585—595], этиология информационных систем (Information systems etiology) [6], судебная дигитология [7, с. 148].

Ранее нами было обосновано формирование частной криминалистической теории электронной цифровой криминалистики (теории собирания, исследования и использования электронной цифровой информации и информационно-технологических устройств) [8, с. 15—21]. Необходимо определиться со структурой данной частной теории. Для чего следует проанализировать теории и концепции, предлагаемые иными учеными.

Структуры предлагаемых авторами частных теорий представлены в сильно различающихся видах.

А. Б. Максимович, рассмотрев частные криминалистические теории, делает вывод, что «система частного криминалистического учения индивидуальна и напрямую зависит от специфических особенностей объекта и предмета криминалистического учения. Однако с учетом изложенного можно предположить, что структура большинства частных криминалистических учений (теорий) состоит из двух частей — общей и частной, но их содержание определяется областью изучения» [9, с. 182]. В. Б. Вехов также разделил криминалистическое компьютероведение на общую и особенную часть. К общей части учения о криминалистическом компьютероведении он отнес предпосылки возникновения учения, данные о предмете, об объекте, о систе-

ме, задачах, методах и месте в системе криминалистики. Особенная часть содержит разделы о криминалистическом исследовании компьютерной информации, о компьютерных устройствах, использовании компьютерной информации и средств её обработки [10, с. 37—38].

Подчеркивая техническую сторону содержания частной теории, В. Б. Вехов выделяет:

1. Криминалистическое учение о компьютерной информации — подраздел криминалистического исследования компьютерной информации, средств её обработки и защиты, который занимается изучением закономерностей возникновения и сокрытия электронных следов и разработкой на этой основе технических средств, приемов и методов по их обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

2. Криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, которое представляет собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов и методов по исследованию компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей как материальных носителей криминалистически значимой компьютерной информации в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

3. Криминалистическое использование компьютерной информации, средств её обработки и защиты — система научных положений и разрабатываемых на их основе специальных программно-технических средств, а также приемов, методов и рекомендаций по использованию компьютерных технологий и средств защиты информации для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [11, с. 82]. В последующем В. Б. Вехов пришел к выводу о необходимости разработки частной теории и на единой методологической основе объединить следующие инновационные направления развития криминалистики: 1) криминалистическое исследование и использование компьютерной информации, средств её обработки; 2) тактику производства следственных действий, направленных на получение электронных доказательств; 3) разработку автоматизированных методик расследования преступлений [11; 12, с. 144].

К. Е. Домин, рассматривая материальную, программную, информационную и сетевую сторону объектов предлагаемой им теории, выделял следующую систему криминалистического исследования электронных носителей информации: «1) криминалистические аппаратно-компьютерные исследования; 2) криминалистические программно-компьютерные исследования; 3) криминалистические информационно-компьютерные исследования; 4) криминалистические компьютерно-сетевые исследования» [12, с. 176]. При этом представляется, что подобная система отражает классифи-

кацию практических исследований, а не структуру частной теории. В ней полностью игнорируются общие вопросы концепции теории, не отражается аспект собирания следов.

Предлагаемые В. Б. Веховым и К. Е. Доминым структуры ограничивают рассматриваемую частную теорию только технической стороной вопроса, (у В. Б. Вехова также некоторыми организационными элементами в контексте обеспечения АРМ следователя, эксперта и судьи), абсолютно не затрагивая тактическую сторону. Между тем нам представляется, что содержание рассматриваемой нами частной теории криминалистического обеспечения собирания, исследования и использования электронной цифровой информации и её носителей (электронная цифровая криминалистика) не может ограничиваться рамками одного раздела. Для более полного решения задач данной частной теории, а также изучения закономерностей, составляющих её предмет, насущно необходимо использовать знания, явно относящиеся как криминалистической технике, так и к организационным основам расследования, криминалистической тактике и методике расследования отдельных видов преступлений. Как отмечал Р. С. Белкин, «частные криминалистические теории в своей совокупности представляют теоретическую основу разработки и применения средств и методов расследования и предотвращения преступлений. Как таковые, они могут относиться к одному, двум или трем разделам криминалистики (речь идет о технике, тактике и методике). Сфера применения теории определяется её содержанием, уровнем и местом в системе частных криминалистических теорий» [14, с. 6].

Нам представляется, что предлагаемые В. Б. Веховым и К. Е. Доминым концепции теорий соотносятся с предлагаемой нами частной теорией криминалистического исследования и использования электронной цифровой информации и её носителей (электронной цифровой криминалистики) как часть и целое.

Е. Р. Россинская в качестве элементов структуры частной теории называет:

1. Концепцию теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, включая предмет теории, её задачи и объекты.
2. Учение о способах компьютерных преступлений (правонарушений).
3. Учение о цифровых следах как источниках криминалистически значимой компьютерной информации.
4. Учение об информационно-компьютерных криминалистических моделях видов компьютерных преступлений.
5. Учение о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем, реализуемое в новом разделе криминалистической техники.
6. Учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении тактики следственных и судебных действий.

7. Учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении методик расследования компьютерных преступлений.

8. Учение о взаимосвязях и разграничениях цифровизации судебно-экспертной и криминалистической деятельности [15, с. 198—200].

Однако нам представляется, что в подобной структуре смешиваются разноуровневые понятия: отдельные элементы частной методики расследования (способы совершения компьютерных преступлений, информационно-компьютерные криминалистические модели видов компьютерных преступлений и т. д.) и учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении методик расследования компьютерных преступлений (в целом). Учение о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем представлено как новый раздел криминалистической техники, притом, что учение о цифровых следах как источниках криминалистически значимой компьютерной информации должно рассматриваться, видимо, по мнению автора, в традиционной трасологии. Относительно последнего раздела частной теории Елена Рафаиловна указывает, только, что он «не включает формирование информационно-цифровых сред обеспечения досудебного производства, как это полагают некоторые ученые. Формирование такой среды — отдельная междисциплинарная задача, решение которой позволяет автоматизировать процессы предварительного и судебного следствия, включая формализацию и цифровизацию процессуальных документов, регистрационных и отчетных материалов, но не задача криминалистики» [15, с. 200]. Исключив из данного раздела формирование информационно-цифровых сред (АБД, АИПС, АРМ и т. д.), в содержании раздела окажется только абстрактная цифровизация.

Кроме того, в иных работах Е. Р. Россинская отметила: «Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности в качестве подсистем должна включать, в том числе:

учение о способах компьютерных правонарушений;

криминалистическое учение о типичных потерпевших от компьютерных правонарушений;

учение о типичных лицах, совершающих компьютерные преступления и правонарушения и противодействующих расследованию;

учение о криминалистической профилактике компьютерных преступлений» [16, с. 221].

Нам представляется, что в данном случае рассмотрены практически только элементы криминалистической характеристики компьютерных преступлений. При этом каждый из элементов рассматривается в виде самостоятельного учения. Между тем, Р. П. Рахматуллин вполне обоснованно заметил, что «учение — это, образно говоря, „высшая“ теория. Для признания таковым учение должно пройти своеобразный теоретический и практический „отбор“» [17, с. 286]. Мы также полагаем, что учения представляют собой

наиболее разработанные частные теории, что влечет более высокий уровень обобщения, проверки практикой и универсальности по отношению к конкретным видам преступлений. В данном же случае именуется учением некий объем информации, применительно только к компьютерным преступлениям, являющийся фактически применением частных теорий и учений, рассматриваемых в рамках «Общей теории криминалистики» (учение о личности преступника, учение о механизме преступления и др.), к конкретному виду преступлений.

В. А. Мещеряков в рамках содержания цифровой криминалистики выделяет следующие элементы [18, с. 236—240]:

I. Введение в цифровую криминалистику.

1. Цифровая криминалистика: предпосылки возникновения, современное состояние и перспективы развития.

2. Криминалистическая онтология преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий.

II. Техника и технология цифровой криминалистики.

3. Виртуальные следы и механизм следообразования при совершении преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий.

4. Криминалистические методы и средства исследования цифровой информации.

III. Тактика цифровой криминалистики.

5. Особенности производства отдельных следственных и иных действий при расследовании преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий.

6. Использование научно-технических средств и специальных знаний при расследовании преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий.

IV. Методики расследования отдельных видов и групп преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий.

7. Особенности расследования преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации.

8. Особенности расследования преступлений, связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ.

9. Особенности расследования преступлений, связанных с нарушением правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей.

10. Особенности расследования преступлений в сфере электронных финансовых технологий.

11. Особенности расследования преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций.

12. Особенности расследования мошенничества с использованием платежных карт и в сфере компьютерной информации.

13. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

14. Особенности расследования преступлений, связанных с нарушением авторских и смежных прав в сфере оборота объектов интеллектуальной собственности, представленных в электронной цифровой форме.

Однако мы полагаем, что даже такая тщательно проработанная структура не лишена ряда недостатков. А. В. Мещеряковым в этой структуре вообще не рассматривается электронная информация как имеющая специфическую природу. Раздел «Криминалистическая онтология преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий» органичнее бы смотрелся в виде общих положений методик расследования отдельных видов и групп преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий в одноименном разделе. Само содержание методик расследования отдельных видов и групп преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий характеризуется явной неоднородностью. Первые три части выделены в традиционном виде компьютерных преступлений. Однако, исходя из дальнейшей классификации, их логичнее было бы объединить в единую группу компьютерных преступлений. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, на наш взгляд, вообще не следует относить к рассматриваемой частной теории, поскольку данная методика не имеет характерных для остальных рассматриваемых методик специфических объединяющих элементов в виде специфических орудий преступления, инструментов расследования и т. д. Объединение в одну группу мошенничества с использованием платежных карт и в сфере компьютерной информации выглядит необоснованно натянутым. Расследование нарушений авторских и смежных прав в сфере оборота объектов интеллектуальной собственности, представленных в электронной цифровой форме по сравнению с расследованием иных нарушений авторских прав не будет иметь достаточно специфики для рассмотрения в рамках отдельной методики в цифровой криминалистике.

Проанализировав основные мнения ученых, рассматривающих данную и смежные частные теории, в рамках предлагаемой нами частной теории собирания, исследования и использования электронной цифровой информации и электронно-технологических устройств мы предлагаем выделять следующие разделы:

1. Концептуальные основы частной теории собирания, исследования и использования электронной цифровой информации и её носителей.

В рамках данного раздела мы выделяем такие учения и теории, как:

А. Теоретические и методологические основы частной теории Электронной цифровой криминалистики.

Б. Частная теория электронной цифровой информации.

В. Частная теория электронных цифровых следов и доказательств.

2. Концептуальные основы отдельных разделов частной теории.

А. Частная теория криминалистического исследования компьютеров и их систем.

Б. Частная теория исследования и использования компьютерных сетей (сетевая криминалистика).

В. Частная теория криминалистического исследования облачных сервисов и сервисов распределенного хранения электронных данных.

Г. Частная теория криминалистического исследования мобильных устройств (мобильная криминалистика).

Д. Частная теория криминалистического исследования иных портативных электронных устройств, снабженных микропроцессорами, автомобильных электронных датчиков и «Интернета вещей».

3. Концептуальные основы использования правоохранительными органами электронной цифровой среды.

В рамках данного раздела мы предлагаем выделять следующие учения и теории:

А. Криминалистическое учение об использовании отдельных электронных цифровых технологий в правоохранительной деятельности.

Б. Криминалистическое учение об использовании компьютерных сетей в целях борьбы с преступностью.

В. Теория криминалистического обеспечения тактики следственных действий, проводимых с электронными устройствами, их системами и сетями.

4. Концептуальные основы расследования киберпреступлений.

А. Криминалистическая онтология киберпреступлений (преступлений в электронной цифровой среде).

Б. Теория криминалистического обеспечения методик расследования компьютерных преступлений.

В. Особенности расследования преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций.

Г. Основы расследования хищений, совершённых с использованием компьютерных устройств.

Д. Основы расследования иных преступлений, совершённых с использованием информационно-технологических устройств.

Подводя итог, необходимо отметить, что научные разработки в области систематизации теории, предназначенной для работы с электронной информацией и информационно-технологическими устройствами, а также внедрение учебных курсов с подобной структурой будет способствовать подготовке профессионалов, компетенции которых отвечают актуальным требованиям, а также повышению эффективности работы правоохранительных органов

в эпоху повсеместного применения информационно-коммуникативных технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Пастухов П. С.* О необходимости развития компьютерной криминалистики / П. С. Пастухов // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. — 2018. — № 1. — С. 479—488.
2. *Мальцагов И. Д.* Современные технологии в расследовании преступлений: компьютерная криминалистика / И. Д. Мальцагов // Экономика. Бизнес. Право. — 2018. — № 4—6 (26). — С. 44—48.
3. *Федотов Н. Н.* Форензика — компьютерная криминалистика. — М.: Юрид. мир, 2007. — 432 с.
4. *Медведев И. В.* Компьютерная криминалистика «Форензика» и киберпреступность в России / И. В. Медведев // Пролог: журнал о праве. — 2013. — № 3. — С. 66—69.
5. *Spafford, Eugene H. and Stephen A. Weeber.* Software forensics: Can we track code to its authors? // *Computers & Security*. 12 (1993): pp. 585—595.
6. *Gregory A. Hall Wilbon P. Davis* Toward Defining the Intersection of Forensics and Information Technology // *International Journal of Digital Evidence* Spring 2005. Volume 4. Issue 1.
7. *Романенко М. А.* Судебная дигитология современный взгляд на содержание криминалистической техники / М. А. Романенко // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2007. — № 1 (10). — С. 147—155.
8. *Смушкин А. Б.* К вопросу о наименовании теории «Электронная цифровая криминалистика» / А. Б. Смушкин // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. — 2019. — № 1 (13). — С. 15—21.
9. *Максимович А. Б.* Содержание и структура криминалистического учения о средствах сотовой связи / А. Б. Максимович // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 11 (72). — С. 179—185.

УДК 343.985

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10064

Степаненко Диана Аркадьевна,
профессор кафедры криминалистики,
судебных экспертиз и юридической психологии

Института государства и права,
профессор кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского института МВД России,
доктор юридических наук, профессор

Степаненко Роман Алексеевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики
Восточно-Сибирского филиала

Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ОБЩЕЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И ИНЫХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье на основе изучения обширного эмпирического материала, анализа специальной научной и научно-методической литературы формулируется система принципов реализации общей методики расследования взяточничества и иных коррупционных преступлений. Раскрывается содержание таких принципов, и на их основе формулируются рекомендации по производству расследования в различных следственных ситуациях.

Ключевые слова: Коррупция, следователь, посредничество во взяточничестве, принципы методики, взяточничество криминалистическая методика расследования.

Stepanenko Diana Arkadevna,
Professor of the Department of Criminalistics,
Forensics and Legal Psychology
Institute of State and Law
Professor of the Department of Criminalistics
of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russia
Doctor of Law, Professor;

Stepanenko Roman Alekseevich,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure Law and Criminalistics,
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice,
Candidate of Law

PRINCIPLES OF THE GENERAL METHODOLOGY OF INVESTIGATION OF BRIBERY AND OTHER CORRUPTION CRIMES

Abstract. In the article on the basis of extensive empirical material, analysis of special scientific and methodical literature the list of principles of realization

of the general methodology of investigation of bribery and other corruption crimes is offered. The content of such principles is disclosed.

Keywords: corruption, investigator, mediation in bribery, the principles of the methodology and bribery.

Развитие правового государства и гражданского общества предполагает серьёзную борьбу с любыми видами коррупционных проявлений в любой сфере жизни общества. «Современный этап развития Российского государства ознаменован развёртыванием активного противоборства коррупционным проявлениям во всех сферах общественной жизни. Вместе с тем «криминальный феномен взяточничества и сопутствующих ему преступлений продолжает оказывать разрушающее воздействие на правовые институты, моральные и нравственные устои общества» [см.: 5]. Проведенный нами опрос граждан — представителей широких слоев населения — позволил получить следующие данные. Большинство респондентов (около 70 %) сообщили, что либо сами, либо их родные сталкивались с проявлениями взяточничества: единожды — 24,76 % опрошенных, около 40 % — более одного раза. При этом свыше 30 % граждан, принявших участие в интервьюировании, заявили, что зачастую коррупционные отношения реализуются с участием посредников во взяточничестве. Это позволяет сделать вывод о широкой распространенности взяточничества в жизни нашего населения.

Руководство страны, понимая масштабы и последствия коррупции, принимает усилия, результатом которых должна стать если не полная ликвидация, то хотя бы значительное сокращение проявлений этого негативного социального явления. Активно развивается направления, в рамках которого реализуются меры по профилактике, предупреждению коррупции, при этом не теряет своей актуальности и значимости деятельность правоохранительных органов по борьбе с ней. Для целей повышения эффективности выявления, раскрытия и расследования взяточничества, иных коррупционных преступлений на сегодняшний день разработаны неплохо себя показавшие частные криминалистические методики. Но следует констатировать, что содержащиеся в них комплексы криминалистических рекомендаций зачастую дублируют друг друга, создаются для оптимизации борьбы с отдельными проявлениями рассматриваемых преступных посягательств. Криминалистика — наука прикладного характера, основной задачей которой является вооружение следователя научным познавательным «инструментарием», техническими, тактическими, методическими средствами, методами для повышения качества и эффективности расследования преступлений, их криминалистической профилактики. Криминалистика отвечает вызовам времени и научно обеспечивает потребности правоприменительной практики. В настоящее время, на наш взгляд, актуальна и востребована тема совершенствования общей методики расследования взяточничества и иных видов коррупционных пре-

ступлений. Представляется, что обозначенная методика должна позиционироваться именно как общая, включающая в свою структуру несколько видовых, подвидовых и множество частных методик (уже имеющихся и только формирующихся). При её формировании и реализации необходимо руководствоваться определенными принципами.

«Одни исследователи видят в принципах основания знаний, другие рассматривают их как исходные идеи, третьи считают их содержательными положениями, четвёртые отождествляют их с законами, описывающими некоторую область действительности», пятые — «элемент нормативной системы, состоящей из обобщенных требований, выявляемой учёными» [10, с. 159, 160].

При определении системы принципов построения общей методики расследования важно учитывать проблему, на которую обращает внимание А. В. Шмонин, утверждая, что «в большинстве работ, посвященных проблемам криминалистической методики, её принципы либо не рассматриваются, либо приводятся вне системы, либо авторы смешивают принципы построения частных криминалистических методик и принципы криминалистической методики» [13, с. 72].

Остановимся на основных подходах к пониманию принципов общей методики расследования названных преступлений. Формируя систему принципов предлагаемой методики, мы будем исходить из системности, функциональности, модельности и информативности предлагаемой системы.

Так, по справедливому замечанию И. А. Возгина, все принципы можно классифицировать на три группы: общие, частные и специальные. Автор полагает, что общие принципы должны формировать «базовые положения методики как особой системы научного знания об организации и осуществлении уголовного преследования лиц, совершивших преступные деяния» [1, с. 260—268]. К числу общих принципов, по мнению ученого, следует отнести историзм, системность криминалистического методического научного знания, единство теории и практики. Думается, что к этим общим принципам следует отнести и принцип детерминизма, учитывая, что все наблюдаемые явления неслучайны, имеют определённую причину, необходимо изучать закономерные зависимости явлений от порождающих их факторов. Нас должна интересовать причинность как совокупность обстоятельств, типично предшествующих во времени следствию и вызывающих его. Следует отметить и обратный эффект, когда следствие воздействует на вызвавшую его причину.

Принцип объективности также важен при формировании частной методики расследования. Методика разрабатывается для её использования следователем в процессе расследования, она отчасти предопределяет направление расследования преступления и его перспективу. Существует определённая субъективность той информации, с которой следователю придётся работать, и это обстоятельство потребует умения оценить им степень субъектив-

ности информации, минимизировать всякую субъективность, искажающую реальное положение дел.

Рассуждая о частных принципах, И. А. Возгрин приходит к выводу о том, что они «определяют исходные положения построения и использования частных методик расследования преступлений» [1, с. 270—287]. Такими принципами являются законность, теоретическая обоснованность и практическая ценность, конкретность, плановая основа, этапность, ситуационность и реализация этических норм в методиках расследования преступлений.

Говоря о специальных принципах, ученый отмечает, что они «раскрывают важнейшие положения о структуре и содержании отдельных групп методик расследования преступлений» [1, с. 270—287]. «Групповые методики расследования должны обязательно содержать в своей структуре особый раздел: исходные нормативные, организационные, психологические, методические, этические и иные принципы их построения и использования» [1, с. 293]. Эта точка зрения представляется важным положением для определения специальных принципов криминалистических методик расследования преступлений, в том числе частной криминалистической методики расследования взяточничества и иных коррупционных преступлений.

Следует помнить, что «категория криминалистической методики, впрочем, как и любая другая система научных знаний, имеет два аспекта: онтологический — система деятельности, и гносеологический — система отражающих эту деятельность знаний» [6, с. 74—77]. С учетом этого следует отметить, что суждения И. А. Возгриной, на наш взгляд, имеют преимущественно характер гносеологический, т. е. он говорит о принципах создания методик расследования преступлений. Признавая их важность, обратим внимание и на особую актуальность определения принципов практической реализации методики расследования. Под ними мы понимаем исходные начала, основные, основополагающие положения, общезначимые, общеобязательные требования-правила, которыми должен руководствоваться любой субъект расследования в рамках своей деятельности по выявлению, раскрытию, расследованию, предупреждению конкретных преступлений. Поскольку принцип — регулятор любой деятельности, на котором основываются её методы, приёмы, формируются цели, неукоснительное соблюдение этих принципов обеспечивает правоприменителю достижение целей уголовного судопроизводства [11, с. 61].

К специальным принципам реализации общей методики расследования взяточничества и иных коррупционных преступлений мы отнесли следующие:

- принцип приоритета оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) в выявлении преступлений;
- принцип приоритета наступательного характера расследования;

- принцип выявления совокупностей преступлений и серийности их совершения;
- принцип компромисса в расследовании преступлений;
- принцип прогнозирования высокопрофессионального противодействия расследованию, приоритета его предупреждения.

Принцип приоритета ОРМ в выявлении коррупционных преступлений (прежде всего, взяточничества). Нами на основании изучения специальной литературы, анализа следственной и судебной практики было установлено, что свыше 70 % решений о признании лиц, виновными в совершении коррупционных преступлений, основаны на доказательствах вины, полученных в рамках оперативно-розыскной деятельности. В то же время по итогам изучения материалов прекращенных уголовных дел в отношении лиц, которым вменялось совершение преступлений коррупционной направленности можно заключить, что в более чем половине случаев соответствующее процессуальное решение было принято в связи с недоказанностью прямого умысла и (или) корыстного мотива коррупционера. Заметим, что такие обстоятельства зачастую устанавливаются в результате ОРМ. По мнению сотрудников правоохранительных органов (данные получены в ходе анкетирования) примерно 90 % из них считают, что доказывание прямого умысла и корыстных мотивов коррупционных преступлений является достаточно сложным. Очевидна следующая закономерность: «по большинству дел с обвинительными приговорами одной из решающих причин успеха расследования было то обстоятельство, что оперативные сотрудники не допустили существенных нарушений законодательства об оперативно-розыскной деятельности» [11, с. 63].

Принцип приоритета наступательного характера расследования. Данный принцип, на наш взгляд, достаточно верно сформулирован Ю. П. Гармаевым, который полагает, что этот принцип заключается «в специфической ментальной установке правоприменителей и направленности их усилий (следственных действий, ОРМ и их комплексов) на активный, инициативный поиск, распознавание и выявление максимально широкого круга преступных проявлений, выявление неизвестных ранее лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправные деяния в целях обеспечения всесторонности, полноты и объективности расследования» [2, с. 12]. Руководствуясь данным принципом, сотрудники правоохранительных органов должны занимать активную (не допуская провокационной) позицию, идти в наступление на коррупционную преступность. С этой целью рекомендуется реализовывать тактические операции по задержанию с поличным посредников во взяточничестве, мнимых посредников и других участников коррупционных преступлений [более подробно см.: 11, с. 178—208].

Принцип выявления совокупностей преступлений и серийности их совершения. Данный принцип основан на ранее обозначенной [3, с. 86—89] нами закономерности о том, что коррупционные преступления редко бывают

единично совершёнными. Наблюдаются две важные и практически значимые закономерности: «а) они в основном совершаются серийно; б) при квалификации они чаще всего подпадают под признаки различных совокупностей составов преступлений» [см.: 12, с. 112—113].

Проиллюстрируем сказанное примером. Доцент кафедры одного из вузов А. с использованием служебного положения получила от обучающегося В. взятку в сумме 6 тыс. руб. Студент передал незаконное вознаграждение преподавателю в обмен на получение положительных оценок по трем дисциплинам без фактической сдачи зачетов и экзаменов. Доцент А. внесла в аттестационные ведомости и зачетную книжку В. соответствующую запись по одной из дисциплин самостоятельно, по двум просила это сделать других преподавателей, за которыми они были закреплены согласно учебной нагрузке. При этом А. не передавала им денежных средств, а добилась желаемого, используя личные доверительные отношения с преподавателями. Приговором суда А. признана виновной в совершении преступлений, квалифицированных по ст. 291.1 ч. 2, 159 ч. 3, 291.1 ч. 5, 291.1 ч. 5 УК РФ, ей назначено наказание в виде штрафа в размере 15 тыс. руб.

Приведенный пример и многие ему подобные позволяют сделать следующие выводы: если собран материал (проведены ОРМ, получено заявление, возбуждено уголовное дело) по признакам любого из коррупционных преступлений, то следует уже на первоначальном этапе расследования и далее в ходе следствия:

— выдвигать и проверять версии о систематическом характере коррупционных и сопутствующих преступлений;

— исследовать не один эпизод преступления, а всю соответствующую профессиональную и иную деятельность коррупционера, при необходимости третьих лиц, выдвигать версии о соучастниках преступлений; при наличии оснований — о деятельности организованных преступных групп и сообществ.

Принцип компромисса в расследовании преступлений. С учетом большого числа компромиссных норм в уголовном и уголовно-процессуальном законе (ст. 75—76.2 УК РФ, гл. 32.1. 40, 40.1 УПК РФ и др.) и активным применением их в практической деятельности, в том числе и по уголовным делам анализируемой категории, полагаем возможным указать на следующее. Мы поддерживаем идею о том, что вновь разрабатываемая или модернизируемая криминалистическая методика может и должна включать комплекс (систему) рекомендации адресованных следователю (работникам прокуратуры и суду) по преодолению имеющегося и прогнозируемого противодействия уголовному преследованию путем достижения компромисса между сторонами обвинения и защиты на основе норм уголовного и уголовно-процессуального закона [9, с. 107—116]. При этом следует идти только на разумные, полезные и допустимые (с позиций закона и морали) компромиссы

со стороны защиты [3, с. 89—94]. В любом случае непременным условием реализации компромисса является подробное разъяснение подозреваемому, обвиняемому его условий и последствий, а также согласие с ними этого участника уголовного процесса. Кроме того, должна быть исключена любая возможность обмана, введения в заблуждение, нарушения прав и законных интересов как стороны защиты, так и других участников уголовного судопроизводства, включая потерпевшего [8, с. 11].

Принцип необходимости прогнозирования высокопрофессионального противодействия расследованию, приоритета его предупреждения. Научное прогнозирование в целом (греч. prognosis — знание наперед, предвидение) — разновидность научного предвидения, специальное исследование перспектив какого-либо явления. Одним из исследователей, развивающих теорию криминалистического прогнозирования, является Л. Г. Горшенин. Он отмечает, что к числу объектов названной теории следует отнести элементы механизма преступления, закономерности возникновения информации о преступлении и его участниках, развития средств и методов судебного исследования. Кроме того считаем важным привести справедливое мнение ученого о том, что «необходимость в криминалистических прогнозах ощущается практически во всех сферах деятельности правоохранительных органов на местах, в том числе и в деятельности по расследованию преступлений» [4, с. 57].

Здесь представляется разумным обратиться к ранее предложенному Ю. П. Гармаевым алгоритму преодоления противодействия уголовному преследованию по делам о коррупционных преступлениях. Автор предлагает выделять следующие этапы: 1) прогнозирование, предвидение актов противодействия; 2) их профилактика, предупреждение (при наличии реальной возможности); 3) диагностика, распознавание совершаемых или совершённых актов противодействия, а также их последствий; 4) подготовка и реализация мер их предупреждения, пресечения, устранения либо нейтрализации. Указанное реализуется посредством следственных, иных процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий, тактических приемов и т. п.); 5) оценка и использование результатов применения мер преодоления противодействия [3, с. 78—80].

Разработка принципов построения и реализации частной криминалистической методики расследования преступлений как основополагающих положений имеет большое значение. Принципы имеют универсальное значение для научных разработок, организации и регулирования как исследовательской, так и практической деятельности.

Предложенный перечень принципов реализации общей методики расследования взяточничества и иных коррупционных преступлений не является исчерпывающим, особенно в аспекте формулирования специальных принципов практической деятельности лица, ведущего расследование, но уже сейчас можно говорить о системе принципов и, разрабатываемых на их основе, спо-

совов организации и построения теоретической и практической деятельности, позволяющей повысить эффективность расследования данных преступлений. И эта система обладает следующими признаками: истинность (соответствие знания действительности), интерсубъективность (общезначимость, общеобязательность), системность (строгая интуитивно-дедуктивная структура).

Рассмотренные нами выше принципы позволят оптимизировать выявление, раскрытие, расследование и предотвращения коррупционных преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Камышев Д. «Дорожная карта» по борьбе с коррупцией / Д. Камышев // Следователь. — 2013. — № 1. — С. 26—28.
2. Сидоренко Н. И. Принципы и их значение для построения теории / Н. И. Сидоренко // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. — 2016. — № 2 (86). — С. 159—160.
3. Шмонин А. В. Методология криминалистической методики: моногр. А. В. Шмонин. — М.: Юрлитинформ, 2010. — 416 с.
4. Возгрин И. А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография / И. А. Возгрин. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. — 475 с.
5. Колдин В. Я., Крестовников О. А. Структура и система криминалистических методик // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: мат-лы III всерос. науч.-практ. конф. по криминалистике и судеб. экспертизе (Москва, 15—17 марта 2006 г.). В 2 т. — М., 2006. — Т. 1. — С. 74—77.
6. Степаненко Р. А. Особенности методики расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве: дис. ... канд. юрид. наук. / Р. А. Степаненко. — Краснодар, 2015. — 261 с.
7. Гармаев Ю. П. Принцип наступательности в выявлении и расследовании преступлений / Ю. П. Гармаев // Российский следователь. — 2016. — № 2. — С. 6—12.
8. Гармаев Ю. П., Обухов А. А. Квалификация и расследование взяточничества: учеб.-практ. пособ. / Ю. П. Гармаев, А. А. Обухов. — М.: Норма, 2009. — 303 с.
9. Чашин К. В. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве: моногр. / К. В. Чашин. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 260 с.
10. Попова Е. И. О необходимости создания криминалистических методик на основе принципа компромисса / Е. И. Попова // Лекс Руссика. — 2017. — № 9 (130). — С. 107—115
11. Попова Е. И. Криминалистическое обеспечение деятельности следователя по применению норм об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по уголовным делам о хищениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Е. И. Попова. — Краснодар, 2013. — 26 с.
12. Горшенин Л. Г. Основы теории криминалистического прогнозирования / Л. Г. Горшенин. — М., 1993. — 123 с.

УДК. 343.985.4

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10065

Унжакова Светлана Владимировна,

доцент кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;

Ишигеев Владимир Степанович

профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовного процесса
Байкальского государственного университета,
профессор кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского института МВД России,
доктор юридических наук, профессор,

Заслуженный юрист Республики Бурятия

Крапивин Владимир Сергеевич,

старший эксперт отдела пожарно-взрывотехнических экспертиз
и экспертиз с применением физических методов
ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области;

Шеков Анатолий Александрович,

доцент кафедры пожарно-технической экспертизы
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат химических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЙ О ЛЕСНЫХ ПОЖАРАХ

Аннотация. Раскрытие и результативность расследования преступлений, связанных с уничтожением или повреждением лесных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем или поджога, остается одной из самых низких в Российской Федерации. Основная проблема заключается в качестве осмотра мест лесных пожаров, характеризующихся значительными площадями, пройденными огнем, уничтожением или сглаживанием очаговых признаков, труднопроходимым рельефом местности и иными неблагоприятными условиями.

В статье рассмотрены тактические приемы производства осмотра места пожара при проверке сообщений о лесных пожарах, позволяющие обнаружить и изъять следы преступления, в полном объеме зафиксировать обстановку на месте пожара.

Ключевые слова: лесные насаждения, пожар, поджог, осмотр места происшествия, протокол осмотра, очаг пожара.

Unzhakova Svetlana Vladimirovna,

Associate Professor of the Department of Criminalistics
of the East-Siberian Institute of the M IA of Russia
Candidate of Law, Associate Professor

Ishigeev Vladimir Stepanovich

Professor of the Department
of Criminal Law,
Criminology and Criminal Proceedings
Baikal National University,
Professor of the Department of Criminalistics
of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russia,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminalistics
of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russia
Doctor of Law, Professor;
Honored Lawyer of the Republic of Buryatia

Krapivin Vladimir Sergeevich,

Senior Expert of the Department of Fire and Explosion Examinations and Examinations
Using Physical Methods of the
Forensic Center of the MIA of Russia in the Irkutsk Region

Shekov Anatoly Alexandrovich,

Associate Professor of the Department
of Fire Technical Examination
of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia,
Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor

FEATURES OF CRIME SCENE SEARCH DURING VERIFIABLE REPORTS ABOUT FOREST FIRES

Annotation. The disclosure and effectiveness of the investigation of crimes related to the destruction or damage of forest plantations as a result of careless handling of fire or arson remains one of the lowest in the Russian Federation. The main problem is the quality of inspection of forest fire sites, characterized by significant areas covered by fire, destruction or smoothing out of focal signs, difficult terrain relief and other unfavorable conditions. The article discusses tactical techniques for inspecting a fire site when checking messages about forest fires, allowing you to detect and remove traces of a crime, to fully record the situation at the fire site.

Keywords: forest plantations, fire, arson, inspection of the scene, inspection protocol, fire center.

Проблемы, связанные с лесными пожарами в России и в мире, являются многоаспектными и уже давно приобрели большую актуальность. Данный факт подтверждается большим количеством лесных пожаров, которые уничтожают и повреждают значительные площади лесных насаждений [1] и чаще всего возникают из-за человеческого фактора.

Определенная значимость исследования лесных пожаров определена статистическими данными МВД России, согласно которым число преступлений, предусмотренных ст. 261 УК РФ, зарегистрированных в России, составило: в 2015 г. — 1063 преступления, 2016 г. — 598, 2017 г. — 690, 2018 г. — 642, в 2019 г. — 645 преступления. Как показывает анализ статистических данных, количество рассматриваемых преступлений с 2016 г. по настоящее

время остается без существенных изменений. Вместе с тем иные показатели у количества приостановленных уголовных дел. Так, в 2015 г. было приостановлено 984 уголовное дело из 1099, в 2016 г. — 535 из 645, 2017 г. — 684 из 753, 2018 г. — 562 из 676, в 2019 г. — 569 из 715¹. На основе анализа указанных данных, можно сделать выводы, что удельный вес приостановленных уголовных дел достаточно высок, что указывает на проблемы в организации выявления, раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 261 УК РФ.

Кроме этого, необходимо отметить, что к уголовной ответственности привлекаются в основном лица, которые были непосредственно застигнуты при совершении рассматриваемого преступления и соответственно количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности, остается низким, а предварительное расследование приостанавливается по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в связи с неустановлением лица, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого. Так, в 2015 г. к ответственности привлечено 62 лица, 2016 г. — 51, 2017 г. — 41, 2018 г. — 43, 2019 г. — 46 лиц². Как верно отмечает Б. А. Тугутов, основной проблемой в организации борьбы с преступностью в этой сфере остается раскрытие преступлений и установление лиц, их совершивших [2, с. 35]. В связи с этим необходимо в первую очередь обеспечить полноту и качественную проверку сообщений о лесных пожарах в установленные законом сроки и порядке, а также проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по установлению виновных лиц.

Одно из следственных действий, позволяющее установить широкий круг обстоятельств, имеющих значение как для принятия процессуального решения по результатам рассмотрения сообщения, так и для расследования преступлений, предусмотренных ст. 261 УК РФ, является осмотр места происшествия.

Осмотр места происшествия является «основой» для расследования преступления и, соответственно, источником доказательств, который закладывает своеобразный информационный «фундамент» [3, с. 270] для производства других следственных действий.

Проблемы качественного осмотра места происшествия и осмотра в целом являются достаточно актуальными при расследовании отдельных видов преступлений. Учитывая важность и необходимость указанного следственного действия, вопрос производства осмотра места происшествия достаточно широко освещён в научной литературе. Однако осмотр лесного пожара кардинально отличается не только от «классических» осмотров места происшествия, но также от осмотров сопряженных с возгораниями зданий, сооружений и автотранспортных средств. Прежде всего, это связано со значительными площадями, подлежащие осмотру, уничтожением или сглаживанием оча-

¹ Данные ГИАЦ МВД России за 2015—2019 гг.

² Данные ГИАЦ МВД России за 2015—2019 гг.

говых признаков, труднопроходимым рельефом местности и иными неблагоприятными условиями.

Согласно ст. 176 УПК РФ осмотр места происшествия производится в целях обнаружения следов преступления, выявления других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. При проведении осмотра лесного пожара одним из основных вопросов, требующих разрешения, является установление очага пожара. Кроме этого в целях обеспечения полноты проверки в ходе осмотра места лесного пожара установлению подлежат: площадь возгорания, механизм образования пожара, количество поврежденных и уничтоженных огнем деревьев, степень их повреждения, их породный состав.

Необходимо отметить, что сочетание таких неблагоприятных факторов и условий, как значительные площади, пройденные огнем, позднее обнаружение пожара, большой промежуток времени от обнаружения пожара до его ликвидации, уничтожение или сглаживание очаговых признаков, неблагоприятные метеорологические условия, труднопроходимый рельеф местности, отсутствие специальной техники для проезда к месту пожара, а также необходимых навыков у представителей следственно-оперативных групп, прибывающих на место происшествия [4], затрудняет качественное проведение осмотра места происшествия.

До прибытия к месту пожара анализируется исходная информация о пожаре, готовятся необходимые для осмотра технические средства, принимается решение о необходимости привлечения к осмотру специалистов и иных участников осмотра. Существенную помощь в проведении данного следственного действия оказывают специалисты лесного хозяйства, в чьи должностные обязанности входит оценка повреждений и расчёт материального ущерба, причинённого лесным насаждениям [5].

В зависимости от площади возгорания, условий местности и её доступности, осмотр лесных массивов может быть осуществлен пешим ходом, на автомобиле, на воздушном судне или с использованием беспилотного воздушного судна (беспилотного летательного аппарата).

Тактические приемы осмотра зависят от конкретных условий, характера пожара, в какой промежуток времени проводится следственное действие: осмотр действующего пожара или после ликвидации.

По прибытии к месту лесного пожара, в случае наличия возможности, необходимо приступить к осмотру действующего лесного пожара с целью фиксации зоны первоначального горения и направленности его распространения. При этом в ходе осмотра действующего пожара, как и после его ликвидации, необходимо обеспечить соблюдение требований правил безопасности.

Необходимо учитывать, что с течением времени место пожара из-за природных особенностей видоизменяется даже без влияния человеческого фактора, поэтому поздний осмотр места происшествия — это, как правило, всегда утрата следов преступления, невозможность определить, было ли реальное повреждение либо уничтожение насаждений от конкретного пожара

и, следовательно, действий конкретного лица [2, с. 35]. Но и проведение осмотра места происшествия во время действующего пожара не даст объективной картины произошедшего, в частности, сведений о площади пожара, его последствиях.

В случае осмотра места лесного пожара после его ликвидации в протоколе необходимо указать характеристики пожара (верховой, низовой, подземный, беглый, устойчивый, пятнистый, сплошной), произвести осмотр деревьев, с указанием их породы, детально описать повреждения, причинённые лесным насаждениям огнём, а именно следы закопчения, степень повреждения до прекращения роста лесных насаждений и усыхания в результате воздействия пожара, обугливание ствола, веток, повреждение кроны деревьев и т. д. При описании повреждений деревьев указываются зоны наибольшего термического воздействия для дальнейшего определения направления, в котором распространялся пожар. При этом в ходе осмотра производится измерение основных параметров термических поражений стволов деревьев с двух сторон — с наветренной и подветренной стороны, например, наветренная сторона, на которую происходит воздействие ветра. При подземных пожарах в результате перегорания корней может происходить падение деревьев. В этом случае необходимо отразить при осмотре следы горения на корнях и направление вывала деревьев. Учитывая, что наиболее распространёнными из естественных причин лесных пожаров обычно являются молнии, необходимо зафиксировать следы воздействия молнии на деревья при их наличии.

Для фиксации границ пожара, очага и других мест используются технические средства, фиксирующие положение географических координат (GPS, ГЛОНАСС). Актуальным является применение фотоаппаратов со встроенным GPS-модулем, которые позволяют получать цифровые снимки с сохранением географических координат места съёмки. В последнее время при мониторинге лесных пожаров активно применяется аэрофотосъёмка, в том числе с использованием мобильных беспилотных воздушных судов или беспилотных летательных аппаратов (БВС, БЛА, БПЛА) [6, 7]. При проведении осмотра места происшествия данные средства позволяют получить и зафиксировать общую картину лесного пожара, определить границы зоны горения, выявить признаки направленности распространения горения, места перехода низового пожара в верховой, а также зафиксировать расположение объектов на местности и произвести измерение расстояний между ними (рис. 1). Кроме того, результаты съёмки места происшествия с применением БЛА могут быть использованы для получения ортофотопланов и 3D-моделей местности и объектов, повреждённых пожаром [8]. Применение БЛА особенно актуально, когда доступ к тем или иным участкам лесных насаждений затруднен или невозможен в связи с риском для жизни и здоровья членов следственно-оперативной группы.

Рисунок 1. Фотография места лесного пожара, полученного с помощью БЛА

Рисунок 2. Фотография границы зоны горения, полученного с помощью БЛА

При осмотре места пожара и особенно очага следует помнить, что, несмотря на огромную разрушительную силу огня, в зоне горения, тем не менее, остается достаточно следов и вещественных доказательств, имеющих значение для расследования преступления. К их числу можно отнести следы обуви, транспортных средств, остатки пищи, жестяные и стеклянные банки, бутылки со следами пальцев рук, бумагу, пыжи от охотничьих патронов

и т. д. [9] и другие следы, пригодные для идентификации личности. Указанные предметы в дальнейшем могут быть приобщены в качестве вещественных доказательств к материалам уголовного дела и назначены соответствующие судебные экспертизы.

В районе очага лесного пожара нередко можно установить следы горючих, легковоспламеняющихся жидкостей либо масел, которые могут использоваться для разжигания костров или при совершении поджогов. Кроме этого при осмотре пожарища могут быть обнаружены предметы и следы, свидетельствующие о попытке затушить или локализовать огонь [9].

Особое внимание следует уделять наличию следов рубки, т. к. часто лесные насаждения поджигают для сокрытия незаконных рубок.

В случае обнаружения следов незаконной рубки необходимо сопоставить место рубки с очагом пожара для установления в дальнейшем причинно-следственной связи между рубкой и пожаром. Важно рассмотреть версию — факт пожара как способ сокрытия следов незаконной рубки.

В протоколе осмотра, наряду с типовыми общими данными, указываются: метеорологические условия осмотра, сопровождавшие его явления, например, повторное воспламенение, переброс огня на другие участки леса, появление торфяных провалов и т. д., мероприятия, проводимые пожарными по тушению пожара, проведены ли в лесу до возникновения пожара профилактические мероприятия, такие как чистка просек, противопожарная вспашка, оборудование резервных водоемов [10].

Таким образом, учитывая особенности осмотра лесного пожара в протоколе должна быть закреплена следующая информация:

— адрес лесного участка, установленный специалистом лесничества или самостоятельно с применением GPS-навигатора, привязка к местности;

— маршрут следования до места происшествия, прилегающие населённые пункты, расстояние до них от места пожара, наличие противопожарных разрывов, зданий, сооружений, зимовий, линий электропередач, расстояние до них от места пожара, лесные обозначения — квартальные столбы;

— наличие дорог, подъездных путей, их состояние, направление, размеры, наличие троп;

— форма лесного пожара (вытянутая, овальная, круглая, прямоугольная либо неправильной формы, указать длину каждой стороны по периметру в соответствии со сторонами света);

— площадь пожара, является ли участок, пройденный огнём, лесным массивом;

— рельеф местности и его особенности: горизонтальный, наклонный, выпуклый, вогнутый, холмистый, плоскоравнинный, волнистый, ступенчатый, овражно-балочный, горный рельеф, гора или холм, котловина, хребет, лощина, долина, овраг, балки, ущелья, седловина, уклоны, их направление и градус, возвышенности и низины;

— породный состав произрастающих лесных насаждений в зоне места происшествия, описание неповрежденного огнем лесного массива, участка леса, порода, высота, густота;

— тип почвенного покрова (торфяной, мох, трава, лиственный, хвойный, смешанный), отмерший почвенный покров (сухая трава, опавшая листва, ветки);

— наличие полей, пустырей, сенокосных лугов, перелесков, наличие опашки;

— наличие рек, ручьев, озер, болот, водоемов и их направление, течение, состояние берегов, а также торфяных залежей, просек;

— следы нахождения техники в лесном массиве, следы грузового транспорта, сельскохозяйственной техники и иных транспортных средств, протяженность места обнаружения, отличительные характерные признаки;

— сведения о наличии лесозаготовительных делан и прилегающих земель сельскохозяйственного назначения, мест отдыха, пребывания человека;

— следы воздействия молний.

При составлении схемы осмотра места происшествия, необходимо указать стороны света, направления ветра, характерные особенности ландшафта местности в зоне горения, рельеф местности с указанием углов угора и наклона, характерные формы растительности с помощью условных обозначений, расшифровка которых должна быть дана, обозначить границы зон горения, указать их линейные параметры и дать привязку к местности.

При указании на схеме места происшествия порубочных остатков, мусора, отразить их места расположения.

На схеме места пожара необходимо отобразить степень термических поражений в виде штриховки. Разбить область зон горения на секторы и выделить характерные признаки термических поражений растительности в каждом секторе.

Таким образом, схема осмотра должна содержать: заголовок с адресом и наименованием объекта; ориентировку по сторонам света (север-юг); масштаб (если план масштабный); четкое изображение элементов обстановки происшествия с расшифровкой их названий; размерность в одних единицах; обозначение мест, с которых производилась фотосъемка; направление и скорость ветра; подписи лиц, участвующих в осмотре и дату составления.

Схема осмотра места происшествия является составной частью протокола осмотра, и в нем обязательно должна содержаться ссылка в заключительной части протокола на наличие схемы.

Таким образом, производство осмотра места происшествия необходимо проводить своевременно и в полном объеме. Кроме этого необходимо учитывать, что результаты экспертного исследования во многом определяются качеством проведения следственных действий, в первую очередь ос-

мотра места происшествия. Знание лицом, проводящим осмотр, лесного пожара, тактических особенностей осмотра, позволит в полном объеме провести указанное следственное действие и отразить в протоколе необходимую информацию для принятия процессуального решения по результатам проверки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Нехорошев С. Н., Подрезов Ю. В., Романов А. С., Тимошенко З. В. Анализ особенностей лесопожарной обстановки на территории РФ в 2019 году и прогноз на 2020 год / С. Н. Нехорошев, Ю. В. Подрезов, А. С. Романов, З. В. Тимошенко // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. — 2020. — № 3. — С. 80—84.
2. Тугутов Б. А. Поддержание государственного обвинения по уголовным делам о лесных пожарах / Б. А. Тугунов // Законность. — 2012. — № 6. — С. 35—38.
3. Ищенко Е. П., Егоров Н. Н. Криминалистика для следователей и дознавателей: науч.-практ. пособ. / Е. П. Ищенко, Н. Н. Егоров. — 2.-е изд., доп. и перераб. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2014. — 669 с.
4. Максименко В. А. О состоянии работы правоохранительных органов по противодействию преступлениям в сфере лесопользования / В. А. Максименко [Электронный ресурс]. — URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/> (дата обращения: 10.04.2020).
5. Борзунова Н. Ю., Саая А. Р. Особенности проведения дознания по делам об уничтожении или повреждении лесных насаждений (статья 261 Уголовного кодекса Российской Федерации) / Н. Ю. Борзунова, А. Р. Саая // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2019. — № 1 (42). — С. 76—83.
6. Анойкин Р. К. Применение и анализ возможностей беспилотных летательных аппаратов по обнаружению очагов лесных пожаров // Р. К. Анойкин / Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. — 2019. — № 4. — С. 72—77.
7. Татаринов В. В., Калайдов А. Н., Муйкич Э. Применение беспилотных летательных аппаратов для получения информации о природных пожарах / В. В. Татаринов, А. Н. Калайдов, Э. Муйкич // Технологии техносферной безопасности. — 2017. — № 1 (71). — С. 160—168.
8. Дашко Л. В., Синюк В. Д., Пеньков В. В. Возможности использования беспилотных летательных аппаратов для фиксации обстановки на месте пожара / Л. В. Дашко, В. Д. Синюк, В. В. Пеньков // Научный портал МВД России. — 2017. — № 4 (40). — С. 53—59.
9. Расследование преступлений, связанных с пожарами в лесах: метод. рек. [Электронный ресурс]. — URL: [ZakoniRos.ruttps://zakoniros.ru/?p=1482](https://zakoniros.ru/?p=1482) (дата обращения: 10.04.2020).
10. Методические рекомендации по расследованию преступлений, предусмотренных статьей 261 УК РФ (уничтожение или повреждение лесов) / Следственное управление Прокуратуры Приморского края, Приморская межрайонной природоохранная прокуратура, 2007 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.0-1.ru/discuss/?id=15913> (дата обращения: 10.04.2020).

УДК 343.985

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10066

Черкашин Роман Николаевич,

заместитель начальника

Восточно-Сибирского института МВД России (по организации службы)

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОВОКАЦИИ В СЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается понятие и сущность провокации с исторической точки зрения, различные подходы к её толкованию и пониманию роли в борьбе с преступностью, сложившиеся проблемы проведения полицейского сыска, её становление в царской полиции, проблемы соотношения и разграничения оперативного эксперимента и провокации.

Ключевые слова: провокация преступлений, политическая провокация, историко-правовой анализ, полицейский агент, провокатор, оперативно-сыскная деятельность, тайная полиция, жандармерия, революционное движение.

Cherkashin Roman Nikolaevich,

Deputy Chief of East-Siberian Institute of the MIA of Russia

(for organization of the security service)

HISTORICAL ASPECT OF PROVOCATION IN THE DETECTIVE WORK OF THE POLICE

Abstract. The article examines the concept and essence of provocation from a historical point of view, various approaches to its interpretation and understanding of the role in the fight against crime, the existing problems of conducting police investigation, its formation in the tsarist police, the problems of correlation and differentiation of operational experiment and provocation.

Keywords: provocation of crimes, political provocation, historical and legal analysis, police agent, provocateur, operational and investigative activities, secret police, gendarmerie, revolutionary movement.

Рассмотрение любого явления без достаточного изучения накопленного опыта, без знания его истории не будет иметь под собой научного обоснования. Любые закрепленные нормы и обычаи в обществе представляют определенный интерес для современных ученых и исследователей с целью изучения, а в дальнейшем проведении анализа истории их возникновения, формирования и развития. Именно они, на наш взгляд, способствуют правильному восприятию и пониманию всех стадий создания правовых норм, потребность и необходимость в которых сложилась исторически в том или ином общест-

ве, содействуют выработке определенных инструментов управления и правового регулирования, что является характерным и к институту провокации в сыскной деятельности полиции Российского государства.

Любые изменения происходят на заранее подготовленной платформе по написанному для этих перемен сценарию с учетом норм, обычаев, традиций и уже приобретенного опыта и образа жизни. С уверенностью можно утверждать, что реки прошлого постепенно перетекают в будущее, и какими бы узкими и неглубокими они нам ни казались, они объективно помогают оценить обстановку, в которой будут происходить или уже происходят изменения.

С учетом этих познаний история провокации в трехмерном изображении предстает перед исследователями, чтобы полнее и объективнее изучить и понять эту проблему.

Исследование понятия и сущности провокации с исторической точки зрения, в настоящей статье преследует следующие цели: во-первых, рассмотрения генезиса данного института и анализ его развития; во-вторых сравнение становления провокации в различные временные периоды в целях выявления, изучения исторического опыта в рамках закона провокации способствующей решению задач сыскной деятельности при проведении розыскных мероприятий. И в-третьих изучение эффективности правоприменительной практики, границ провокации в рамках действовавшего законодательства и её допустимости в полицейской деятельности.

Кроме того, сравнительный историко-правовой анализ провокации в деятельности полиции в различные временные периоды представляет определенный интерес ещё и потому, что позволяет выявить предпосылки, необходимость её проведения в отечественном сыском и оперативно-розыском законодательстве в различные годы и этапы развития.

Сейчас уже сложно и практически невозможно установить документы, в которых впервые упоминается слово «провокация» и то, какое значение ему придавалось изначально.

На данный момент нет единого подхода к пониманию термина «провокация». Смысл этого понятия можно понимать совершенно по-разному, так же, как, условно говоря, подразумеваем «позитивные» значения «здоровье», «политика», «законность» и т. д. или же «негативные» — «угроза», «война», «ловушка» и т. д. Однако, стоит отметить, что значение слова «провокация» в сознании большинства людей чаще всего ассоциируется с негативным оттенком.

Однако рассматривая провокацию через призму историко-правового анализа как явления, мы видим, что изначально в трактовку самого понятия была заложено значение, которое несло, прежде всего, юридический смысл.

Полный Церковно-славянский словарь XIX в. протоирея Григория Дьяченко под провокацией подразумевает значение, как обращение к выс-

шему суду. [1, с. 506] В толковый словарь Даля в то время слово «провокация» еще не было включено. [2, с. 60] Вместе с тем в дореволюционной России, позаимствованный во Франции и занявший прочное место вооруженный поединок, имеющий целью смыть кровью оскорбление за нанесенную обиду и урон чести, трактовал значение провокации, как вызов на дуэль. [3] В XIX в. во Франции зарождается понятие полицейской провокации, главная роль в которой определена тайному полицейскому агенту, или *agent provocateur*, который специально нелестно отзывается о правительстве, чтобы своими действиями выявлять собеседников единомышленников, недовольных правительством, и доносить на них.

«...Во второй половине XIX века в России в стремительно развивающемся обществе, наполненном революционными идеями, в которое входили разночинцы и выкресты, словосочетание „полицейский провокатор“ принимает форму разговорного, отчасти жаргонного языка в обществе российских аристократов и интеллигентов. Впоследствии данный термин обретает уже во всяких разговорах в обществе ярко выраженную негативную окраску. На рубеже XIX и XX веков в России полицейский провокатор (провокатор охраны) становится полноправным действующим лицом борьбы с подпольщиками, ведущими антиправительственную и революционную деятельность» [4, с. 60].

В разрезе исследуемой проблемы, связанной с изучением исторических аспектов, становлению полицейской провокации в дореволюционной России, необходимо уделить должное внимание рассматриваемому вопросу провокации в деятельности царской полиции и использовании приемов в агентурно-оперативной работе сыскных отделов полиции.

В результате изучения и анализа архивных документов, исторической и научной литературы, в которых упоминаются понятия полицейской провокации и методов провокационной деятельности, представляется возможным сделать вывод о негативном восприятии значения этих слов. Полагаем, что немаловажно обратиться к воспоминаниям бывшего начальника Московского охранного отделения А. П. Мартынова, который, как нам представляется, достаточно правдоподобно и понятно рассказывает о бытующих в его время взглядах граждан на «полицейскую провокацию»: «В России к понятию „провокация“ относились весьма неопределенно и с предубеждением. Шло это, естественно, из тех левых кругов, которые видели провокацию во всем, что бы ни исходило от правительства и его агентов. Всякий, сотрудничающий с Министерством внутренних дел (тем более с Департаментом полиции и подавно) был „провокатором“... Все лица, по каким бы то ни было побуждениям сообщавшие правительству о лицах, активно работавших в революционном подполье, были „провокаторами“. Всё так или иначе враждебное или просто оппозиционное склоняло „провокацию“ на все лады» [5. с. 217].

Провокация преступления в истории дореволюционной России, безусловно, ассоциировалась с деятельностью полиции. В сложившихся условиях полиция откровенно использовала методы провокации в борьбе против активных участников, лидеров революционного движения и ярых противников царского режима. В истории российского государства политическая провокация была выражена ярким извращением зеркальных отражений противоречий политических взглядов, вражде идеологий и настроений в обществе, в то беспокойное, смутное время... Зависть, беднота, озлобление и жестокость народа, всевозможное натравливание, и конечно же, подстрекательство в полицейской деятельности, которая велась скрыто, законспирированно, как невидимый посторонним взглядом призыв к насилию и уничтожению ненавистного правящего режима, выступая в форме открытых противостояний из-за общественных интересов, непримиримых идей, внедренных в сознание враждующих сторон. Провокация преступлений со стороны государственных органов только увеличивала степень накала, историческая непримиримость классово-борьбы нарастала.

В 1826 г. в Российской империи было создано крупное самостоятельное подразделение полицейского надзора и сыска, имевшее яркий политический окрас своей деятельности — Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии.

Жандармерия стала «тёмной» силой, вооруженной армией находящейся в непосредственном подчинении третьего отделения. Жандармская полиция довольно успешно играла роль «первой скрипки» в политических провокациях.

Жандармерия активно набирала обороты своей «шпионской» деятельности и уже беспринципно вмешивалась в жизнь общества, не ограничиваясь только расследованием дел с политическим уклоном и собиранием информации. Так, впервые в истории Министерства внутренних дел органы политического сыска создали свой исполнительный орган. В скором времени жандармская организация окутала в свою «паутину» широкие просторы России, и поистине стала бедствием народа.

Затем, уже в 1880 г. охранные отделения, или отделения по охранению общественной безопасности и порядка стали специализированной тайной полицией, занимавшейся политическим надзором и сыском на новом историческом этапе.

Жандармский полковник и надворный советник Сергей Васильевич Зубатов начинал с должности полицейского агента. В революционной среде, зная эту сыскную работу изнутри, понимал, что жесткие меры государства против отдельных активистов и революционных организаций приводят к противоположным результатам, озлобляют противника. Сам Зубатов вошел в историю как внедривший в рабочую среду «полицейского социализма», так называемой зубатовщины, как эффективного средства противодействия ре-

волюционной агитации и антиправительственным настроениям. Провокатор этот был своего рода мастер «перевоплощения», имел много масок, вёл «двойную» игру, лицемерил. Как правило, он вел себя, как простой наблюдатель, доносчик, никого не провоцировал на преступные действия, однако и сам не принимал никакого активного участия. Он, словно губка, «впитывал» значимую информацию, тайно наблюдал за фигурантами, с которыми общался и регулярно доносил всю собранную информацию в своих сообщениях. Охранка агентов такого плана условно называла между собой «вспомогательными», т. к. они имели второстепенное значение.

В политической истории России начало XX столетия сложилось как достаточно сложный период. Нарастание антиправительственных сил, разжёгших пожар первой русской революции, вынудило руководителей центрального аппарата политической полиции выработать новые методы, направленные на борьбу с революционными массами. В новых условиях постепенно произошло реформирование структуры местных охранительных учреждений, совершенствование организационных функций и основных приемов розыскной деятельности, начали создаваться новые подразделения.

Министр внутренних дел Российской империи В. К. Плеве 12 августа 1902 г. подписал приказ, в соответствии с требованиями которого, так называемая тайная полиция создавались там, где зарождались антиправительственные организации, усиливалось революционное настроение. [6. с.]

Начиная с 1902 г. практически во всех крупных городах Российской империи: в Вильно, Екатеринославе, Казани, Киеве, Одессе, Саратове, Тифлисе, Харькове, Перми, Нижнем Новгороде, Симферополе; годом позже в Ростове-на-Дону, Полтаве, Кишиневе, Уфе, Томске, Иркутске и Красноярске «тайная полиция» разворачивает активную деятельность, в которой используются методы провокации преступлений.

Подводя итог, считаем необходимым сказать, что вопросы провокации нуждались в тщательной проработке законодательными органами. Провокация преступления по своей природе во многом схожа с подстрекательством, в частности, по таким признакам, как совместное участие в деянии двух или более лиц, некоторая договоренность между ними, действия лиц, подразумевающие подкуп, уговоры, угрозы, обман и т. п., в результате совместных действий совершается одно или более преступлений. Безусловно, такие противозаконные действия полицейских политического сыска не только очерняли имидж фискальных органов, но и вносили сомнение в законность действий правоохранительных органов Российского государства, что в дальнейшем сказывалось на форсированном процессе по формированию отрицательного мнения о политическом сыске в целом. Доктор исторических наук З. И. Перегудова, ведущий специалист в области изучения истории политического сыска, совершенно верно подмечает: «Вопрос о „провокаторах“ и о провокационной деятельности секретной агентуры настолько сложен, что требует

специальных изысканий. Здесь же можно лишь сказать, что позиция Департамента полиции и Министерства внутренних дел по этому вопросу не оставалась неизменной. Не было единства взглядов по отношению к провокаторству и внутри Департамента и Министерства внутренних дел. Эти разногласия существенно влияли на постановку всей розыскной работы Департамента» [7, с. 6].

Осуждение методов работы царской полиции, привлечение к ответственности провокаторов и попытки искоренения провокаций в работе правоохранительных органов не снизили накала по данному вопросу. Проблема провокации преступления продолжала оставаться актуальной и в советский период. Ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа появится только в 1996 г. с введением нового уголовного закона. Статья 304 современного уголовного закона впервые помещена в главу о преступлениях против правосудия. Длительное отсутствие нормативного регулирования провоцирующего поведения не могло не сказаться на развитии института провокации в уголовном праве. В настоящий момент продолжает существовать множество дискуссионных вопросов, связанных с пониманием существа провокации преступления в уголовном праве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Полный церковно-славянский словарь: словарь: [16+] / сост. Дьяченко Григорий (прот.). — М.: БММ (Бертельсманн Медиа Москау), 2013. — 506 с. — Режим доступа: по подписке. — URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=481084> (дата обращения: 10.06.2020). — ISBN 978-5-88353-562-7.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В. И. Даль; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ; [науч. ред. Л. В. Беловинский]. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. — 573 с.
3. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь: современная версия / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — М.: Эксмо, 2002. — 672 с.
4. Сысоев Н. Г. Тайный сыск России: От жандармов до чекистов / Н. Г. Сысоев. — М., 2005. — 510 с.
5. Мартынов А. П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов / А. П. Мартынов // Охранка: Воспоминания руководителей охранных отделений. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — Т. 2. — 512 с.
6. ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области). Ф. 916. Оп. 3. Ед. хр. 77. Совершенно секретные циркуляры Департамента полиции о порядке ведения политического розыска и комплектовании штата секретных сотрудников охранных отделений.
7. Перегудова З. И. Политический сыск России. 1880—1917 / З. И. Перегудова. — М.: РОССПЭН, 2000. — 432 с.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10067

Чиненов Алексей Владимирович,
преподаватель кафедры ОРД
Белгородского юридического института
МВД России имени И. Д. Путилина;

Новоселов Николай Георгиевич
старший преподаватель кафедры ОРД
Белгородского юридического института
МВД России имени И. Д. Путилина

К ВОПРОСУ УСТАНОВЛЕНИЯ ВЛАДЕЛЬЦА АБОНЕНТСКОГО НОМЕРА СОТОВОЙ СВЯЗИ

Аннотация. В статье рассматривается деятельность крупных операторов мобильной связи по установлению принадлежности номеров сим-карт конкретным лицам, а также условия и способы блокировки сим-карт сотовыми компаниями. В статье обращено внимание на некоторые правила реализации сим-карт, авторами приводится статистическая информация о деятельности по пресечению незаконной реализации сим-карт. В статье проанализированы вопросы деятельности операторов сотовой связи по установлению принадлежности, блокировки и реализации сим-карт.

Ключевые слова: средств мобильной связи, операторы сотовой связи, абонент, сим-карта, реализация сим-карт.

Chinenov Aleksey Vladimirovich,
lecturer of the Department "ORD"
of the Belgorod Law Institute
of the MIA of Russia named after I.D. Putilin;

Novoselov Nikolay Georgiyevich,
Senior lecturer of the Department "ORD"
of the Belgorod Law Institute of the MIA
of Russia named after I. D. Putilin

TO THE QUESTION OF ESTABLISHING OWNERSHIP OF A SUBSCRIBER NUMBER OF CELLULAR COMMUNICATION

Abstract. The article discusses the activities of major mobile operators to determine whether SIM card numbers belong to specific individuals, as well as the conditions and methods for blocking SIM cards by mobile companies. The article draws attention to some rules for the implementation of SIM cards, the authors provide statistical information on the activities to prevent the illegal sale of SIM cards. The article the issues of mobile operators' activity in establishing the ownership, blocking and implementation of SIM cards are analyzed.

Keywords: mobile communications, mobile operators, subscriber, SIM card, implementation of SIM cards.

Сегодня научно-технический прогресс развивается ускоренными темпами. Сфера информационно-телекоммуникационных технологий не является исключением. Не остались в стороне от модернизации и средства мобильной связи, которые в результате генезиса преобразовались из примитивных стационарных аппаратов в телефоны на платформах IOS и Android (производительные и многофункциональные устройства), обладающими функциями не только телефона, но и компьютера, факса и многими другими. Совокупность этих свойств и функций мобильных устройств открывают широкие перспективы для реализации преступниками своих противоправных замыслов [1, с. 328—333].

Проблематикой преступлений, совершаемых при помощи средств сотовой связи, в той или иной степени занимались А. А. Беляков, В. Б. Вехов, С. В. Власова, С. Н. Колотушкин, Ю. А. Ковтун, И. В. Лазарева, Д. Н. Лозовский, В. В. Лунеев, А. С. Малахов, В. А. Мещеряков, А. А. Нуждин, А. П. Подшивалов, Д. Н. Рудов.

Преступления, совершённые с использованием или применением средств мобильной связи (мошенничества или кражи), являются преступлениями новой формации — дистанционными. При их совершении преступник не вступает в непосредственный контакт с гражданином, но при этом вводит лицо в заблуждение и завладевает его денежными средствами под различными предложениями и с использованием разнообразных преступных схем [2, с. 98].

Так, за 10 месяцев 2019 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 205 тыс. 116 преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, из которых 78 тыс. 479 совершены с использованием или применением средств мобильной связи, что на 90,7 % больше, чем было зарегистрировано за аналогичный период прошлого года. К уголовной ответственности за совершение данных видов преступлений привлечено 8 тыс. 299 лиц. Вопросы противодействия преступлениям, совершённым с использованием или применением средств мобильной связи, являются особо актуальными, т. к. за рассматриваемый период 53 тыс. 954 преступления остаются нераскрытыми.

Численность населения в Российской Федерации составляет около 147 млн человек. С 2008 г. российские операторы сотовой связи суммарно продали 1,1 млрд сим-карт, а общее число абонентов сотовой связи сегодня в стране — более 255 млн. На рынке услуг сотовой связи работает более ста операторов мобильной связи. Наибольшее число абонентов остается у операторов: «МТС» — 78 млн абонентов (31 % рынка), далее следует «МегаФон» — 75,2 млн (29 % рынка). У «Вымпелкома», работающего под брендом

«Билайн», зарегистрировано 55,25 млн абонентов (22 % рынка), Tele2 — 44,05 млн абонентов (17 % рынка). Остальные операторы делят около 1 % рынка. Кроме этого операторами сотовой связи продается более 100 млн сим-карт в год.

Абонентские номера сотовой связи используются преступниками в первую очередь для проведения следующих действий:

1. Набора телефонных номеров потенциальных потерпевших, а также отправки СМС-сообщений, в которых содержится ложная информация.
2. Перевода денежных средств, которые впоследствии обналичиваются.
3. Общения с соучастниками и другими лицами, участвующими в мошеннической схеме.

Раскрытие любого преступления, совершённого с применением средств мобильной связи, начинается с идентификации владельца сим-карты, которая принадлежит преступнику, и номер которой был использован для осуществления звонка потерпевшему. И здесь сотрудники органов внутренних дел сталкиваются с первыми трудностями, так как в 99 % случаев телефонным номером пользуется совершенно другое лицо, не указанное в регистрации сим-карты [3, с. 107—112].

Проведенный анализ совершённых мошенничеств на территории г. Белгорода за 9 месяцев 2019 г. позволил нам прийти к выводу о том, что преступники для своей противоправной деятельности использовали сим-карты:

- зарегистрированные на предприятия (корпоративные);
- оформленные сотрудниками операторов сотовой связи с фальсифицированной или искаженной информацией о данных владельца;
- без персональных данных об их владельце.

Встречаются единичные случаи, когда преступники использовали сим-карты, оформленные на своих знакомых или близких родственников.

Ранее сим-карты можно было купить в свободной продаже без предъявления документов, удостоверяющих личность, но с 2014 г. в Федеральном законе Российской Федерации от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» введен запрет на продажу сим-карт без предъявления покупателем документов, удостоверяющих его личность, для составления договора.

Также Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 13.30 КоАП РФ) с 2014 г. введена ответственность за невключение сведений об абоненте в договор «Об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи», а также за указание в договоре недостоверной информации об абоненте. Штраф за подобные деяния (правонарушения) для юридического лица может достигать 200 тыс. руб., для должностного лица — 50 тыс. руб.

Необходимость таких принимаемых мер со стороны государства объясняется усилением борьбы с преступностью, в первую очередь с террориз-

мом и мошенничеством. Но, к сожалению, нужно констатировать факт, что принятые меры не дали положительных результатов, и операторы мобильной связи продолжали продавать сим-карты без каких-либо документов и без оформления договоров. Зачастую договоры вообще заключались не только с гражданами, которым ничего не было известно об этом договоре, но и с несуществующими лицами.

В соответствии с изменениями и дополнениями в Федеральном законе Российской Федерации от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» с 1 июня 2018 г. сим-карты могут быть заблокированы, если не будут подтверждены персональные данные пользователя или неидентифицирована его личность. Это очередная попытка государства навести порядок в данной сфере и еще более ужесточить правила приобретения и использования мобильных сим-карт.

Оператор сотовой связи может потребовать, чтобы пользователь подтвердил достоверность своих персональных данных, содержащихся в абонентском договоре. Для этого дается 15 дней на то, чтобы он мог прийти в любое отделение сотовой компании и предъявить идентифицирующий документ (в основном паспорт). Если пользователь не выполнит предъявляемые требования, то компания сотовой связи обязана прекратить оказание услуг телефонной связи в отношении «серого» клиента (п. 1 ст. 46 Федерального закона Российской Федерации от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»).

В свою очередь, юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель при использовании корпоративных тарифов мобильной связи обязаны предоставить оператору сведения о каждом фактическом пользователе. При этом не требуется согласие таких пользователей на передачу их персональных данных оператору. В случае ликвидации юридического лица или прекращения деятельности индивидуального предприятия абонентские номера, выделенные таким абонентам, могут быть переоформлены на фактического пользователя путем заключения с ним соответствующего договора об оказании услуг связи [4, с. 48].

Кроме того, при составлении новых договоров об оказании услуг сотовые операторы обязаны не только внести в них персональные данные абонента, но и проверить их подлинность. В настоящее время они получили доступ к специальной «Единой системе идентификации и аутентификации» (ЕСИА), а также могут уточнить информацию на портале государственных услуг Российской Федерации.

По мнению специалистов, около 25 % сим-карт, зарегистрированных на территории России, имеют «серое» происхождение. При этом работа по персонализации сим-карт ведется операторами сотовой связи неактивно и непостоянно. Поэтому процесс их идентификации и легализации, скорее всего, будет долгим.

Также блокировка сим-карт операторами сотовой связи возможна при следующих условиях:

- при получении оператором сотовой связи соответствующего предписания Роскомнадзора;
- при получении запроса от оперативно-розыскных органов;
- если это необходимо для пресечения преступления, которое может совершиться с использованием телефонной связи.

Оператор получает запрос от уполномоченных организаций. После чего у него есть три дня на запрос персональных данных у абонента. Оператор связи обязан направить абоненту запрос с требованием подтвердить соответствие персональных данных фактического пользователя сведениям, заявленным в договоре, с указанием даты прекращения оказания услуг связи. Оператор сотовой связи повторно информирует абонента о прекращении оказания услуг связи, но не позднее чем за трое суток до его прекращения в случае неподтверждения соответствия персональных данных одним или несколькими из следующих способов:

- путем отправки сообщения с использованием справочно-информационной службы оператора связи, в том числе автоинформатора;
- путем отправки СМС-сообщения (этот способ является обязательным для уведомления абонентов, которые являются физическими лицами);
- с использованием сети Интернет (путем отправки сообщения по электронной почте либо уведомления с использованием личного кабинета абонента).

Нами проведен мониторинг сети Интернет с целью ознакомления со статистическими данными и результатами деятельности крупных операторов мобильной связи по установлению принадлежности номеров сим-карт к конкретным лицам, но нигде такие данные обнаружены не были. Скорее всего, данная работа велась в первые месяцы после внесения дополнений в Федеральный закон, а впоследствии пошла на убыль или полностью прекратилась. Кроме этого продолжается продажа операторами сотовой связи сим-карт с нарушением действующего законодательства [5, с. 162—168].

Основными функциями по контролю и надзору за деятельностью операторов сотовой связи осуществляет орган исполнительной власти Российской Федерации — Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Сегодня данная служба проводит активную и эффективную деятельность, в том числе в сфере реализации сим-карт сотовыми операторами. Ими совместно с МВД России на постоянной основе проводятся мероприятия в данном направлении [8, с. 49].

Так, в первом полугодии 2019 г. проведено 1 тыс. 61 контрольное мероприятие по пресечению незаконной реализации сим-карт операторов мобильной связи. Наибольшее количество рейдов проведено на территориях Приволжского (291), Центрального (206) и Северо-Западного (143) федеральных округов.

По итогам проведенных мероприятий изъято более 32,8 тыс. незаконно распространяемых сим-карт. Из них 14 тыс. 720 сим-карт принадлежало ПАО «Вымпелком», 9 тыс. 705 — ПАО «МТС», 3 тыс. 491 — ПАО «МегаФон», 3 тыс. 516 — ООО «Теле-2» и 1 тыс. 412 — другим операторам связи. В отношении нарушителей составлено 409 протоколов об административных правонарушениях.

Большинство нарушений связано с продажей сим-карт без заключения договора и без предъявления покупателем документа, удостоверяющего личность, а также с заключением договора об оказании услуг связи неуполномоченным лицом.

Кроме того, по результатам работ по противодействию незаконной реализации сим-карт в Интернете в первом полугодии выявлено 343 признака нарушений. Уведомления о них направляются в МВД России для принятия мер в рамках возложенных полномочий при подтверждении нарушения¹.

По нашему мнению, для активизации деятельности операторов сотовой связи по идентификации личности владельцев сим-карт необходимо внести дополнение в Федеральный закон Российской Федерации от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», в котором нужно обязать операторов ежеквартально отчитываться перед Роскомнадзором о проделанной работе в данном направлении [6, с. 102—106].

Также необходимо обратить внимание на некоторые проблемные вопросы взаимодействия сотрудников органов внутренних дел и операторов сотовой связи. В своей ежедневной практической деятельности у оперативных сотрудников органов внутренних дел возникает необходимость установить владельца сим-карты. При отсутствии такой информации в базах данных полиции они вынуждены с соответствующим запросом обращаться к операторам сотовой связи. Исполнение запросов данными организациями осуществляется в течение 30 суток. Естественно, указанные сроки не могут позволить сотрудникам органов внутренних дел быстро и качественно выполнять свои обязанности, т. к., например, срок проверки по заявлению гражданина составляет трое суток, а при совершении особо тяжкого преступления такая информация необходима немедленно. Отсюда им практически постоянно приходится решать данный вопрос посредством личного контакта, а не в рамках правового поля [7, с. 142—148].

В соответствии с п. 13 постановления Правительства Российской Федерации от 27 августа 2005 г. № 538 «Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность» (далее — Правила), информационные системы, содержащие базы данных операторов сотовой связи, а также технические средства подключаются оператором связи

¹ Роскомнадзор: офиц. сайт [Электронный ресурс]. — URL: <https://rkn.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2020).

к пункту управления органа Федеральной службы безопасности России (далее — ФСБ) через точки подключения. Точки же подключения в субъектах Российской Федерации определяются ФСБ.

Оборудование техническими средствами подключения территориальных органов МВД России никаким образом не закреплено законодательно и решается, как правило, в заключении отдельных соглашений с ФСБ на уровне субъектов Российской Федерации по усмотрению руководителей. Такие точки подключения в субъектах Российской Федерации находятся в подразделениях специально-технических мероприятий и отсутствуют в территориальных органах МВД России, что не позволяет им оперативно, а иногда и в полном объеме получать нужную информацию.

По нашему мнению, необходимо:

1. Оборудовать территориальные органы МВД России точками подключения к пункту управления ФСБ в режиме реального времени для получения сведений о владельце абонентского номера сотовой связи.

2. Обязанности по работе с базами данных операторов сотовой связи возложить на подразделения оперативно-розыскной информации территориальных органов МВД России.

3. Определить для этих целей специальных сотрудников и рабочие места.

Подводя итог, необходимо отметить, что в практической деятельности установление владельца абонентского номера является отправной точкой для выдвижения версий и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Указанные данные помогут не только минимизировать задействование (привлечение) использования сил и средств органов внутренних дел, но и в короткий срок раскрыть преступление, совершённое с использованием мобильного телефона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бойцов Ю. М.* Проблемы проверки, выявления и раскрытия мошенничества с использованием мобильных средств связи / Ю. М. Бойцов // Вестник С.-Петербургского университета МВД России. — 2016. — № 2. — С. 107—112.

2. *Гилязов Р. Р.* Методика организации раскрытия и расследования преступлений, связанных с телефонным мошенничеством: метод. рек. / Р. Р. Гилязов. — М.: ДГСК МВД России, 2015. — 48 с.

3. *Клименко А. К.* Актуальные проблемы практики расследования мошенничеств с использованием средств связи / А. К. Клименко // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2016. — № 3. — С. 162—168.

4. *Машлякевич В. А.* К вопросу о структуре и содержании криминалистической характеристики мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи / В. А. Машлякевич // Алтайский юридический вестник. — 2016. — № 2. — С. 102—106.

5. *Отчет о научно-исследовательской работе.* Расследование преступлений с использованием средств мобильной связи. — Белгород: Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина, 2017. — 98 с.

6. *Чиненов Е. В., Воронов С. С.* Информационные технологии в системе криминалистического обеспечения раскрытия и расследования экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта / Е. В. Чиненов, С. С. Воронов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 4 (44). — С. 328—333.

7. *Черепанов Г. Г.* Оперативно-розыскная характеристика мошенничеств, совершаемых с использованием мобильных средств связи и её основные элементы // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2017. — № 1. — С. 142—148.

8. *Яджин Н. В., Егоров В. А.* Особенности расследования корыстных преступлений, совершаемых с использованием средств сотовой связи / Н. В. Яджин, В. А. Егоров. — Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2016. — 49 с.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.13

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10068

Гаврилов Борис Яковлевич,

профессор кафедры управления органами
расследования преступлений

Академии управления МВД России,

доктор юридических наук, профессор,

заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ

МИФЫ И РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы современного состояния и предложения по совершенствованию российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего стадии возбуждения и расследования уголовных дел, как в форме предварительного следствия, так и дознания, и их роли в борьбе с преступностью. На основе статистических данных о результатах расследования уголовных дел и их рассмотрения судами с позиции обеспечения качества и сроков предварительного расследования, состояния законности, а также результатов исследования указанных проблем, другими российскими учеными показано, что рассматриваемые в настоящей статье вопросы вызывают как научный, так и прикладной интерес. В публикации также рассмотрены причины и условия значительного снижения за последние десятилетия эффективности обеспечения правоохранительными органами конституционного права граждан на доступ к правосудию и возмещению причиненного им ущерба, что препятствует должной реализации назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: следователь, дознаватель, прокурор, уголовное дело, качество расследования, законность, процессуальные сроки, предъявление обвинения, заключение под стражу, протокольная форма расследования.

Gavrilov Boris Yakovlevich,

Professor of the Department of Management
of Crime Investigation Agencies

Academy of Management of the MIA of Russia,

Doctor of Law, Professor,

Honored Scientist of the Russian Federation,

Honored Lawyer of the Russian Federation

MYTHS AND REALITIES OF MODERN RUSSIAN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Abstract. The article examines the problems of the current state and proposals for improving the Russian criminal procedural legislation governing the stages of initiation and investigation of criminal cases both in the form of prelimi-

nary investigation and inquiry and their role in the fight against crime. Based on statistical data on the results of the investigation of criminal cases and their consideration by the courts from the standpoint of ensuring the quality and timing of the preliminary investigation, the state of legality, as well as the results of the study of these problems by other Russian scientists, it is shown that the issues considered in this article are of both scientific and applied interest. The publication also discusses the reasons and conditions for a significant decrease over the past decades in the effectiveness of law enforcement agencies providing the constitutional right of citizens to access to justice and compensation for damage caused to them, which hinders the proper implementation of the purpose of criminal proceedings.

Keywords: investigator, interrogating officer, prosecutor, criminal case, quality of investigation, legality, procedural terms, indictment, detention, protocol form of investigation.

Низкая эффективность современного досудебного производства автором рассматривается как с точки зрения практика, посвятившего более 30 лет следственной работе¹, так и с позиции ученого-процессуалиста, а также как представителя Следственного комитета при МВД России (сегодня — Следственного департамента), который в период с 1997 по 2007 гг. входил в рабочую группу при Комитете по законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по подготовке проекта УПК РФ ко второму и третьему чтениям и мониторингу в последующие годы после его принятия, по результатам которого в Уголовно-процессуальный кодекс были внесены весьма значительные изменения, обусловленные, с одной стороны, стремительными темпами развития отдельных институтов государства и общества, а с другой, — требованиями об обеспечении законодателем прав и интересов участников уголовного процесса и особенно в ходе досудебного производства.

Многие из этих требований обуславливали, фактически начиная с момента вступления в действие УПК РФ, и сегодня обуславливают необходимость реформирования его основных институтов. При этом следует учитывать, что определяющим в этом процессе является потребность в разработке концепции предварительного расследования, речь о которой идет на протяжении последнего десятилетия. По мнению как автора, так и других ученых-процессуалистов, эта концепция должна включать в себя ряд принципиальных изменений, затрагивающих непосредственно такие институты, как возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения, упрощенную форму расследования преступлений небольшой тяжести, а также уголовных проступков, введение которых активно лоббируется как Верховным судом Российской Федерации, так и значительной частью российских ученых, представляющих одновременно уголовное и уголовно-процессуальное право. Эта

¹ До 2007 г. автор занимал должность заместителя начальника Следственного комитета при МВД России.

концепция должна принципиально отличаться от современной модели досудебного производства.

В качестве одной из научно-прикладных задач в её разработке автору видится необходимость «слома» таких атрибутов современного уголовно-процессуального законодательства, как заформализованность и забюрократизированность в первую очередь его досудебных стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, следствием чего является, по нашему мнению, значительное снижение за два последних десятилетия (с 36 % в 1999 г. до 23 % в 2019 г.) доли направленных следователями органов внутренних дел в суд уголовных дел из общего количества ими возбужденных [1].

Как практик, с которым солидарны абсолютное число сотрудников органов предварительного следствия, автор среди основных причин снижения эффективности уголовного судопроизводства видит и внесенные за последние 18 лет действия уголовно-процессуального закона изменения в него почти 260-ю федеральными законами, тем более что часть этих законодательных новаций носила несистемный характер. Одновременно не следует отрицать и того факта, что принятие многих из них обуславливалось потребностями правоприменительной практики.

При этом автор публикации считает вполне допустимым напомнить и правоприменителям, и представителям научного сообщества, критикующим сложившуюся негативную практику внесения в действующий уголовно-процессуальный закон столь значительного количества изменений, что причиной многих из них явились компромиссные решения представителей законодательной власти в период подготовки проекта УПК РФ и его принятия во втором и третьем чтениях, что автор публикации наблюдал «своими глазами» и против чего неоднократно высказывался как на заседаниях указанной выше рабочей группы, так и в мае 2001 г. при обсуждении в Комитете по законодательству Государственной думы Российской Федерации готовности данного законопроекта ко второму чтению. Одновременно законодатель отказался от включения в проект УПК РФ ряда конкретных предложений автора (в части изменения процессуальных правил начала расследования, отмены института предъявления обвинения и ряда других, что было реализовано в последующие годы [2]. Негативно повлияли на эти процессы также имевшие место после принятия УПК контрреформы его отдельных норм [3].

Одновременно с этим следует учитывать, что значительное количество внесенных в УПК РФ поправок детерминировалось их востребованностью со стороны правоприменителей в лице следователей, дознавателей, прокуроров и непосредственно судейского сообщества.

Имевшие место изменения были predeterminedены в первую очередь введением в Уголовно-процессуальный кодекс новых для него правовых институтов, а также назревшей за эти годы необходимостью реорганизации ряда процессуальных правил действующего УПК РФ. Многие из внесенных изменений носили, по мнению автора, весьма своевременный характер. И более

того, на необходимости их наличия в российском уголовно-процессуальном законодательстве нами отмечалось еще в конце 90-х — начале 2000-х гг., а также в последующие после принятия Уголовно-процессуального кодекса годы.

Основные из этих изменений заключались в следующем:

— во-первых, в выводе следователей Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ из состава органов прокуратуры с последующим созданием Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ на этой основе самостоятельного Следственного комитета Российской Федерации и передачей в подследственность его следователей дополнительных составов преступлений, ранее расследованных следователями органов внутренних дел (в последующем планировалось значительное расширение подследственности следователей Следственного комитета за счет реорганизации органов расследования (предварительного следствия и дознания) в системе МВД России; однако в силу ряда обстоятельств дальнейшая реформа по созданию в Российской Федерации единого следственного аппарата, предусматривающая совершенно иной процессуальный статус следователя (по аналогии с судебным следователем по реформе российского процессуального законодательства 1860—1864 гг.), была приостановлена);

— во-вторых, продолжая реформу предварительного следствия, названным выше Федеральным законом № 87-ФЗ от прокурора руководителю следственного органа были переданы полномочия по процессуальному руководству следователями (по УПК РФ в редакции 2001 г. — начальник следственного отдела) (одновременно за прокурором были сохранены надзорные полномочия за следственными органами, а также в полном объеме полномочия по процессуальному руководству и надзору за расследованием в форме дознания);

— в-третьих, принципиально важным в реформе 2007 г. было и исключение из УПК РФ процессуального правила о необходимости согласования постановления следователя, дознавателя, органа дознания о возбуждении дела с прокурором, а также право последнего на самостоятельное возбуждение дела (на необходимости внесения данных изменений автор, наряду с другими учеными и практическими сотрудниками правоохранительных органов, настаивал на протяжении всего периода с момента его принятия) [4];

— в-четвертых, было реализовано и другое, не менее значимое для правоприменительной практики расследования преступлений, отнесенных к подследственности органов дознания, введение Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ в УПК РФ на стороне обвинения такого участника уголовного процесса, как начальник специализированного подразделения дознания, а в ходе дальней реформы органов дознания Федеральным законом от 30.12.2015 № 440-ФЗ в состав участников уголовного процесса был включён и начальник органа дознания, на чем автор настаивал еще при подготовке проекта нового УПК;

— в-пятых, значительным шагом в совершенствовании досудебного производства явилось существенное расширение Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ перечня следственных и иных процессуальных действий (более 10-ти), которые следователь, дознаватель, орган дознания сегодня могут осуществить на стадии возбуждения уголовного дела в ходе проверки заявления, сообщения о совершённом или готовящемся преступлении, на чем практики настаивали на протяжении многих лет, а законодатель, в свою очередь, пытался решить эту проблему еще при принятии УПК РФ, допустив возможность производства до возбуждения уголовного дела осмотра места происшествия, освидетельствования и назначения экспертизы, однако реализовать два последних не представилось возможным из-за ошибки законодателя в формулировании условий их производства;

— в-шестых, необходимость реализации требований Европейского суда по правам человека по делу «Бурдов против Российской Федерации» и «Бурдов-2 против Российской Федерации», что потребовало от законодателя необходимость включения Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ в УПК РФ института о разумном сроке уголовного судопроизводства (глава 6¹ УПК РФ) с последующим внесением в данную норму изменений четырьмя федеральными законами, в том числе и в целях необходимости реализации ряда постановлений Конституционного суда Российской Федерации в части уточнения начала исчисления разумного срока уголовного судопроизводства;

— в-седьмых, во введении в УПК РФ института досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40¹ УПК РФ), сокращенной формы дознания (глава 32¹ УПК РФ) и реализации ряда других нововведений [5].

Как отмечено выше, отдельные нормы УПК РФ содержат переходные положения, как результат компромисса между депутатами Государственной Думы Российской Федерации, с одной стороны, и отдельными правоохранительными органами, с другой. Так, в соответствии с переходными законами от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ и от 24 декабря 2001 г. № 183-ФЗ по инициативе Генеральной прокуратуры Российской Федерации за прокурором до 1 января 2004 г. сохранялось, соответственно, как право санкционирования следственных действий и процессуальных решений, ограничивающих конституционные права граждан, так и продление срока содержания обвиняемых под стражей. Последнее явилось, по сути, основанием для принятия Конституционным судом Российской Федерации еще в рамках действия УПК РСФСР постановления от 14 марта 2002 г. № 6-П о признании этого положения уголовно-процессуального законодательства несоответствующим Конституции Российской Федерации. Реализуя данное судебное решение Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ в УПК РФ (еще до момента вступления его в действие) были внесены изменения, предусматривающие ограничение конституционных прав и свобод участников судопроизводства по уголовным делам исключительно по судебному решению [5].

Одновременно, говоря о мифах и реалиях современного российского досудебного производства, автору не представляется возможным согласиться с предложениями ряда ученых-процессуалистов о фактическом отказе от предварительного следствия [6], что, тем не менее, не отвергает такую возможность в последующем. Однако в современных условиях развития российского уголовного судопроизводства реализация данного предложения практически неосуществима, поскольку судебная система не обладает реальной возможностью возложения на себя функции предварительного расследования преступлений.

С учетом изложенного выше позиция автора настоящей публикации, поддерживаемая значительной частью российских ученых и практикующих юристов, заключается в обсуждении выработанных нами предложений с последующим доведением их до законодателя, предусматривающих пересмотр отдельных процессуальных институтов.

Предлагаемые изменения включают в себя:

1. Предложение по исключению из УПК РФ его статьи 162 о сроках предварительного следствия, включая правила продления, в силу противоречия правового содержания данной нормы, введенной Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ в УПК РФ норме — принципу (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11-П по уголовным делам не должен превышать четырех лет, чего ст. 162 УПК РФ не предусматривает.

2. Увеличение первоначального срока содержания обвиняемого под стражей (2 месяца), в который входят от 10 до 30 суток (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного процессуального решения (ч. 1 и ч. 1¹ ст. 221 УПК РФ) и ещё 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ. Например, в Итальянской Республике первоначальный срок содержания под стражей составляет 6 месяцев с возможностью его сокращения судом по обращению стороны защиты или прокурора.

3. Исключение из УПК РФ института предъявления обвинения, процессуальные правила которого на протяжении многих десятилетий обеспечивали реализацию права обвиняемого на защиту путем участия адвоката в уголовном деле именно с момента предъявления обвинения. Сегодня с учетом положений Федерального закона № 23-ФЗ участие адвоката в уголовном деле, которое фактически еще не возбуждено, возможно уже на этапе проверки сообщения о преступлении в отношении конкретного (фактически заподозренного в совершении преступления) лица. К числу аргументов за реформирование института предъявления обвинения (фактически для отказа от него) относится и то, что действующий уголовно-процессуальный закон фактически не содержит различия в статусах подозреваемого (ст. 46) и обвиняемого (ст. 47). Неоспоримым является и то обстоятельство, что в суд за годы дейст-

вия УПК РФ без «классического» предъявления обвинения направлено более 5 млн уголовных дел, расследованных в форме дознания.

4. Возвращение в досудебное производство так называемой протокольной формы расследования, поскольку по оценке как представителей научного сообщества, так и практических работников введенное в УПК РФ указанным выше Федеральным законом № 23-ФЗ дознание в сокращенной форме (глава 32¹ УПК РФ) практически ничем не отличается от дознания в общей форме. Сущность предлагаемой автором протокольной формы состоит в том, что, во-первых, расследование осуществляется в отношении конкретного лица в случае признания им факта преступления и когда дознавателю не требуется проведения всех процессуальных действий, во-вторых, вынесение постановления о возбуждении уголовного дела закон не предусматривает и одновременно ограничивает производство следственных действий допросом подозреваемого, а также потерпевшего или свидетеля-очевидца; производство судебной экспертизы допускается лишь в случаях, предусмотренных ст. 196 УПК РФ; закон должен предусматривать задержание подозреваемого лица в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, с учетом чего срок расследования предлагается 48 часов с последующим направлением уголовного дела прокурору [7];

5. Возвращение в УПК РФ возможности «заочного» заключения по судебному решению под стражу по соответствующему ходатайству следователя, дознавателя, подозреваемого, обвиняемого, который скрылся от органов расследования и объявлен в федеральный розыск. Необходимость внесения указанных изменений обусловлена тем, что ежегодно число скрывшихся от органов расследования таких лиц достигает 100 тыс., часть из которых продолжает преступную деятельность. В соответствии с разработанным автором еще в 2005 г. и согласованным с другими правоохранительными органами и Верховным судом Российской Федерации проектом федерального закона при задержании находящегося в федеральном розыске лица вне места производства предварительного расследования оно в течение 48 часов доставляется в суд по месту задержания, где устанавливается его личность и проверяется, не отменено ли решение суда о заключении данного лица под стражу. После этапирования этого лица к месту расследования оно доставляется в суд, где в судебном заседании решается вопрос об оставлении меры пресечения в виде содержания под стражей или изменении её на более мягкую [8].

Среди других вопросов о мифах и реалиях современного досудебного производства автор выделяет следующие:

— доказывает эффективность реформирования Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ предварительного расследования [9, 10, 11], о чем, в частности, свидетельствуют приведенные ниже статистические данные о результатах следственной работы до и после принятия указанного Федерального закона № 87-ФЗ, позволяющие автору сделать вывод:

а) о более высоком уровне процессуального контроля и прокурорского надзора за состоянием законности при расследовании уголовных дел [4], о чем свидетельствуют приведенные ниже статистические данные о результатах следственной работы (табл. 1);

Таблица 1

**Сведения о результатах обеспечения законности
при расследовании уголовных дел**

Период	Число оправданных судом лиц, в том числе на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержавшихся под стражей			
	След. МВД	Из них содержались под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержались под стражей
2006	1372—2,0	524	1885—18,0	954
2013	509—1,3	250	654—5,8	411
2017	402—1,1	164	539—4,8	219
2018	405—1,2	158	591—5,5	271
2019	412—1,3	142	629—5,6	303

б) о повышении эффективности надзорной деятельности прокурора за качеством расследования, что обеспечило многократное сокращение количества уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ [4], что отражено в табл. 2;

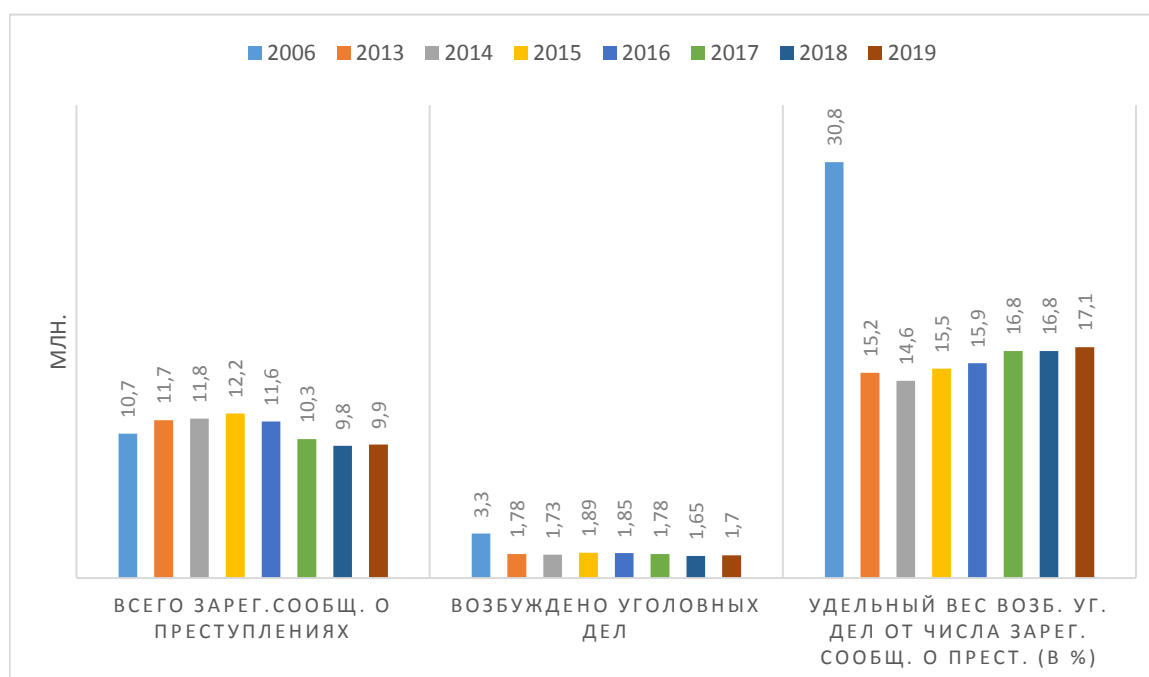
Таблица 2

**Сведения
о количестве возвращенных прокурором уголовных дел следователям
для дополнительного расследования и судом прокурору
в порядке ст. 237 УПК РФ**

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ	
	Следователям МВД	Удельный вес (в %)	След. прокур. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В т.ч. след-м/уд.вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 – 4,0%
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–

2018	17791	5,6	3569	3,6	6468	4668 – 1,1%
2019	18543	6,3	3374	3,6	6466	4417 – 1,0%

в) о наличии в уголовно-процессуальном законе перешедших из УПК РСФСР 1960 г. процессуальных правил о необходимости вынесения постановления о возбуждения уголовного дела, что обусловило снижение на 1,45 млн на протяжении последних 10-ти лет возбужденных уголовных дел при росте на 2,3 млн за указанный период количества процессуальных решений, принятых должностными лицами органов предварительного следствия и дознания об отказе в возбуждении уголовного дела при незначительном изменении числа зарегистрированных заявлений, сообщений о преступлениях, на что автором ранее неоднократно обращалось внимание научной общественности и практикующих юристов [12] и отражено в диаграмме.

Изложенное доказывает необходимость исключения из УПК РФ его статей 146 и 148. Одновременно данное предложение может способствовать реализации решений Конституционного суда Российской Федерации¹ и по-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного суда РФ от 18.07.2006 № 343-О [Электронный ресурс]. — URL: <http://sudbiblioteka.ru/ks> (дата обращения: 13.08.2020).

зиции Верховного суда Российской Федерации [13] об обязательном возбуждении уголовного дела при выявлении следователем нового преступления лицом, в отношении которого оно было ранее возбуждено, или в случае установления дополнительно в ходе расследования дела соучастника преступления. Однако эти положения, по мнению автора, противоречат многолетней судебной-следственной практике по данному вопросу и остающимися неизменными на протяжении более 50-ти лет процессуальными правилами возбуждения уголовного дела, а также правовой процедуре возбуждения дела в соответствии с ч. 1 ст. 448 УПК РФ, не содержащей требований, указанных в приведенных выше решениях судебных инстанций [4].

Изложенные автором настоящей публикации критические замечания в части регламентации процессуальной деятельности в современном досудебном производстве и предложения по совершенствованию УПК РФ в основном поддерживаются российскими учеными и сотрудниками правоохранительных органов и в первую очередь следователями и дознавателями. Исходя из этого, сегодня стоит задача по разработке реальной, а не мифической доктрины досудебного производства, в которой должны найти отражение произошедшие в жизни граждан, государства и в целом российского общества изменения. Однако этому в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости и непоколебимости перечисленных выше и ряда иных процессуальных догматических суждений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Гаврилов Б. Я.* Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? / Б. Я. Гаврилов // Академическая мысль. — 2019. — № 3 (8). — С. 98—102.
2. *Божьев В. П., Гаврилов Б. Я.* Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика / Б. Я. Гаврилов, В. П. Божьев // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2017. — № 2 (38). — С. 74—82.
3. *Божьев В. П.* «Тихая революция» Конституционного суда Российской Федерации / В. Божьев // Российская юстиция. — 2000. — № 10. — С. 9—11.
4. *Гаврилов Б. Я.* Проблемы уголовно-процессуальной регламентации современного досудебного производства: мифы законодателя и реалии правоприменения / Б. Я. Гаврилов // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — Симферополь: Ариал, 2019. — С. 27—31.
5. *Гаврилов Б. Я.* Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? / Б. Я. Гаврилов // Академическая мысль. — 2019. — № 3 (8). — С. 98—102.
6. *Александров А. С.* Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарий к ней. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 304 с.
7. *Гаврилов Б. Я.* Современное досудебное производство: видение ученого и практика / Б. Я. Гаврилов // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сб. науч. тр. всерос. науч.-практ. конф. 11 апр. 2019 г. — М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя. — 2019. — С. 65—73.

8. *Гаврилов Б. Я.* Идеология формирования современного досудебного производства / Б. Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. — 2018. — № 1. — С. 22—28.

9. *Гаврилов Б. Я.* Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее / Б. Я. Гаврилов // Российская юстиция. — № 1. — 2018. — С. 37—41.

10. *Гаврилов Б. Я.* Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования / Б. Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. — 2016. — № 1. — С. 18—25.

11. *Гаврилов Б. Я.* Эффективность досудебного производства / Б. Я. Гаврилов // Уголовное судопроизводство. — 2017. — № 2. — С. 19—26.

12. *Божьев В. П., Гаврилов Б. Я.* Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России / В. П. Божьев, Б. Я. Гаврилов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2018. — № 2 (78). — С. 74—78.

13. *Кожокарь В. В.* Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ / В. В. Кожокарь // Труды Академии управления МВД России. — 2015. — № 1. — С. 20—22.

УДК 343.721

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10069

Загорьян Сергей Георгиевич,

доцент кафедры уголовного процесса

Восточно-Сибирского института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ

Аннотация. Подготовленная статья посвящена изучению института свидетельствования в российском уголовном судопроизводстве. Рассмотрены эволюция института свидетельствования, правовой статус свидетеля, актуальные проблемы его прав, обязанностей и меры ответственности на современном этапе развития данного института. Также рассмотрены проблемные вопросы свидетельского иммунитета и безопасности свидетеля.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, институт свидетельствования, правовой статус, свидетельский иммунитет, проблемы прав и обязанностей, ответственность.

Zagoryan Sergei Georgievich,

Associate Professor at the Department of Criminal Procedure

East Siberian Institute of the Ministry of the MIA of the Russia,

Candidate of Law, Associate Professor

SOME PROBLEMAL ISSUES OF THE INSTITUTE OF WITNESS STATEMENT

Abstract. The prepared article is devoted to the study of the institution of testimony in Russian criminal proceedings. The evolution of the institution of witnessing, the legal status of a witness, topical problems of his rights, duties and measures of responsibility at the present stage of development of this institution are considered. The problematic issues of witness immunity and safety of a witness are also considered.

Keywords: criminal proceedings, institution of testimony, legal status, witness immunity, problems of rights and obligations, responsibility.

Свидетель, как участник уголовного судопроизводства, является одним из основных и незаменимых источников доказательств по уголовному делу [1, с. 66]. Отношение к данному участнику уголовного процесса на протяжении всего формирования института свидетельствования и до настоящего времени остается неоднозначным. В связи с демократизацией в нашем обществе на данном историческом этапе происходит усиление интереса к изучению прав, обязанностей и ответственности исследуемого субъекта уголовно-

правовых отношений. Несмотря на то, что вопросу изучения понятия «свидетель», вопросам изучения его правового статуса, прав и обязанностей, посвящено достаточно большое количество работ, интерес к изучению исследуемого института не иссякает.

Ранее отношение к свидетельским показаниям на Руси было однозначно пренебрежительным и подозрительным. Один из первоначальных источников права — Русская правда, которая содержала информацию о двух типах возможных свидетелей: это «видоки» и «послухи». В научной литературе существуют различные трактовки данных понятий. Наиболее конкретно и однозначно трактуется понятие видоков. Видоки — это те люди, которые непосредственно сами лично наблюдали совершение преступления и, соответственно, могли описать его. По своей сути видоки — это люди, которые являются очевидцами совершения преступления. В отношении послухов такого единогласия нет. Ряд авторов называют послухами тех, кто лично не видел процесс совершения преступления, но что-либо знает о нем, например, со слов очевидцев. Другие называют послухами тех, кто ручается за правдивость и добросовестность свидетелей. На наш, взгляд видоки — это действительно только очевидцы преступления. Видоки — значит, «видели». А послухи — значит, «слышали», «пользуются слухами». Иных трактовок быть не может. Послухом, т. е. свидетелем, мог быть только свободный человек и не мог быть холоп [2, с. 36]. Явственно прослеживалось неравенство прав граждан, которые могли являться свидетелями. Позднее на Руси по мере развития института свидетельских показаний произошло слияние понятий видоков и послухов. Послухом (свидетелем) мог быть уже и холоп. Однако показания свидетелей имели различный вес в зависимости от социального статуса лица. Неравенство свидетельских показаний продолжало иметь место.

После Октябрьской революции в 1917 г. произошли коренные изменения в уголовном судопроизводстве России, в том числе и в институте свидетельствования. В уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. свидетель упоминается как участник уголовного судопроизводства. Уже во многих статьях были конкретизированы его права и обязанности. Но даже в уголовно-процессуальном кодексе 1960 г. не существовало конкретной статьи о правах свидетеля. Свидетельские права были разрозненны и разбросаны по разным статьям закона. Понятие «свидетель», как в древности, так и в советский период носило разные смысловые оттенки, в зависимости от того, какое место он занимал в расследовании уголовного дела. Вплоть до XIX в. социальный статус свидетеля влиял на весомость доказательств. Уголовно-процессуальное законодательство советского периода также мало уделяло внимания институту свидетельских показаний. Только после признания международных норм права и принятия 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием новой Конституции Российской Федерации возникла необходимость законодательного закрепления новых норм правового положения свидетеля.

С принятием действующего уголовно-процессуального закона отношение к статусу свидетеля кардинально изменилось, и на сегодняшний день свидетельские показания являются одними из наиболее важных доказательств по уголовному делу. В настоящее время развитие института свидетельствования продолжается по пути более детальной регламентации прав и обязанностей свидетеля, а также в вопросах установления ответственности свидетеля за невыполнение своих обязательств. Несмотря на развитие и значительные изменения института свидетельских показаний, на сегодняшний день остается еще много проблем и нерешенных вопросов в данной отрасли исследования.

Наделение лица статусом свидетеля не связано с вынесением какого-либо специального акта следователем (дознавателем), прокурором или судом. Закон признаёт свидетелем лицо, которому известно об обстоятельствах, подлежащих установлению по данному уголовному делу [3, с. 91]. Свидетель является одной из ключевых фигур в уголовном процессе, а свидетельские показания зачастую играют решающую роль при определении обстоятельств произошедшего преступления. Вместе с тем свидетель, который обманывает следствие или искренне заблуждается в правдивости и достоверности своих показаний, может существенно осложнить расследование преступления, помешать достижению целей правосудия. Всё это указывает на серьезную значимость и важность свидетельских показаний. Однако уже в самом понятии «свидетель» закрадываются значительные недоработки.

В соответствии со ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации свидетелем считается гражданин, вызванный для дачи показаний и которому известны какие-либо факты, значимые для расследования и разрешения по существу уголовного дела. Отсюда следует, что для признания гражданина свидетелем необходимо наличие двух обязательных признаков. Во-первых, знание каких-либо обстоятельств, имеющих большое значение для расследования и разрешения по существу уголовного дела. И во-вторых, одним из обязательных признаков признания лица свидетелем является вызов гражданина в правоохранительный орган для дачи показаний. Если с первым признаком всё предельно ясно и понятно, то со вторым возникает ряд существенных противоречий и непониманий. Является ли свидетелем лицо, явившееся в правоохранительный орган для дачи свидетельских показаний по собственной воле без какого-либо приглашения или вызова? Судя по действующему определению — однозначно нет. А ведь зачастую свидетелей-очевидцев отыскивают через средства массовой информации, и они являются в правоохранительный орган сами, добровольно, исполняя свой гражданский долг. При выезде на место происшествия также следователь (дознатель), приняв решение о возбуждении уголовного дела, допрашивает граждан в качестве свидетелей на месте (в квартире, офисе и других местах) без вызова в правоохранительный орган. Закон этого не запрещает. А если воз-

никает необходимость допросить в качестве свидетеля лицо, находящееся на стационарном лечении в медицинском учреждении, либо проживающее в доме для престарелых, инвалидов, не имеющих возможности явиться по вызову. Ведь в этом случае следователь (дознаватель) сам вынужден «являться» к допрашиваемому свидетелю. Можно еще привести и другие аналогичные случаи, когда возникает необходимость допроса свидетеля в месте его нахождения.

Возможна и другая ситуация, когда лицо обладает необходимыми по уголовному делу сведениями и вызвано на допрос в качестве свидетеля, но по вызову не явилось. Принудительный привод осуществить невозможно, т. к. установить местонахождение данного лица на момент необходимости проведения допроса не представляется возможным. В данной ситуации лицо обладает всеми признаками свидетеля, т. е. оно владеет необходимыми по уголовному делу сведениями и вызвано для допроса в качестве свидетеля, но допросить его не представляется возможным. Так какой же это свидетель?

В связи с изложенным считаем необходимым в п. 1 ст. 56 УПК РФ фразу «вызвано для дачи показаний» заменить фразой «дает показания». В этом случае все будет конкретно и понятно, т. е. лицо обладает нужными сведениями и дает по этому поводу показания.

Некоторые авторы предлагают в понятие «свидетель» ввести дополнительный признак о непричастности лица к совершению преступления. На наш взгляд, это вообще неуместно. Установить причастность лица к преступлению на момент допроса в качестве свидетеля практически невозможно. А если причастность лица к совершению преступления установлена, то данное лицо необходимо допрашивать уже не в качестве свидетеля, а в качестве подозреваемого. Подозреваемый (обвиняемый) никогда и ни при каких обстоятельствах не должен приравниваться к свидетелю. Их процессуальный статус различен [4, с. 15].

Детальной проработки и исследования требует и институт свидетельского иммунитета. Уголовно-процессуальный закон нашей страны предусматривает два вида свидетельского иммунитета — это право свидетеля не давать показания и запрет на допрос в качестве свидетеля. Фактически данные лица остаются в статусе свидетеля, но по определенным причинам либо имеют право не разглашать известную им информацию, либо должностным лицам правоохранительных органов категорически запрещено эту информацию использовать в качестве доказательств. И закон признаёт за ними это право и запрет, официально придерживаясь принципа неприкосновенности личности.

Свидетель имеет право не давать показания против самого себя или близких родственников. С точки зрения моральных принципов свидетельский иммунитет, связанный с родственными узами, наверное, является оправданным. Круг близких родственников оговаривается в п. 4 ст. 5 УПК РФ

и является исчерпывающим. Не признаются близкими родственниками лица, брак которых официально не зарегистрирован. Таким образом, лица, даже длительное время проживающие совместно, совместно ведущие общее хозяйство и даже имеющие совместных детей, не обладают свидетельским иммунитетом и обязаны давать друг против друга свидетельские показания. Аналогично обязаны свидетельствовать друг против друга родители и дети, если их родство не указано в свидетельстве о рождении. Иначе говоря, фактически лица состоят в близком родстве, но юридически близкое родство не закреплено. На наш взгляд, лишение свидетельского иммунитета, по сути, близких родственников не совсем правильное законодательное решение. Закрепить же законодательно данную проблему достаточно сложно. Какие критерии необходимо использовать, чтобы законодательно закрепить близкородственную связь указанной категории лиц? Длительность совместного проживания? Наличие совместных детей? Либо и то, и другое вместе? А как быть, если юридически брак не оформлен, а люди венчаны в церкви? И для них это более важно, чем юридическое оформление брака. Вопрос достаточно сложный. Тем не менее данную проблему необходимо исследовать и решать. В нашей статье мы только обозначили эту проблему, пути же её решения требуют тщательного анализа и исследования. В рамках одной статьи, нам думается, эту проблему разрешить невозможно.

Как мы уже говорили, не свидетельствовать против самого себя и близких родственников является правом. Этим правом можно воспользоваться, а можно и не воспользоваться, т. е. в этом случае свидетельский иммунитет является относительным. Относительный свидетельский иммунитет может быть отменен волеизъявлением самого лица и принадлежит самому лицу. В качестве наглядного примера можно привести один из эпизодов служебной деятельности в практических органах автора публикации.

В центральном районе города И. в дневное время был совершен на автомобиле на большой скорости наезд на пешеходов. В результате полученных травм три человека скончались на месте происшествия. Преступник с места происшествия скрылся. Очевидцы запомнили марку машины и несколько цифр государственного регистрационного номера автомобиля. Был объявлен план «Перехват». Через некоторое время автомобиль был обнаружен на окраине города. Впоследствии выяснилось, что незадолго до происшествия автомобиль был угнан. Владелец автомобиля заявил, что из салона машины была похищена авторучка «Паркер». Преступление имело большой общественный резонанс, раскрытие преступления было поставлено на особый контроль. Разрабатывались различные, как стандартные, так и нестандартные, версии. Задействовались значительные силы и средства для раскрытия. Принимаемые меры результатов не давали, тем более преступник каких-либо следов ни на месте преступления, ни в автомобиле не оставил. Было принято решение о повторном поквартирном обходе в районе угона автомо-

бия и в месте его обнаружения. При беседе с одной из женщин сотрудник уголовного розыска обратил внимание на синяки на лице женщины. Ранее при первом обходе сотрудник уже беседовал с ней по поводу того, известно ли ей что-либо о происшествии. Никаких синяков ранее у нее не было. В результате грамотно построенной беседы женщина рассказала, что её избил муж. Сотрудник пообещал пригласить её мужа в отдел и провести с ним профилактическую работу. После этого женщина вдруг заявила, что резонансное преступление совершил её муж. Оперативный работник сразу же предупредил её, что она имеет право не свидетельствовать против своего мужа. Однако женщина изъявила желание дать официально свидетельские показания. После этого она была приглашена к следователю, в производстве которого находилось данное уголовное дело. Следователь предупредил свидетеля о праве на свидетельский иммунитет и об использовании её показаний в качестве доказательства даже в случае её отказа в дальнейшем от своих показаний. Свидетельница заявила, что не желает использовать право на свидетельский иммунитет, а желает дать показания, изобличающие её законного супруга в преступлении. В качестве доказательства вины мужа она предъявила авторучку «Паркер», которая была похищена из салона автомобиля, на котором был совершен наезд на пешеходов. Данный пример наглядно подтверждает относительность свидетельского иммунитета. Свидетель имел право им воспользоваться, но своим личным волеизъявлением отказался от этого права.

Следователь (дознатель), суд обязаны официально предупредить свидетеля о наличии права использовать свидетельский иммунитет. Если гражданин решил не воспользоваться правом свидетельского иммунитета как близкий родственник и дать свидетельские показания, то он предупреждается, что в случае его отказа от показаний в дальнейшем, его ранее данные показания будут использованы как доказательства. Если гражданин не был предупрежден о его праве свидетельского иммунитета, то эти показания не будут иметь доказательной силы, и будут признаны недопустимыми. Поэтому предупреждение должно быть оформлено в письменном виде. Законом же не оговаривается, в каком виде (устно или письменно) осуществляется предупреждение. Если не предупредить в письменном виде, то этот свидетель в любой момент может заявить, что он не был предупрежден о своем праве, воспользоваться свидетельским иммунитетом. Считаем, что в п. 4.1 ст. 56 УПК РФ фразу «должен быть предупрежден» дополнить фразой «в письменном виде». Тогда не надо будет следователю (дознателю) да и суду заниматься самодеятельностью и дописывать в протоколах допроса фразы, которые не предусмотрены законом.

Относительным свидетельским иммунитетом пользуются члены Совета Федерации и депутаты Государственной думы, которые могут быть допрошены о сведениях, ставших известными им в результате их служебной дея-

тельности, только с их личного согласия. Тут мы позволим высказать свою точку зрения, отличную от законодателя. Почему и зачем эта категория граждан должна пользоваться свидетельским иммунитетом в данном случае? А если им в результате их служебной деятельности станет известно о фактах и обстоятельствах, создающих угрозу для жизни и здоровья тысяч, десятков тысяч граждан своей страны? Ведь, согласно Конституции Российской Федерации, за сокрытие таких фактов и обстоятельств должностные лица несут ответственность в соответствии с действующим законодательством страны. Значит, они обязаны сообщить в правоохранительные органы о фактах и обстоятельствах, угрожающих жизни и здоровью граждан. Получается, что сообщить они вроде бы и обязаны, но допросить их в качестве свидетеля без их желания нельзя.

Второй вид свидетельского иммунитета является абсолютным и связан не с правом, а с полным запретом на проведение допроса в качестве свидетеля. Абсолютный свидетельский иммунитет не связан с возможностью личного волеизъявления лица на дачу свидетельских показаний. При абсолютном свидетельском иммунитете, даже при желании лица дать свидетельские показания, следователь (дознаватель), суд не вправе допрашивать свидетеля. Лица, обладающие абсолютным свидетельским иммунитетом, перечислены в п. 3 ст. 56 УПК РФ (за исключением, по нашему мнению, п. 3.5 указанной статьи). Данную категорию свидетелей, на наш взгляд, можно, в свою очередь, условно разделить на две группы:

— первая — это лица, которых в установленном законом порядке, можно допросить в качестве свидетеля только при согласии гражданина, интересы которого они представляют (п.п. 3.2, 3.3 ст. 56 УПК РФ);

— вторая — это лица, которых в определенных законом случаях нельзя допрашивать в качестве свидетеля ни при каких обстоятельствах (п.п. 3.1, 3.4, 3.6, 3.7 ст. 56 УПК РФ).

К первой группе относятся адвокат, оказывающий юридическую помощь подозреваемому либо обвиняемому, защитник подозреваемого, обвиняемого, а также адвокат, оказывающий юридическую помощь иной категории граждан. Свидетельский иммунитет защитника, безусловно, является оправданным. А вот когда адвокат оказывает юридическую помощь лицу, совершившему тяжкое или особо преступление, так уж ли необходимо ему на законодательном уровне предоставлять иммунитет? Ведь такой адвокат, в сущности, подсказывает, объясняет лицу, совершившему преступление, как избежать ответственности за содеянное преступление. Еще раз уточняем, что он не осуществляет чью-либо защиту, а только оказывает юридическую консультацию либо помощь.

Ко второй группе относятся судьи, присяжные заседатели, священнослужители, арбитры. Эта категория лиц в некоторых, оговорённых законом случаях, вообще не может быть допрошена в качестве свидетелей.

Институт свидетельского иммунитета известен достаточно давно, но сам термин и его определение были введены в текст законов нашего государства сравнительно недавно. На формирование института свидетельского иммунитета повлияли многочисленные, разнообразные факторы, а именно моральные и нравственные ценности в обществе, религиозные убеждения, а также экономические и социальные условия нашего государства.

Наряду с имеющимися правами свидетель несет обязанности и ответственность, согласно своему правовому статусу. Свидетель обязан являться по вызову следователя, дознавателя, судьи. В случае неявки без уважительной причины может быть подвергнут принудительному приводу. За отказ от показаний или дачу заведомо ложных показаний свидетель несет уголовную ответственность в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации. Ответственность и обязанности свидетеля закреплены в п.п. 6, 7, 8, 9 ст. 56, а также в ст. 112 и ст. 113 УПК РФ.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве нашей страны свидетель традиционно воспринимается как лицо, которому известны некоторые обстоятельства совершения преступления, для сообщения которых в рамках дачи свидетельских показаний данное лицо вызывается для допроса. Если свидетель обладает сведениями о преступлении, то, соответственно, он представляет некую опасность для лица, совершившего преступление. Особенно если речь идет о тяжких и особо тяжких преступлениях, когда преступнику грозит достаточно серьезная мера уголовного наказания. Преступник любыми путями, средствами и методами, даже путем физического устранения свидетеля, стремится уйти от ответственности. В этом случае вступает в действие институт защиты свидетеля. Охрана свидетеля и его прав представляет собой целый комплекс норм, призванных обеспечить стабильность его правового статуса. Сам процесс защиты государством свидетеля включает в себя как уголовно-процессуальные, так и непроцессуальные меры. Институт защиты свидетеля получил развитие в нашей стране сравнительно недавно, и сам механизм защиты еще до конца не отработан, продолжает только развиваться. Особенно это актуально при расследовании преступлений, связанных с деятельностью организованных преступных групп. На законодательном уровне свидетель защищен достаточно полно, однако претворить в жизнь имеющиеся в защиту свидетеля нормы права достаточно сложно по многим объективным причинам. Большинство мер защиты свидетеля на практике связаны с большими затратами материальных и людских ресурсов. Поэтому в реалиях свидетель защищен больше декларативно, чем фактически.

Множество остается нерешенных вопросов в рамках УПК РФ, связанных и с допросом свидетеля. В частности, можно ли признавать допустимыми доказательствами показания свидетелей, страдающих психическими заболеваниями. А. В. Сальников предлагает дополнить УПК РФ статьей 79.1, ко-

тору следует, на его взгляд, изложить в следующей редакции: Показания лиц, страдающих психическим расстройством, признавать доказательствами судом с учетом заключения комплексной психолого-психиатрической экспертизы и совокупностью всех доказательств по уголовному делу [5, с. 13]. По нашему представлению, это было бы верным решением указанной проблемы.

В заключение хочется отметить, что в действующем уголовно-процессуальном законе Российской Федерации произошло значительное укрепление положения статуса свидетеля, однако имеется еще немало пробелов, которые требуют детального исследования и доработки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Данеев А. В., Мисник И. В. Ложные показания свидетеля: мотивы и тактика изобличения / А. В. Данеев, И. В. Мисник // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — № 3 (11). — С. 66—71.

2. Волосова Н. Ю. История развития и законодательного формирования института свидетельского иммунитета в Российском уголовно-процессуальном законодательстве / Н. Ю. Волосова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2009. — № 3. — С. 36—39.

3. Лазарева В. А. Развитие Конституционных положений о гарантиях прав личности в Федеральном Законе от 30 октября 2018 года № 376-ФЗ / В. А. Лазарева // Юридический вестник Самарского университета. — 2018. — № 4 (т. 4). — С. 89—94.

4. Пиюк А. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы и вопросы совершенствования / А. В. Пиюк // Российский следователь. — 2016. — № 19. — С. 12—15.

5. Сальников А. В. Доказательное значение следственных действий с участием лиц, страдающих психическими заболеваниями / А. В. Сальников // Вестник Восточно-Сибирского института. — 2016. — № 3 (78). — С. 9—14.

УДК 343.13

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10070

Миронова Гаяна Александровна,

адъюнкт кафедры уголовного процесса

Краснодарского университета МВД России

СОБИРАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, СООТНОШЕНИЕ

Аннотация. В статье показывается современное состояние научной дискуссии, ведущейся на страницах юридической печати по поводу понятия процесса доказывания и его структуры. Анализируются ключевые в данном контексте термины «собрание доказательств» и «формирование доказательств». Обращается внимание на то, что они лежат не только в плоскости выбора адекватной реальному процессу образования доказательств терминологии. В большей степени они касаются правильного понимания содержания деятельности субъектов доказывания в части формирования доказательств, а также разграничения предварительного (досудебного) и судебного его этапов, где законом (ст. 240 УПК РФ) подчеркивается неокончателность следственного формирования доказательств.

Ключевые слова: доказательства, процесс доказывания, собрание доказательств, формирование доказательств, проверка доказательств, оценка доказательств, субъекты доказывания.

Mironova Gayana Alexandrovna,

Adjunct of Krasnodar University

of the MIA the Russia

COLLECTION AND FORMATION OF CRIMINAL EVIDENCE AS ELEMENTS OF THE PROVISION PROCESS: CONCEPT, CONTENT, CO-RELATION

Abstract. The article shows the current state of the scientific discussion conducted on the pages of the legal press regarding the concept of the process of proof and its structure. The key terms in this context are analyzed: “collecting evidence” and “forming evidence”. Attention is drawn to the fact that they lie not only in the plane of choice of terminology that is adequate to the real process of generating evidence. To a greater extent, they relate to a correct understanding of the content of the activities of the subjects of evidence in terms of the formation of evidence, as well as the distinction between the preliminary (pre-trial) and judicial stages, where the law (Article 240 of the Code of Criminal Procedure) emphasizes the inconclusiveness of the investigative formation of evidence

Keywords: evidence, process of evidence, collection of evidence, generation of evidence, verification of evidence, assessment of evidence, subjects of evidence.

В теории уголовно-судебных доказательств к числу центральных традиционно относится вопрос о понятии и содержании процесса доказывания. Рядом исследователей в нем выделяется такой его элемент как формирование доказательств. В условиях реальной состязательности сторон возрастает риск дискредитации доказательств, формированию которых дознавателем, следователем не уделено должного внимания. Вместе с тем, четко представляя условия использования доказательств в судебном следствии, орган расследования в состоянии предпринять предусмотренные законом меры для обеспечения устойчивости, стабильности конкретного доказательства.

Например, предусмотренное ч. 5 ст. 191 УПК РФ правило о применении видеозаписи в ходе допроса, очной ставки, предъявления для опознания и проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего можно рассматривать как дополнительную гарантию доброкачественности показаний малолетнего потерпевшего, которые можно будет исследовать в судебном следствии путем воспроизведения их видеозаписи. Поэтому отказ дознавателя, следователя использовать видеофиксацию показаний малолетнего потерпевшего при неполучении согласия на это допрашиваемого, его законного представителя делает их уязвимыми, усиливает позиции стороны защиты в оспаривании доброкачественности таких показаний.

Особенности такого вида доказательств, как показания потерпевшего, свидетеля, проявляющиеся в возможности допрашиваемым в силу разных причин изменять, корректировать ранее сообщенные и закреплённые в протоколе допроса (на видеозаписи, если она применялась) сведения, наглядно указывают на предварительность следственного формирования показаний, продолжения процесса их формирования в суде.

Еще более убедительным примером предварительности досудебного формирования показаний свидетеля, зафиксированных в протоколе его допроса, может служить установление судом при разбирательстве уголовного дела заведомой ложности показаний свидетеля (ст. 307 УК РФ).

Если ориентироваться на предварительный характер досудебного производства по отношению к судебному разбирательству, преждевременно считать, что доказательства в расследуемом деле окончательно собраны следователем. Досудебное доказывание необходимо еще интегрировать, поместить в рамки судебного доказывания, которое подчинено требованию закона непосредственно исследовать все доказательства по уголовному делу (ч. 1 ст. 240 УПК РФ). В этом и выражается процесс формирования доказательств, соединяющий доказательства, представленные следователем и исследованные судом. Рассмотрим подробнее вопрос о формировании доказательств в контексте нормативно закреплённой (ст. 85 УПК РФ) структуры доказывания.

Понимая под доказыванием осуществляемую в процессуальных формах деятельность органов расследования, прокурора и суда с участием других субъектов процессуальной деятельности по собиранию, закреплению, проверке и оценке фактических данных, необходимых для установления истины по уголовному делу и решения задач уголовного судопроизводства, авторы классической монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» подчеркивают: собирание доказательств, их закрепление, проверка и оценка выступают в качестве органически связанных между собой элементов (этапов) процесса доказывания [16, с. 208].

Данная позиция в различных, но близких друг к другу вариантах, фигурирует во многих научных и учебных публикациях. В ст. 85 УПК РФ «Доказывание» перечислены три его элемента: собирание, проверка и оценка доказательств. При ознакомлении с источниками по вопросам доказательственного права создается впечатление, что в большинстве из них альтернативы приведенному подходу законодателя к характеристике процесса доказывания нет.

По мнению Ю. К. Орлова, структура процесса доказывания представляет трехчленную структуру с выделением в нем собирания, проверки и оценки доказательств. В свою очередь, собирание доказательств включает такие подэлементы, как поиск доказательств, их получение, процессуальное оформление (фиксация) [14, с. 74—75]. Ю. К. Якимович обращает внимание на то, что термин «собирание доказательств» предусмотрен ст. 86 УПК РФ, носит сложный характер и состоит из следующих этапов: обнаружение, изъятие, фиксация (закрепление), приобщение к делу [20, с. 55].

Раскрывая в контексте положений ст. 86 УПК РФ содержание термина «собирание доказательств», А. Б. Диваев считает, что он подразумевает комплекс уголовно-процессуальных полномочий по обнаружению, изъятию или получению и процессуальному закреплению доказательств [3, с. 225].

При кажущейся внешней очевидности и прозрачности нормативного регулирования деятельности по собиранию доказательств (ст. 86 УПК РФ), корректности приведенных на его основе суждений по поводу понятия и содержания такой деятельности, взыскательный анализ соответствующих доктринальных и нормативных положений показывает как минимум их неопределенность, неконкретность. На данное обстоятельство обратили внимание многие ученые-процессуалисты.

Так, например, Л. Д. Кокорев и П. П. Кузнецов не без оснований полагают, что собирание доказательств заключается в поиске и обнаружении сведений о фактах, имеющих доказательственное значение. Сведения о фактах приобретают доказательственное значение при условии, если они соответствующим образом закреплены способом и в порядке, установленных законом: составлен протокол допроса свидетеля, протокол осмотра места происшествия [10, с. 221—222].

В этом же направлении высказывается и В. С. Балакшин, считающий, что уголовно-процессуальный закон регламентирует собирание доказа-

тельств в самой общей форме. Автор полагает, что правильнее оперировать выражением «собрание фактических данных и их источников», а под их собиранием следует понимать уголовно-процессуальную деятельность уполномоченных органов и должностных лиц по выявлению, отысканию, обнаружению и получению фактических данных, их источников с целью установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела [2, с. 67].

При такой трактовке содержания термина «собрание доказательств» из него «выпадает» деятельность таких участников по собиранию доказательств, как подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, защитник. Кроме того, смущает то, что процессуальные способы собирания доказательств не имеют универсального характера, существенно разнятся в зависимости от субъекта собирания доказательств.

Например, в п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ оговорено, что защитник вправе собирать доказательства путем опроса лиц с их согласия. Буквальное толкование приведенной нормы приводит к выводу, что сообщенные лицом защитнику сведения являются доказательствами по уголовному делу. Но закон не называет такого вида доказательств, как «сведения лица, опрошенного защитником». Для того чтобы включить их в орбиту уголовно-процессуального доказывания, следователю, суду необходимо придать опрошенному защитником лицу соответствующий процессуальный статус и допросить его с целью получения показаний. Поэтому термин «собрание доказательств», присутствующий не только в тексте, но и в названии ст. 86 УПК РФ, носит весьма условный характер. В приведенном примере он неточно отражает реально происходящий процесс образования доказательства в виде показаний конкретного участника процесса.

Таким образом, в уголовно-процессуальной теории постепенно утвердилось мнение о том, что в реальности готовые доказательства трудно обнаружить (и возможно ли в принципе?), а значит, тезис о собирании именно доказательств, на что прямо указано в ст.ст. 85 и 86 УПК РФ, не совсем верен. В качестве альтернативы поддерживаемому законодателем подходу в вопросе о понятии и содержании деятельности по собиранию доказательств в процессуальной литературе утвердилась позиция, согласно которой первый этап процесса доказывания представляет собой не собирание доказательств, а их формирование [20, с. 7, с. 15, с. 16, с. 33—34; 1, с. 39—41].

Обозначенная точка зрения получила как сторонников [4, с. 11; 8, с. 32], так и противников [12, с. 60—61; 21, с. 356; 7, с. 264—275]. Будучи одним из самых последовательных её приверженцев, Е. А. Доля считает, что термин «собрание доказательств» ориентирует правоприменителя на собирание как бы уже существующих сведений [4, с. 113—118].

Из числа сторонников концепции формирования доказательств также выделяется предложение В. А. Семенцова, ратующего за внесение изменений в ст. 86 УПК РФ с переименованием её названия на «Формирование доказательств» [15, с. 239]. При таком подходе, если быть последовательным, пот-

ребуется скорректировать и содержание ст. 85 УПК РФ, заменив в ней термин «собрание» на «формирование».

С критических позиций наиболее обстоятельно концепция формирования доказательств проанализирована В. И. Зажицким, не принявшим эту категорию, введенную в научный оборот для замены первого этапа процесса доказывания, именуемого в законе собиранием доказательств. Вместе с тем им не исключается замена термина «собрание доказательств» понятием «формирование доказательств», что указывает на их близость, схожесть [6, с. 275].

Взаимосвязь данных понятий подчеркивается и С. А. Шейфером, отмечающим преимущества термина «формирование доказательств», означающего преобразование информации, заключенной в следах, в доказательствах в уголовно-процессуальном смысле [18, 19 с. 8].

Главный недостаток концепции формирования доказательств А. М. Ларин усматривает в том, что она неприменима к вещественным доказательствам и документам, поскольку в отличие от показаний и протоколов следственных действий, форма и содержание предметов, являющихся вещественными доказательствами, а равно иных документов образуются вне следственных действий и независимо от следователя [12, с. 120—121].

Итак, даже краткий обзор литературы, посвященной уголовно-процессуальному доказыванию, свидетельствует о том, что ведущаяся на её страницах в течение нескольких десятилетий дискуссия по вопросу о характере и содержании первоначального этапа процесса доказывания, именуемого в ст.ст. 85, 86 УПК РФ «Собрание доказательств», получила в последние годы продолжение. Библиография в этой части достаточна внушительна (составляет многие десятки источников), ведет отсчет с 60-х годов прошлого столетия [5, с. 113; 8, с. 78; 12, с. 163]. Она стремительно пополняется актуальными современными публикациями, в том числе монографическими работами [13, с. 407].

Противостояние исследователей, «продвигающих» альтернативные концепции «собрания доказательств» и «формирования доказательств», базируется на разном понимании реального процесса образования доказательств. Основной упрек в адрес сторонников первого подхода его оппонентов заключается в том, что он акцентирует внимание на возможности собирания объективно существующих доказательств (чего в реальности не имеет места применительно ко многим видам доказательств) и установлении их свойств (относимости и допустимости).

В свою очередь, противники теории формирования доказательств обнаруживают в ней такой существенный изъян, как её непригодность для отдельных видов доказательств (вещественные доказательства, иные документы, заключение специалиста). Нетрудно заметить, что обе доктринальные концепции имеют не только существенные расхождения в трактовке процесса образования доказательств, но и точки соприкосновения или «примирения». Обе процессуальные технологии появления доказательств в уго-

ловном деле пригодны с определенными ограничениями: категория «собира- ния доказательств» вполне может быть распространена на вещественные до- казательства, иные документы, заключение специалиста, а о «формировании доказательств» уместно говорить применительно к показаниям, заключению эксперта и протоколам следственных, судебных действий.

В заключение целесообразно сказать и об активно обсуждаемом в тео- рии доказательственного права вопросе соотношения деятельности по фор- мированию доказательств в досудебном и судебном производствах.

Как отмечает Т. В. Хмельницкая, полного «формирования уголовно- процессуального доказательства в ходе досудебного производства не проис- ходит, ибо только участие суда может придать доказыванию и доказательст- ву «совершенный вид», т. е. сделать их способными к «фактообразованию». [19, с. 10—11].

В этом же плане рассуждает и В. В. Кальницкий: опираясь на требова- ния закона (ч. 1 ст. 240 УПК РФ) о непосредственном исследовании в судеб- ном разбирательстве всех доказательств по уголовному делу, автор приходит к выводу о том, что закон говорит о непосредственной работе суда со сфор- мированными органами расследования в досудебном производстве доказа- тельствами [9, с. 8—9].

В контексте изложенного вполне естественной выглядит постановка следующего вопроса: возможно ли вместо противопоставления терминов «собираение доказательств» и «формирование доказательств» их использова- ние в сочетании друг с другом для характеристики процесса доказывания и механизма образования доказательств?

Действительно, несмотря на то, что законодатель придает термину «со- бираение доказательств» некоторую определенность и последовательно опи- рается на него в УПК РФ при раскрытии содержания доказывания, вряд ли его можно отнести к разряду однозначных, не требующих дополнительной детализации.

До сих пор в теории доказательств не выработано четких критериев его разграничения с такими понятиями, как «поиск доказательств», «получение доказательств», «процессуальное оформление доказательств».

Учитывая, что система доказательств представлена в законе набором различных видов доказательств, различающихся между собой механизмом их происхождения и обуславливающего необходимость специальных юрисдик- ционных процедур для преобразования относимой к делу информации в фор- му доказательств либо не требующего таковых в силу окончательной сфор- мированности доказательства на момент востребованности его следователем. Соответственно термин «собираение доказательств» изначально не может быть универсальным. Использование его корректно только в отношении од- ной группы доказательств (вещественных доказательств, иных документов, заключения специалиста).

В связи с этим представляет интерес опыт законодательной регламен- тации доказательств в УПК РСФСР 1923 г. В главе 4 «Доказательства» тер-

мин «собрание» употреблялся один раз и только применительно к вещественным доказательствам и письменным документам (ст. 59). Он использовался наряду с «хранением» и «рассмотрением» данных видов доказательств. Собрание доказательств не выделялось в самостоятельный этап доказывания. В его «привязке» к вещественным доказательствам и письменным документам оно сводилось к их описанию и приобщению к делу.

В УПК РСФСР 1960 г. собиранию доказательств, так же, как и оценке доказательств (ст. 71), уже посвящена самостоятельная статья (ст. 70), которая содержала и требование о тщательной, всесторонней и объективной проверке собранных по делу доказательств дознавателем, следователем, прокурором и судом (ч. 3 ст. 70). В УПК РФ 2001 г. требование проверки доказательств законодатель уже закрепил в рамках отдельной статьи.

На примере трех «поколений» отечественных уголовно-процессуальных кодексов отчетливо видно, что на законодательном уровне процесс доказывания постепенно был формализован с выделением в нем трех этапов: собрание, проверка и оценка доказательств. Причем термину «собрание доказательств», изначально проецируемому на вещественные доказательства и письменные документы, придана универсальность: он стал процессуально значимым для всех видов доказательств.

В случаях производства следственных действий для получения, например, показаний, свидетеля или потерпевшего, предполагается соответствующая познавательная-удостоверительная деятельность субъектов доказывания (дознавателя, следователя, суда). Для отражения её специфики объективно приходится прибегать к термину «формирование доказательств».

Таким образом, разные процессуальные технологии введения в уголовное дело доказательств вполне логично требуют точного терминологического обозначения каждой из них. В одном случае целесообразно оперировать понятием «собрание доказательств», в другом правильнее обращаться к термину «формирование доказательств».

Итак, проблемы собирания и формирования доказательств лежат не только в плоскости выбора адекватной реальному процессу образования доказательств терминологии. В большей степени они касаются правильного понимания содержания деятельности субъектов доказывания в части формирования доказательств, а также разграничения предварительного (досудебного) и судебного его этапов, где законом (ст. 240 УПК РФ) подчеркивается неокончателность следственного формирования доказательств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Агутин А. В. Основы уголовно-процессуального доказывания в российском уголовном судопроизводстве / А. В. Агутин. — М., 2010. — С. 39—41.
2. Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания / В. С. Балакшин. — Екатеринбург, 2004. — 205 с.
3. Диваев А. Б. Основы теории доказательств в уголовном процессе: учеб. пособ. / А. Б. Диваев. — М., 2018. — 375 с.

4. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: моногр. / Е. А. Доля. — М., 2009. — 351 с.
5. Дорохов В. Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Советское государство и право. — 1964. — № 9. — С. 228 с.
6. Зажицкий В. И. Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ / В. И. Зажицкий. — СПб., 2015. — 350 с.
7. Зайцева Е. А., Садовский А. И. Формирование доказательств с использованием специальных познаний и научно-технических средств: моногр. / Е. А. Зайцева, А. И. Садовский. — Волгоград, 2013. — 292 с.
8. Каз Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе / Ц. М. Каз. — Саратов, 1960. — 210 с.
9. Кальницкий В. В. Непосредственность судебного разбирательства и доказательственная деятельность органов расследования: учеб. пособ. / В. В. Кальницкий. — Омск, 2019. — 134 с.
10. Кокорев Л. Д., Кузнецов П. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание: моногр. / Л. Д. Кокорев, П. П. Кузнецов. — Воронеж, 1995. — 410 с.
11. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе / В. А. Лазарева. — М., 2009. — 236 с.
12. Ларин А. М. Рецензия на монографию Е. А. Доли «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности» / А. М. Ларин. — М., 1997. — № 7. — 180 с.
13. Машовец А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России. — М., 2016. — 246 с.
14. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособ. / Ю. К. Орлов. — М., 2000. — 283 с.
15. Семенцов В. А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания / В. А. Семенцов // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. тр. — Самара, 2010. — С. 239—243.
16. Теория доказательств в советском уголовном процессе: моногр. — М., 1973. — 362 с.
17. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская. — М., 2009. — 445 с.
18. Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе (отв. ред. П. А. Лупинская): моногр. / С. А. Шейфер. — М., 1972. — 186 с.
19. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: моногр. / С. А. Шейфер. — М., 2008. — 270 с.
20. Хмельницкая Т. В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу: автореф. дис. канд. юрид. наук / Т. В. Хмельницкая. — Н. Новгород, 2016. — 23 с.
21. Якимович Ю. К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России: учеб. пособ. / Ю. К. Якимович. — Томск, 2015. — 75 с.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10071

Мисник Ирина Владиславовна,

заместитель начальника кафедры уголовного процесса

Восточно-Сибирского института МВД России

кандидат юридических наук, доцент

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА РОДСТВЕННИКОВ ПОТЕРПЕВШИХ, УМЕРШИХ ВО ВРЕМЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Статья посвящена одной из обсуждаемых в уголовно-процессуальной науке проблеме — недостаточной проработке правового регулирования процессуального статуса родственников умершего потерпевшего. На основе сравнительно-правового анализа законодательства зарубежных государств рассматривается возможность правопреемства потерпевшего лица в случае его смерти по причинам, не зависящим от совершённого преступления. Исследование позволило выявить пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве, которые порождают отсутствие единообразного подхода на практике. На основе анализа нормативных и специальных литературных источников обоснована возможность внесения изменений в УПК РФ. В заключении сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства, о введении статьи 45.1 «Правопреемник».

Ключевые слова: потерпевший, представитель потерпевшего, правопреемник потерпевшего, правопреемство, смерть потерпевшего, близкие родственники, процессуальный статус, примирение сторон.

Misnik Irina Vladislavovna

Deputy Head of the Criminal Process Department

of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russia,

Candidate of Law, Associate Professor

UNCERTAINTY OF THE PROCEDURAL STATUS OF RELATIVES OF VICTIMS WHO DIED DURING CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article is devoted to one of the problems discussed in criminal procedure science-insufficient elaboration of legal regulation of the procedural status of relatives of the deceased victim. On the basis of a comparative legal analysis of the legislation of foreign States, the possibility of succession of the victim in the event of his death for reasons independent of the committed crime is considered. The study revealed gaps in the criminal procedure legislation that lead to the lack of a uniform approach in practice. Based on the analysis of normative and special

literature sources, the possibility of making changes to the code of criminal procedure of the Russian Federation is justified. In conclusion, proposals are made to improve the current legislation, on the introduction of article 45.1 "Legal Successor".

Keywords: victim, representative of the victim, successor of the victim, succession, death of the victim, close relatives, procedural status, reconciliation of the parties.

Проблема защиты прав и законных интересов потерпевших продолжает сегодня оставаться одной из самых обсуждаемых и ключевых в уголовно-процессуальной науке [5, с. 39; 11, с. 1386]. По данным официальной статистики ежегодно потерпевшими от преступлений признаются более трех миллионов человек. По праву потерпевший признаётся центральной фигурой уголовного судопроизводства; казалось бы, что на защиту его законных интересов должны быть направлены все силы и средства уголовной юстиции, однако нельзя не признать, что отдельные вопросы, связанные с правовой регламентацией его процессуального статуса, не нашли адекватного отражения в действующем законодательстве, порождая лишнюю неопределенность при осуществлении предварительного расследования и судебного разбирательства, в частности, случаи, когда потерпевший умирает вследствие болезни или несчастного случая. В ст. 46 Конституции РФ провозглашено право каждого на свободный доступ к правосудию и судебную защиту. Каждый человек, даже в случае смерти имеет право на гарантии, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, а должностные лица должны обеспечить их реализацию во время производства по уголовному делу.

В уголовно-процессуальном законе в ч. 1 ст. 42 закреплено, что потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. В ч. 8 ст. 42 УПК РФ предусмотрено, что «по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве — к одному из родственников». Исходя из этой неконкретной формулировки, законодатель не призывает выносить постановления о признании родственника потерпевшим, в этой связи и на практике не существует единообразного решения данного вопроса: родственники чаще всего признаются потерпевшими по уголовному делу, но имеют место и не единичны случаи допуска их к участию в процессе как представителей потерпевших или законных представителей. Так, по уголовному делу № 22-2370/2018, рассмотренному Тюменским областным судом, представителями потерпевшего, убитого в результате преступления, были допущены мать и сестра З. По уголовному делу

№ 22-583/2019 (ч. 4 ст. 111 УК РФ) в деле принимал участие представитель потерпевшего — родственник умершего.

Представительство может быть двух видов: договорное и по закону. Думается, что подход об участии близких родственников в качестве представителей или законных представителей является недостаточно обоснованным в силу ряда причин. Представительство имеет место быть при наличии соглашения сторон, которое исключено, поскольку потерпевший умер, следовательно, утрачена и его правосубъектность. Договорное представительство является возможным только в отношении интересов живого человека. Процессуальный статус представителя произведен от процессуального статуса потерпевшего, а если последнего нет, следовательно, отсутствует и процессуальный статус представителя. Как совершенно справедливо отмечают некоторые процессуалисты, признание родственников представителями потерпевшего лишит их права иметь представителя, что необоснованно ограничивает их процессуальные права [7, с. 237].

На наш взгляд, признание родственников потерпевшими представляется более обоснованным и логичным, в силу того, что родственникам, как совершенно справедливо отмечал еще Л. Д. Кокорев, причинен моральный вред, вызванный нравственными страданиями в связи с утратой родственника и (или) имущественный вред (если речь идет о несовершеннолетних детях умершего или нетрудоспособных членах семьи) [3, с. 26]. В уголовно-процессуальном законодательстве определен круг близких родственников: супруга, супруг, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дед, бабушка, внуки. Хотя некоторые ученые считают, что родственники не могут признаваться потерпевшими в силу того, что преступление не было направлено напрямую на них. Так, Л. В. Павлова считает, что моральные страдания, связанные с переживаниями по поводу утраты близкого родственника, не являются основанием для признания их потерпевшими («рикошетные жертвы», вторичный круг жертв) [6, с. 76].

Не совсем удачная формулировка ч. 8 ст. 42 УПК РФ порождает, как уже отмечалось, множество вопросов у правоприменителя, в частности, каков процессуальный статус близких родственников потерпевшего, умершего во время предварительного расследования или рассмотрения уголовного дела в суде от других заболеваний. Можно ли в этом случае говорить о достижении назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, если потерпевший умер?

В ряде случаев правоприменители не признают потерпевшим вообще никого, полагая, что интересы умершего потерпевшего представляет в уголовном судопроизводстве прокурор, наряду с публичным интересом. Так, по уголовному делу № 1-69/2019, рассмотренному Новгородским районным судом Новгородской области, по ч. 2 ст. 159 УК РФ потерпевшая умерла во время расследования уголовного дела, потерпевшим родственники признаны не были, но в приговоре было указано, что «в связи со смертью потер-

певшей заявленный ею гражданский иск надлежит оставить без рассмотрения с признанием за правопреемниками потерпевшей права на его возмещение в порядке гражданского судопроизводства», её интересы представлял в суде государственный обвинитель. Хотя логичнее было бы при наличии ходатайства, заявленного близким родственником, признать его потерпевшим и гражданским истцом и не откладывать рассмотрение гражданского иска в гражданском судопроизводстве. Аналогичного мнения придерживаются и некоторые ученые, в частности, А. Д. Прошляков полагает, что если потерпевший умер, то его интересы отстаивают должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу [9, с. 207].

По уголовному делу № 1-5/2020, рассмотренному Туапсинским городским судом Краснодарского края по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, потерпевший скончался до рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции, поскольку правопреемники установлены не были к этому моменту, интересы потерпевшего представляла сотрудник Управления социальной защиты населения Министерства труда и социального развития, действующая на основании доверенности. За правопреемниками (наследниками) суд сохраняет право на подачу гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства.

В большинстве случаев следователи признают родственников умершего потерпевшими по уголовному делу, невзирая на ограничительную формулировку ч. 8 ст. 42 УПК РФ.

Как совершенно справедливо отметил М. А. Гаврилов, анализируя данную проблему, «уголовно-процессуальное законодательство должно предусматривать основания, условия, процедуру перехода прав потерпевшего, умершего не в связи с совершённым преступлением, к другим лицам» [1, с. 515].

Интересной в этой связи представляется позиция ученых-процессуалистов, полагавших, что родственники умершего потерпевшего могут признаваться потерпевшими в силу процессуального правопреемства [2, с. 33; 4, с. 100]. Именно по этому пути и пошли законодатели ряда зарубежных государств (УПК Республики Армения, УПК Республики Азербайджан, УПК Республики Молдова). Так, в УПК Республики Беларусь дается определение «правопреемник — лицо, к которому в силу закона или соглашения непосредственно от другого лица перешло установленное право» (п. 25 ст. 6 УПК Республики Беларусь), «потерпевший или его правопреемник вправе в любой момент производства по уголовному делу отказаться от обвинения» (ст. 28 УПК Республики Беларусь). Несмотря на отсутствие подобного термина в УПК РФ, встречается подобная формулировка в отечественных судебных решениях. Так, в уголовном деле № 22-4217-15, рассмотренном Тихорецким городским судом, по ч. 4 ст. 111 УК РФ в деле участвовал «правопреемник» потерпевшего. По уголовному делу № 22-761/2018, рассмотренному Тихорецким городским судом, по ч. 1 ст. 264 УК РФ апелляционная жалоба на не-

обоснованное судебное решение была подана правопреемником потерпевшего (дочерью).

Понятие «правопреемство» по своему содержанию близко в первую очередь к гражданскому процессу, однако, несмотря на это, имеются весомые основания для его существования и в сфере уголовного процесса. В соответствии с ч. 1 ст. 44 ГПК РФ процессуальный статус правопреемник приобретает тогда, когда лицо, обладающее правами, умирает. Применительно к уголовно-процессуальным отношениям правопреемство имеет место тогда, когда при жизни лицо было признано потерпевшим. Именно таим образом и регулируются правоотношения в законодательстве республики Молдова (ст. 81 УПК). Следует отметить, что отдельная глава, посвященная правопреемникам, содержится и в Модельном УПК для государств — участников СНГ.

Говорить о процессуальном правопреемстве следует и в случае, когда потерпевший умер от телесных повреждений, полученных в результате преступления, так и том случае, если он умер по причинам, не связанным с преступлением. Полагаем, что рассматриваемое сложное явление вполне может «прижиться» в уголовно-процессуальном законодательстве, по аналогии с гражданским иском. Думается, что данное положение должно найти отражение и в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве.

Актуальным остается вопрос о возможности примирения родственников потерпевшего в порядке ст. 25 УПК РФ. В постановлении Пленума Верховного суда РФ судам рекомендовано при рассмотрении вопроса о применении положений ст. 76 УК РФ к лицам, совершившим преступление, последствием которого явилась смерть пострадавшего, иметь в виду ч. 8 ст. 42 УПК РФ о переходе прав потерпевшего в таких случаях к одному из близких родственников погибшего. При этом необходимо учитывать, что положения указанной нормы не препятствуют признанию потерпевшими не одного, а нескольких лиц. Поскольку уголовно-процессуальный закон не содержит каких-либо ограничений в процессуальных правах лиц, признанных потерпевшими в порядке, установленном частью 8 статьи 42 УПК РФ, примирение лица, совершившего преступление, с такими потерпевшими может служить основанием для освобождения его от уголовной ответственности. Если потерпевшими выступают несколько человек, то отсутствие согласия хотя бы одного препятствует прекращению уголовного дела по этому основанию. Следует отметить, что ряд ученых-процессуалистов (и мы с ними солидарны) обоснованно считает подобную практику не совсем правильной, отмечая, что право принять извинения и примириться с обидчиком является правом, неотъемлемым от личности и не подлежит отчуждению. Проводя сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Украины, они указывают, что непризнание за правопреемниками потерпевшего права на примирение не означает утрату ими права на возмещение причиненных в результате преступления убытков [8, с. 316].

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что вызывает разного рода сложности в правоприменительной практике отсутствие единой правовой регламентации процессуального статуса родственников потерпевших, умерших во время производства по уголовному делу. В целях совершенствования действующего законодательства целесообразно в УПК РФ включить статью 45 «Правопреемники»: «Правопреемником потерпевшего признаётся один из его близких родственников, заявивший ходатайство осуществлять права и обязанности умершего потерпевшего. По ходатайству, заявленному во время производства по уголовному делу, несколько родственников могут быть признаны правопреемниками».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Гаврилов М. А.* Некоторые вопросы прекращения уголовного дела за примирением сторон в случае смерти потерпевшего / М. А. Гаврилов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. — № 4 (34). — С. 511—516.
2. *Жидких А. А.* Обеспечение прав несовершеннолетних потерпевших на предварительном следствии: дис... канд. юрид. наук / А. А. Жидких. — М., 1998. — С. 33.
3. *Кокорев Л. Д.* Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе / Л. Д. Кокорев. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. — 246 с.
4. *Комова Ю. В.* Проблемы правопреемства некоторых участников уголовного судопроизводства / Ю. В. Комова // Судебная власть и уголовный процесс. — 2019. — № 1. — С. 98—105.
5. *Николюк В. В.* Регламентация в УПК РФ порядка производства следственных действий с участием малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего / В. В. Николюк, В. А. Виноградова, В. А. Антонов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — № 3. — С. 39—52.
6. *Павлова Л. В.* К вопросу об обеспечении прав и законных интересов потерпевшего от преступления посредством гармонизации уголовного законодательства и развития института правопреемства / Л. В. Павлова // Развитие судебной власти в Республике Беларусь: мат-лы междунар. кругл. стола, 2017. — С. 74—79.
7. *Патрушева А. А.* Правовое положение лиц, которым переходят права умершего потерпевшего / А. А. Патрушева // Вестник Омской юридической академии. — 2018. — Т. 15. — № 2. — С. 234—239.
8. *Патрушева А. А.* Наступление смерти потерпевшего как препятствие прекращению уголовного дела в связи с примирением сторон / А. А. Патрушева // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2020. — № 1. — С. 313—319.
9. *Прошляков А. Д.* О неотчуждаемости статуса юридического лица — потерпевшего по уголовному делу / А. Д. Прошляков // Российский юридический журнал. — 2009. — № 5. — С. 206—208.
10. *Чернова С. С.* Процессуальные последствия смерти участника уголовного судопроизводства / С. С. Чернова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2017. — № 1 (39). — С. 110—119.
11. *Шипунова О. В.* Актуальные вопросы процессуального участия близких родственников, близких лиц и родственников по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего / О. В. Шипунова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2014. — Т. 20. — С. 1386—1390.

УДК 343.13

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10072

Мядзелец Ольга Александровна,
судья Второго кассационного суда
общей юрисдикции,
кандидат юридических наук

**КАТЕГОРИЯ «НЕЗАКОННОСТЬ МЕР
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ»
В КОНТЕКСТЕ ПРАВА НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО В ХОДЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
(ч. 3 ст. 133 УПК РФ)**

Аннотация. В статье показано соотношение институтов реабилитации и возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения. Особое внимание уделено понятию «незаконность применения мер процессуального принуждения». Анализируются процедуры, пригодные для того, чтобы определить, законно или незаконно к лицу были применены меры процессуального принуждения. Дается перечень судебных решений, необходимых в каждом отдельном случае для инициирования судебного производства по возмещению вреда на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

Ключевые слова: реабилитация, возмещение вреда, суд, судебное решение, судебный порядок, меры принуждения, незаконный.

Myadzelets Olga Alexandrovna,
a judge of the Second General Jurisdiction
Court of Cassation
candidate of juridical sciences

THE CATEGORY «ILLEGALITY OF MEASURES OF PROCEDURAL COERCION» IN THE CONTEXT OF A RIGHT TO REPARATION FOR DAMAGE CAUSED DURING THE CRIMINAL PROCEEDINGS (ARTICLE 133 PARA. 3 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA)

Abstract. This article shows the ratio between the institutions of rehabilitation and reparation for the damage inflicted on a person via an illegal use of measures of procedural coercion. Of particular importance is the notion of “the illegality of use of measures of procedural coercion”. The procedures suitable for identifying legal or illegal application of measures of procedural coercion upon a person are analyzed. The list of judicial decisions is given, which are necessary in each individual case for initiating judicial proceeding relating to the reparation for damage under Article 133 Para. 3 of the CrPC of Russian Federation.

Keywords: rehabilitation, reparation, court, judicial decision, judicial order, coercive measures, illegal.

В преддверии 20-летия принятия УПК РФ уместно заметить, что проведенная в 2001 г. реформа уголовно-процессуального законодательства, основным результатом которой стало принятие УПК РФ, знаменовала внедрение в правоприменительную деятельность целой череды новых (во всяком случае для нашей страны) прогрессивных уголовно-процессуальных конструкций, объединенных идеей защиты прав и законных интересов лиц, организаций, потерпевших от преступлений, защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Особое внимание привлек к себе феномен правовых институтов реабилитации и возмещения вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам, впервые в истории существования отечественного уголовно-процессуального законодательства получивший развернутое в рамках отдельной главы законодательное регулирование (гл. 18 УПК РФ).

Процедура реабилитации стала предметом пристального внимания ученых-процессуалистов, посвятивших ей серию научных трудов [1; 2; 3;4], в том числе уровня диссертационных исследований [см., напр.: 5; 6; 7; 8]. Вполне естественно, что в ходе применения норм гл. 18 УПК РФ возникали неопределенные ситуации, требующие для их разрешения вмешательства Пленума Верховного суда РФ, а в крайних случаях — и законодателя.

Верховный суд РФ по истечении 10 лет после принятия УПК РФ отреагировал на возникшие у судов вопросы при применении норм гл. 18 УПК РФ принятием 29 ноября 2011 г. Пленумом Верховного суда РФ постановления № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве», которое включает 26 пунктов разъяснений по различным компенсационным аспектам, возникающим в процессе возмещения вреда реабилитированным¹. Надо отдать должное разработчикам данного постановления, которые в условиях, когда институты реабилитации и возмещения вреда, причиненного в результате незаконного применения мер процессуального принуждения к лицу, не являющемуся субъектом реабилитации, в теории уголовного процесса разграничивались с осторожностью, реализовали в постановлении следующий подход к пониманию регулируемых в главе 18 УПК РФ правовых отношений: физические и юридические лица, незаконно подвергнутые в ходе уголовного судопроизводства мерам процессуального принуждения, «не отнесены уголовно-процессуальным законом к кругу лиц, имеющих право на реабилитацию. Однако в случаях причинения вреда указанным лицам они имеют право на его возмещение в порядке, предусмотренном главой 18 УПК РФ» (п. 6). Тем самым

¹ Российская газета. 2011. 5 дек.

Верховный суд РФ провел своеобразную «демаркационную» линию между кругом субъектов, имеющих право на реабилитацию, и более широким кругом лиц, имеющих право на возмещение вреда, причиненного самим фактом осуществления уголовного судопроизводства.

Законодатель, получая сигналы от правоприменителей, правозащитников и научных работников о «болевых точках» института реабилитации, учитывая правовые позиции Конституционного суда РФ, внес в гл. 18 УПК РФ 10 поправок, первая из которых была датирована 25 мая 2002 г. (еще до введения УПК РФ в действие¹), а последняя — 12 ноября 2018 г.²

Мониторинг следственно-судебной практики применения норм гл. 18 УПК РФ показал, что они реально заработали в «реабилитационных» случаях. В 2018 г. суды рассмотрели 2 тыс. 159 требований реабилитированных о возмещении вреда, 1 тыс. 212, или 56,1 % из них удовлетворены, по 269 требованиям, или 12,5 % отказано в удовлетворении; в 2019 г. судами рассмотрено 2 тыс. 318 таких требований, из них 1 тыс. 399, или 60,4 % удовлетворены, 246, или 17,6 % остались без удовлетворения)³.

Таким образом, нормы гл. 18 УПК РФ востребованы на практике и находятся под пристальным вниманием Верховного суда РФ, законодателя. Проблемные зоны реабилитации продолжают оставаться и научно привлекательными.

Имея конституционные основы, институт реабилитации является частью правового механизма возмещения государством реабилитированному вреду (имущественных потерь, компенсации моральных страданий, восстановления в правах). В соответствии со ст. 53 Конституции Российской Федерации лицу гарантируется возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. В развитие этих положений в уголовно-процессуальном законодательстве (ч. 4 ст. 11 УПК РФ) закреплено правило о возмещении вреда, причиненного лицу в ходе незаконного уголовного преследования, в результате нарушения его прав и свобод. Конституционное происхождение института реабилитации объективно обусловило поступление жалоб граждан в Конституционный суд РФ на нарушение их конституционных прав при применении норм гл. 18 УПК РФ. Итогом их рассмотрения стали позиции Конституционного суда РФ по целому ряду вопросов, связанных с институтом реабилитации.

В контексте композиции и содержания гл. 18 УПК РФ, правовых позиций Конституционного суда РФ и Верховного суда РФ, нацеленных на устранение неопределенности в нормативном регулировании процедуры реабилитации, представляется потенциально перспективной и актуальной норма, раз-

¹ Федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ.

² Федеральный закон от 12.11.2011 № 411-ФЗ.

³ Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел. Форма № 1. Раздел 4. 2018—2019 гг.

мещенная в ч. 3 ст. 133 УПК РФ. Дословная её редакция, сохранившаяся в изначальной редакции до сегодняшних дней, такова: «Право на возмещение вреда в порядке, установленном настоящей главой, имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу».

Важно отметить, что приведенная норма находится в ст. 133 УПК РФ «Основания возникновения права на реабилитацию» и, на первый взгляд, её положения распространяются исключительно на лиц, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование. Подобным образом рассуждают авторы изданной в 2007 г. коллективной монографии, считающие, что ч. 3 ст. 133 УПК РФ надлежит уточнить и изложить в другой редакции: «Право на возмещение вреда в порядке, установленном настоящей главой, имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе уголовного судопроизводства, при условии, что их применение было связано с уголовным преследованием данного лица» [9, с. 61].

Однако в уголовно-процессуальной теории обозначился принципиально иной подход в понимании назначения ч. 3 ст. 133 УПК РФ и условий её применения. Первоначально указанная норма даже воспринималась отдельными процессуалистами как некая «юридическая загадка», которую предстоит разгадать в ходе практического применения. «Эти правила пока не позволяют прокомментировать их однозначно, — писал в год введения в действие УПК РФ Б. Т. Безлепкин, — потому что они порождают серию вопросов, на которые призваны ответить будущая практика и процесс совершенствования нового законодательства» [10, с. 168]. При этом Б. Т. Безлепкин все же склоняется к позиции, согласно которой «в главу о реабилитации включена общая норма, к реабилитации отношения не имеющая. По буквальному смыслу ... пункта 3 комментируемой статьи на ее основании в уголовно-процессуальном порядке можно требовать и возмещения стоимости имущества, поврежденного при незаконном обыске у лица, которое уголовному преследованию не подвергалось вообще, а также компенсации за моральный вред, возникший вследствие незаконного освидетельствования» [10, с. 168].

С точки зрения А. П. Гуляева, ч. 3 ст. 133 УПК РФ «не имеет к институту реабилитации прямого отношения, задумана законодателем как автономный правовой инструмент защиты конституционных прав граждан и юридических лиц, основанием возмещения вреда является здесь не реабилитация, а незаконное применение мер процессуального принуждения. Последнее, как известно, значительно шире по содержанию, нежели уголовное преследование» [11, с. 17].

Приведенные позиции ученых-процессуалистов, совершенно по-разному трактующих сущность и назначение в уголовном процессе зафиксированного в ч. 3 ст. 133 УПК РФ права любого лица на возмещение вреда, причиненного незаконными принудительными действиями в связи с производст-

вом по уголовному делу, предопределили и два направления последующих научных исследований данного правового феномена.

В рамках первого вектора акцент в исследованиях смещался в сторону анализа правовой природы института реабилитации, субъектов права на реабилитацию, порядка возмещения различных видов вреда реабилитированным, рассмотрения частичной реабилитации [см.: 2; 8; 12; 13]. При этом вопросы возмещения вреда остальным лицам, не подпадающих под категорию реабилитированных, но пострадавших от ведения уголовного судопроизводства, не затрагивались, поскольку воспринимались как неотъемлемый атрибут института реабилитации [14, с. 216]¹.

Другое научное направление, в русле которого мы далее и планируем сосредоточить свои усилия в изучении механизма реализации предписаний ч. 3 ст. 133 УПК РФ, объединило сторонников признания за любым лицом, вовлеченным в уголовный процесс, права на возмещение вреда, причиненного ему незаконным применением мер процессуального принуждения, независимо от факта и оснований реабилитации.

Положениями ч. 3 ст. 133 УПК РФ поддерживается идея ответственности государства за незаконное (неоправданное) применение к гражданам принудительных процессуальных мер при правомерном в целом ведении уголовного судопроизводства. Отмечая прогрессивность этой идеи, Л. В. Головки подчеркивает следующее аксиологическое значение ч. 3 ст. 133 УПК РФ: «Появление данного института свидетельствует о несомненном позитивном развитии отечественного законодательства, которое не только идет много дальше классических теоретических подходов, сформировавшихся в конце XIX — начале XX в., но и заметно превосходит в плане стремления возместить вред за любые неоправданные стеснения, причиненные в ходе уголовного судопроизводства, большинство развитых правовых порядков. Еще не так давно сама постановка вопроса об ответственности государства при осуществлении правомерного уголовного преследования могла бы показаться теоретическим нонсенсом» [15, с. 1188].

На первом этапе научного анализа ч. 3 ст. 133 УПК РФ решалась задача ее «автономизации» в системе реабилитационных норм, размещенных в гл. 18 УПК РФ, обоснования независимости от института реабилитации уголовно-процессуальной конструкции возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения.

По мнению В. С. Раменской, главой 18 УПК «Реабилитация» фактически предусматриваются два самостоятельных института в рамках института реабилитации — «классической» реабилитации и восстановления прав и законных интересов, нарушенных в процессе привлечения к уголовной ответ-

¹ С учетом содержания ч. 3 ст. 133 УПК РФ Ф. Н. Багаутдинов пришел к выводу, что сфера действия института реабилитации значительно расширилась за счет ее распространения не только на меры пресечения, но и в целом на меры процессуального принуждения.

ственности. Соответственно, ей предложено новое название главы 18: «Защита прав и законных интересов лиц, незаконно привлеченных к уголовной ответственности или незаконно подвергнутых мерам уголовно-процессуального принуждения» [16, с. 8]. Позднее на это указала и А. А. Орлова [8, с. 4].

Анализируя содержание ч. 3 ст. 133 УПК РФ, А. В. Толстой обратил внимание на то, что лица, за которыми не признано право на реабилитацию, пользуются правом на возмещение причиненного им вреда незаконными действиями правоохранительных органов по применению к ним мер процессуального принуждения в порядке реабилитации [17, с. 32].

Сопоставляя нормы ч. 1 и ч. 3 ст. 133 УПК РФ, Ю. О. Максимихина приходит к выводам об уголовно-процессуальной природе института реабилитации и гражданско-правовой природе института возмещения вреда, отличающихся между собой субъектами, содержанием закрепленных законом прав, основаниями их возникновения и порядком реализации [18, с. 297].

Обстоятельно эти вопросы рассмотрены в публикациях В. В. Никулюк, сформулировавшей ряд следующих принципиальных положений:

а) в гл. 18 УПК РФ главенствующая роль отводится нормам, образующим самостоятельный уголовно-процессуальный институт реабилитации; нормы, регулирующие отношения по возмещению вреда, наступившего в результате применения незаконных мер процессуального принуждения, малочисленны и менее развиты;

б) между правом на возмещение вреда, причиненного незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, и правом на реабилитацию имеются существенные отличия: различны юридические факты, необходимые для возникновения соответствующих отношений, субъекты права на возмещение вреда и реабилитации, а также процедуры компенсационных действий;

в) включение в гл. 18 УПК РФ компенсаторных норм, призванных обеспечить возмещение вреда любым участникам уголовного судопроизводства, обусловлено возможностью применения мер принуждения не только к подозреваемому, обвиняемому, но и к другим лицам;

г) нормы гл. 18 УПК РФ, имея разную адресность, обеспечивают возможность возмещения вреда вовлеченным в уголовный процесс лицам как по факту их реабилитации, так и до принятия итогового процессуального решения, по ходу производства по уголовному делу [19, с. 36—51].

Схожие точки зрения на сущность и значение в системе реабилитационных норм ч. 3 ст. 133 УПК РФ в литературе представлены и другими авторами, приводящими дополнительные аргументы в пользу дифференциации в гл. 18 УПК РФ способов возмещения вреда лицам, пострадавшим от незаконных действий по уголовному делу [3, с. 35; 20, с. 1188—1190]. Таким образом, позиционирование процессуальной доктриной формирующегося в уголовном процессе относительно автономного института возмещения вреда в связи с незаконным применением мер процессуального принуждения, для

которого «базовой нормативной площадкой» служит ч. 3 ст. 133 УПК РФ, порождает серию непростых вопросов: Как следует понимать «незаконность» применения мер процессуального принуждения? Какие процедуры пригодны для того, чтобы определить, законно или незаконно к лицу были применены процессуальные принудительные меры? Как трактовать, в узком или расширительном смысле, сам термин «меры процессуального принуждения»? Когда обвиняемый вправе требовать возмещения вреда в порядке ч. 3 ст. 133 УПК РФ? В каких случаях юридические лица становятся субъектами отношений, регулируемых ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ? Какие виды вреда возмещаются в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ? В каких случаях возмещение вреда в связи с незаконным применением мер процессуального принуждения происходит в порядке гражданского судопроизводства?

Далее, учитывая ограниченный объем статьи, рассмотрим лишь вопросы, которые связаны с оценкой законности (незаконности) мер процессуального принуждения.

Право на реабилитацию признаётся судом в приговоре за оправданным либо дознавателем, следователем за лицом, в отношении которого вынесено постановление о прекращении уголовного преследования. Указанными органами реабилитированному разъясняется порядок возмещения вреда (ч. 1 ст. 134 УПК РФ). Согласно ч. 3 ст. 133 УПК РФ, право на возмещение вреда у граждан возникает при условии, если они незаконно подвергались мерам процессуального принуждения. Поэтому основанием для начала судебного производства по возмещению вреда на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ является процессуальное решение, признающее незаконным применение меры процессуального принуждения при производстве по уголовному делу. Остановимся на видах таких процессуальных решений.

На страницах юридической печати обосновывается предложение о закреплении в законе процедуры признания незаконности мер процессуального принуждения, которым подвергалось лицо в связи с уголовным судопроизводством. Предполагается, что после получения копии определения суда, постановления судьи, принятых в порядке ст. 125, ч. 5 ст. 165, гл. 45.1, гл. 47.1 УПК РФ, или постановления прокурора, руководителя следственного органа, вынесенного в соответствии со ст. 124 УПК РФ, о незаконном применении меры процессуального принуждения в ходе уголовного судопроизводства лицо вправе обратиться с требованием о возмещении вреда в суд. Заявленное требование подлежит рассмотрению и разрешению по правилам и в сроки, установленные ст. 135 УПК РФ [19, с. 147—148; 21, с. 135—145].

Представляется, что потенциал внесудебного порядка оценки законности применения к лицу мер процессуального принуждения (ст. 124 УПК РФ) недостаточен для решения задачи признания за ним права на возмещение вреда на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ. Во-первых, большинство мер процессуального принуждения применяются по судебному решению либо судом проводится проверка законности произведенного следственного действия

неотложно (осмотр, выемка, обыск в жилище, выемка имущества из ломбарда, арест имущества, подлежащего конфискации). Во-вторых, прокурор (ст. 37 УПК РФ) и руководитель следственного органа (ст. 39 УПК РФ) не имеют прямых полномочий давать оценку законности применения меры уголовно-процессуального принуждения. Поэтому предпочтение должно быть отдано судебному порядку оценки и признания незаконными мер принуждения. В итоге право лица на возмещение вреда в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ возникает, как представляется, лишь тогда, когда судом приняты и вступили в законную силу следующие решения: 1) постановление о признании незаконным применения к лицу меры процессуального принуждения, вынесенное по правилам ст. 125 УПК РФ; 2) постановление о незаконности произведенного следственного действия неотложно, вынесенное по правилам ч. 5 ст. 165 УПК РФ; 3) вынесенное по правилам ст. 108 УПК РФ постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу и освобождении из-под стражи подозреваемого, задержанного по подозрению в совершении преступления; 4) апелляционное постановление и кассационное определение, которым признаётся незаконным применение меры принуждения, вынесенные по правилам глав 45.1 и 47.1 УПК РФ.

В качестве типичных ситуаций, подпадающих под действие положений ч. 3 ст. 133 УПК РФ, можно привести случаи, когда признаётся в судебном порядке незаконность:

— наложения ареста на имущество «других лиц» с последующей его отменой [подробнее об этом см.: 22. с. 11—15].

— обыска в жилище иных лиц, проведенного неотложно, в ходе которого без необходимости повреждено имущество;

— принудительного привода свидетеля, если в процессе его доставки лицу причинен физический или имущественный вред.

Субъектами права на возмещение вреда в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ здесь становятся лица, в отношении которых не осуществляется обвинительная деятельность.

В настоящее время в судебной практике нередки случаи признания кассационными судами общей юрисдикции незаконным содержание под стражей обвиняемого в течение определенного срока в стадии предварительного расследования уголовного дела. В этой связи вполне естественно возникает вопрос о правовых последствиях таких судебных решений для обвиняемого.

Так, например, по возбужденному 12 февраля 2016 г. уголовному делу Ч. обвиняется в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ, с 15 апреля 2016 г. содержится под стражей. 18 июля 2019 г. уголовное дело в отношении Ч. поступило в Кунцевский районный суд г. Москвы, постановлением которого от 25 июля 2019 г. было отказано в удовлетворении ходатайства обвиняемого и его защитника об изменении меры пресечения обвиняемому Ч. Мера пресечения Ч. оставлена прежняя — за-

ключение под стражу, срок ее действия продлен до 17 октября 2019 г. включительно. Апелляционным постановлением Московского городского суда от 13 августа 2019 г. постановление Кунцевского районного суда г. Москвы от 25 июля 2019 г. в отношении Ч. оставлено без изменения.

Определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2019 г. постановление Кунцевского районного суда г. Москвы от 25 июля 2019 г. и апелляционное постановление Московского городского суда от 13 августа 2019 г. отменены. Содержание Ч. под стражей в период с 30 июля 2019 г. по 17 октября 2019 г. признано незаконным. Поскольку Ч. содержался под стражей на основании постановления Кунцевского районного суда г. Москвы от 3 октября 2019 г., продлившего срок действия меры пресечения в отношении Ч. по 17 января 2020 г., законность которого не являлась предметом проверки судебного разбирательства, из-под стражи он освобожден не был¹.

По другому уголовному делу определением второго Кассационного суда общей юрисдикции от 15 января 2020 г. отменены постановление Московского городского суда от 5 августа 2019 г. и апелляционное определение судебной коллегии апелляционной инстанции Московского городского суда от 2 сентября 2019 г. о продлении срока содержания под стражей в отношении сразу шести обвиняемых. Также признано незаконным их содержание под стражей в период с 7 августа 2019 г. до 7 ноября 2019 г.².

Не вдаваясь в анализ оснований отмены указанных судебных решений и признания незаконным содержания под стражей обвиняемых в течение нескольких месяцев, поставим вопрос: может ли в обозначенной ситуации обвиняемый обратиться в суд с требованием о возмещении вреда? И какой вид вреда может фигурировать в требовании о его возмещении? В порядке уголовного (как это предписывает ч. 3 ст. 133 УПК РФ) или гражданского судопроизводства следует рассматривать такие требования? Или смысл в подобных решениях (отмена постановлений судов первой и апелляционной инстанций с признанием незаконным фактического содержания обвиняемого под стражей на одном из его отрезков) состоит в обеспечении «чистоты правосудия», ориентировании, настраивании судов на «будущее» при рассмотрении ими материалов, связанных с избранием обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражей или продлением срока содержания его под стражей? Внятных ответов на эти вопросы в правовой литературе пока нет. Не выработано по ним правовых позиций и Конституционным судом РФ, а также Верховным судом РФ.

С другой стороны, именно в контексте правовых позиций Конституционного суда РФ возникает еще одна теоретически и практически возможная схема применения предписаний ч. 3 ст. 133 УПК РФ для возмещения вреда, причиненного уже обвиняемому при его уголовном преследовании.

¹ Дело № 77-4 / 2019 г.

² Дело № 77-27 / 2020 г.

В постановлении Конституционного суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П по делу о проверке конституционности положений частей третьей — седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина С. В. Махина подчеркивается, что УПК РФ гарантирует право на возмещение вреда в случае незаконного применения мер процессуального принуждения, в том числе мер пресечения (ч. 3 ст. 133 УПК РФ). В случае назначения наказания, несопоставимого с ограничениями, связанными с данной мерой пресечения, в том числе в части продолжительности содержания под стражей, которое претерпел обвиняемый, суд в приговоре может признать его право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 УПК РФ (ч. 3 и ч. 5 ст. 133 УПК РФ, пп. 4 и 6 постановления Пленума Верховного суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»). Положения названной главы не исключают принятия судом решения о возмещении вреда, причиненного незаконным применением к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу и в случаях, когда органом расследования или судом не принято решение о полной реабилитации подозреваемого или обвиняемого (п. 5).

Аналогичный подход к пониманию средств правовой защиты компенсаторного характера, включающих возмещение вреда, наступившего от произвольного или несоразмерно длительного содержания под стражей при осуществлении уголовного судопроизводства, был применен Конституционным судом РФ и в постановлении от 22 марта 2018 г. № 12-П по делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина. Выражен он следующим образом: если представленные суду должностным лицом органа предварительного расследования сведения, послужившие основанием для применения в отношении подозреваемого, обвиняемого домашнего ареста в качестве меры пресечения, на момент принятия такого решения не свидетельствовали о наличии нормативной возможности назначения ему наказания в виде лишения свободы, что было подтверждено ходом рассмотрения уголовного дела, за этим подозреваемым, обвиняемым, по смыслу правовой позиции Конституционного суда РФ, выраженной в постановлении от 16 июля 2015 г. № 23-П, может быть признано право на возмещение вреда, в порядке, установленном главой 18 УПК РФ, положения которой не исключают возмещения вреда, причиненного незаконным применением к лицу меры пресечения, в случаях, когда органом предварительного расследования или судом не принято решение о полной реабилитации подозреваемого или обвиняемого (п. 4.2).

В юридической литературе приводится еще одна неординарная ситуация, когда оказывается востребованным компенсаторный потенциал ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

Обвиняемый, находящийся под стражей в течение 9 месяцев и 20 дней, впоследствии был осужден к наказанию в виде лишения свободы сроком на 9 месяцев. Срок содержания под стражей в качестве меры пресечения оказался выше срока наказания в виде лишения свободы. По иску осужденного суд на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ признал за ним право на возмещение морального вреда с учетом нравственных и физических страданий [20, с. 1159].

Итак, предписания ч. 3 ст. 133 УПК РФ становятся реально значимыми лишь при условии констатации незаконности применения мер процессуального принуждения соответствующим судебным решением. Последнее является юридическим основанием для начала судебного производства по возмещению вреда.

Принятие судом решения о возмещении вреда, причиненного незаконным применением к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, может иметь место и до реабилитации подозреваемого или обвиняемого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гуляев А. П. Возмещение вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения / А. П. Гуляев, В. В. Николук // Государство и право. — 2007. — № 6. — С. 67—87.
2. Цоколова О. И., Костылева Г. В., Рогачев С. А. Реабилитация в уголовном процессе / О. И. Цоколова, Г. В. Костылева, С. А. Рогачев. — М., 2010. — 132 с.
3. Макарова О. В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе / О. В. Макарова // Журнал российского права. — 2014. — № 5. — С. 32—37.
4. Николук В. В. Распространяется ли институт реабилитации на стадию исполнения приговора / В. В. Николук // Уголовный процесс. — 2015. — № 10. — С. 28—35.
5. Глыбина А. Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Глыбина. — Томск, 2006. — 23 с.
6. Проказин Д. Л. Реабилитация: основания, условия и содержание в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. Л. Проказин. — М., 2006. — 22 с.
7. Матвеев А. Н. Правовой институт реабилитации в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Матвеев. — М., 2009. — 22 с.
8. Орлова А. А. Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы её реализации в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. А. Орлова. — М., 2013. — 30 с.
9. Гаврилюк Р. В., Ковтун Н. Н., Юсупов А. А. Реабилитация в российском уголовном процессе / Р. В. Гаврилюк, Н. Н. Ковтун, А. А. Юсупов. — Нижнекамск, 2007. — 256 с.
10. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б. Т. Безлепкин. — М., 2002. — 482 с.
11. Гуляев А. П. Правовое регулирование реабилитации в уголовном процессе / А. П. Гуляев // Вестник Академии права и управления. — 2003. — № 3. — С. 21—23.
12. Татьяна Д. В. Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания) / Д. В. Татьяна. — М., 2007. — 52 с.

13. Потетинов В. А. Уголовно-процессуальный институт реабилитации в законодательстве России: современное состояние и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Потетинов. — Томск, 2018. — 24 с.
14. Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение имущественных прав личности при расследовании преступлений / Ф. Н. Багаутдинов. — М., 2002. — 65 с.
15. Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головки. — М., 2016. — 254 с.
16. Раменская В. С. Институт реабилитации в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2004. — 24 с.
17. Толстой А. В. Участники правоотношений по реабилитации на доосудебных стадиях уголовного судопроизводства / А. В. Толстой // Российский судья. — 2007. — № 3. — С. 26—29.
18. Максимихина О. Ю. Институт реабилитации в уголовном процессе России / О. Ю. Максимихина // Актуальные проблемы уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. проф. В. А. Лазаревой. — Самара, 2009. — Вып. 4. — С. 54—58.
19. Николюк В. В. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения: моногр. / В. В. Николюк. — Омск, 2012. — 214 с.
20. Головки Л. В. Возмещение вреда, причиненного в ходе правомерного уголовного преследования / Под ред. Л. В. Головки. — М., 2016. — 84 с.
21. Гуляев А. П., Николюк В. В. Теоретико-методологические основы формирования организационно-правового механизма возмещения вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам ведением уголовного судопроизводства / А. П. Гуляев, В. В. Николюк // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. — Орел, 2018. — С. 135—145.
22. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями, связанными с наложением ареста на имущество членов семьи обвиняемого (подозреваемого) / Б. Б. Булатов, А. С. Дежнев // Российский следователь. — 2011. — № 7. — С. 26—29.

УДК 343.13

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10073

Попова Ирина Павловна,

доцент кафедры уголовного процесса

Восточно-Сибирского института МВД России,

кандидат юридических наук

ПОЛУЧЕНИЕ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные дискуссионные вопросы получения образцов для сравнительного исследования. Обоснована позиция о том, что получение образцов для сравнительного исследования является следственным действием. Исследуется вопрос о возможности получения образцов для сравнительного исследования у различных участников уголовного судопроизводства. Сформулирован и обоснован вывод о возможности получения образцов для сравнительного исследования при назначении судебной экспертизы на судебных стадиях производства по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебная экспертиза, участники уголовного судопроизводства, получение образцов для сравнительного исследования.

Popova Irina Pavlovna,

Associate Professor Department of Criminal Procedure

of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia

Candidate of Law

OBTAINING SAMPLES FOR COMPARATIVE RESEARCH

Abstract. The article discusses some discussion issues of obtaining samples for comparative research. The position is substantiated that obtaining samples for a comparative study is an investigative action. The question of the possibility of obtaining samples for a comparative study of various participants in criminal proceedings is being investigated. The conclusion is formulated and justified on the possibility of obtaining samples for a comparative study in the appointment of a forensic examination at the judicial stages of criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, forensic examination, participants in criminal proceedings, obtaining samples for a comparative study.

Процедура назначения и производства судебной экспертизы отражена в главе 27 УПК РФ, предусматривающей, в том числе, получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ). Вопросы процедуры получения образцов для сравнительного исследования ввиду их недостаточной правовой урегулированности зачастую порождают практические проблемы,

которые также являются предметом актуальной научной дискуссии [4; 8; 15; 17; 18].

Среди основных проблем, возникающих в следственно-судебной практике, возможно выделить следующие: 1) принудительный порядок получения образцов для сравнительного исследования; 2) круг лиц, у которых могут быть получены указанные образцы; 3) изъятие образцов для сравнительного исследования в ходе других следственных действий; 4) особенности получения образцов для производства судебной экспертизы на судебном заседании.

Для разрешения указанных проблем изначально следует определиться, является ли получение образцов для сравнительного исследования следственным действием? В доктрине уголовного процесса само понятие следственного действия является дискуссионным [1; 14], а именно оно является определяющим для формулирования соответствующих признаков, совокупность которых позволяет то или иное процессуальное действие рассматривать как следственное. В числе таких признаков познавательный характер следственных действий, их направленность на собирание, проверку и оценку доказательств; удостоверение фактических обстоятельств хода, содержания и результатов следственного действия в соответствующем протоколе, регламентация оснований и порядка производства следственных действий в уголовно-процессуальном законе с возможностью принуждения.

Следственные действия можно рассматривать как процессуальные действия, производство которых носит познавательный характер и возможно в досудебном производстве по уголовным делам только в надлежащей процессуальной форме в целях обеспечения формирования доказательств и их проверки, при этом следственные действия обеспечиваются процессуальным принуждением.

Исходя из данного понятия, раскрывающего соответствующие признаки, получение образцов для сравнительного исследования является следственным действием, необходимым для производства судебной экспертизы. К числу характерных особенностей данного следственного действия относится то, что большинство следственных действий в результате позволяют сформировать доказательство. Тогда как получение образцов для сравнительного исследования приобретает доказательственное значение только после проведения судебной экспертизы. Впрочем, в науке также нет единой позиции о том, является ли судебная экспертиза следственным действием.

То, что производство самой экспертизы осуществляется экспертами, не меняет сути судебной экспертизы как следственного действия, поскольку следователь не только вправе присутствовать при её производстве (ст. 197 УПК РФ), но и сам оценивает полученные результаты, и, как и суд, дает этим результатам оценку на основании ст.ст. 17, 88 УПК РФ, принимая решение о возможности использования в доказывании заключения судебной экспертизы.

Одни авторы полагают, что судебная экспертиза является следственным действием [11, с. 21—22; 13, с. 66]; например, И. М. Комаров считает,

что назначение и производство судебной экспертизы является комплексным следственным действием [5, с. 93]. Другие, напротив, утверждают, что судебная экспертиза является некой самостоятельной процессуальной формой получения новых и проверки (уточнения) имеющихся доказательств [6, с. 4; 7, с. 22].

С. Б. Россинский расценивает судебную экспертизу как самостоятельную процессуальную категорию, отличающуюся от следственных действий субъектом, осуществляющим непосредственное познание соответствующих объектов, принципиально иным правовым режимом и особым видом формируемых посредством её проведения доказательств [12].

Следует признать, что судебная экспертиза является следственным действием, но более сложным, нежели другие, поскольку предполагает особые условия назначения и производства данного следственного действия, последующих действий после её проведения. В частности, решение о производстве судебной экспертизы принимает властный участник уголовно-процессуальных правоотношений — следователь или суд, а в предусмотренных законом случаях — производство экспертизы обязательно (ст. 196 УПК РФ). Иные участники уголовного судопроизводства в связи с производством данного следственного действия имеют комплекс соответствующих прав (ст. 198 УПК РФ). Вместе с тем в случае необходимости, когда для производства судебной экспертизы требуется получение образцов для сравнительного исследования, исполнение постановления следователя или суда выступает основанием для обязанностей того, кого данное решение о производстве указанного следственного действия затрагивает. Судебная экспертиза находится в ограниченном перечне следственных действий, производство которых разрешено уголовно-процессуальным законом до возбуждения уголовного дела.

Согласно правовым позициям Конституционного суда России, выраженным по ряду дел, судебная экспертиза рассматривается как следственное действие. Например, в Определении Конституционного суда РФ по жалобе С. О. Кудымова отражено следующее: «подозреваемому, обвиняемому, его защитнику не может быть отказано в производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела»¹.

В юридической литературе существуют различные позиции по поводу включения получения образцов для сравнительного исследования в систему следственных действий. Например, С. А. Шейфер в указанной системе определял место и данному специфичному следственному действию [19, с. 66—68], равно, как и другие авторы [3; 9, с. 703—716; 16]. Тогда как отдельные авторы, наоборот, считают, что получение образцов для сравнительного исследования, выступая следственным действием, никогда само по себе не

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кудымова Сергея Олеговича на нарушение его конституционных прав положениями статей 38, 47, 56, 86, 166, 177 и 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного суда РФ от 28.02.2019. № 505-О // СПС «Консультант плюс».

несет определенной информации о предмете доказывания, в силу чего является процессуальным действием [5, с. 93] или «подследственным действием» [2, с. 34].

Получение образцов для сравнительного исследования по своей процессуальной природе отдельные исследователи относят к разновидности производных вещественных доказательств [13, с. 129]. Между тем, В. А. Лазарева, анализируя юридическую природу образцов для сравнительного исследования, аргументированно рассматривает образцы в качестве самостоятельной особой категории используемых в уголовном процессе объектов, «которые близко примыкают к вещественным доказательствам, но не являются ими, поскольку имеют иное происхождение, а выступают в роли связующего звена между идентифицируемым и идентифицирующим объектами». По её мнению, образцы, в отличие от вещественных доказательств, не создаются в ходе совершения преступления, а потому не являются его отражением. Они не могут быть произведены и от вещественного доказательства. Далее В. А. Лазарева резюмирует, что значение образцов для сравнительного исследования состоит в том, что они позволяют выявить доказательственное значение вещественного доказательства, хотя самостоятельного доказательственного значения они не имеют [10, с. 242].

Протокол получения образцов для сравнительного исследования является доказательством, чье процессуальное значение следует оценивать в совокупности с другими доказательствами, в частности, с заключением судебной экспертизы: получение образцов для сравнительного исследования в нарушение норм закона влечет недопустимость и заключения судебной экспертизы. Как верно отмечает Г. Д. Луковников, некоторые процессуальные действия, предусмотренные законом, обусловлены производством следственных действий и способствуют их осуществлению, поскольку именно в этом состоит их предназначение. К числу таких следственных действий он относит и получение образцов для сравнительного исследования, и, по его мнению, по этому признаку данные процессуальные действия могут быть также признаны следственными действиями, предшествующими основным или обеспечивающими следственными действиями, входящими в их комплекс с другими [11, с. 22].

Как и ко всякому следственному действию, к получению образцов для сравнительного исследования сформулировано в законе несколько требований. При получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство. О получении образцов для сравнительного исследования следователь выносит постановление. В необходимых случаях получение образцов производится с участием специалистов. О получении образцов для сравнительного исследования следователь составляет протокол в соответствии со ст. 166, 167 УПК РФ, за исключением требования об участии понятых. Получение образцов для сравнительного исследования может

быть произведено до возбуждения уголовного дела, обеспечивается государственным принуждением.

Вопрос принудительного получения образцов для сравнительного исследования неоднократно был предметом исследования Конституционного суда Российской Федерации, подчеркнувшего, что закон допускает возможность принудительного получения образцов при условии обоснованности и соразмерности ограничения конституционных прав личности¹.

Следователь вправе получить образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего а также в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ у иных физических лиц и представителей юридических лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах. Отсюда следует, что при возникновении необходимости получение образцов для сравнительного исследования возможно у участников уголовно-процессуальных правоотношений, даже еще не обладающих процессуальным статусом, но некие процессуальные гарантии могут быть при этом обеспечены. В частности, речь идет о возможности участия в данном следственном действии защитника. Обращение к правовым позициям Конституционного суда РФ позволяет сформулировать вывод, что участие защитника не исключается, но вместе с тем обязательного участия защитника при данном следственном действии не требуется, и во всяком случае неявка защитника не препятствует производству данного следственного действия.

Как подчеркнул Конституционный суд РФ в уже упомянутом решении по жалобе С. О. Кудымова, по смыслу ряда положений УПК РФ (ст.ст. 157, 164, 165, 182 и 183), требование о незамедлительном обеспечении права на помощь адвоката (защитника) не может быть распространено на случаи проведения следственных действий, не связанных с дачей лицом показаний и носящих безотлагательный характер, подготавливаемых и проводимых без предварительного уведомления лица об их проведении ввиду угрозы уничтожения (утраты) доказательств (определения Конституционного суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 415-О, от 23 апреля 2015 г. № 998-О, от 21 мая 2015 г. № 1176-О, от 26 апреля 2016 г. № 920-О, от 20 декабря 2016 г. № 2745-О, от 27 июня 2017 г. № 1172-О² и др.). К числу таких след-

¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой Веры Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 86, 87 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 2, 6 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного суда РФ от 28.09.2017 № 2211-О // СПС «Консультант плюс».

² См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барабаша Кирилла Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 5 части первой статьи 53 и пунктом 6 части четвертой статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного суда РФ от 17.02.2015 № 415-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Агаркова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного

ственных действий относится и получение образцов для сравнительного исследования, в том числе у свидетеля, которое не исключает участия явившегося адвоката (защитника), однако и не приостанавливается для обеспечения его явки.

Большинство исследований, посвященных следственному действию «получение образцов для сравнительного исследования», отражают проблемы его производства в досудебных стадиях. Между тем нередко необходимость в получении образцов для сравнительного исследования может возникнуть и в судебном заседании. В случае необходимости производства данного судебного действия в стадии судебного разбирательства на него распространяются те же требования, что и в досудебном производстве. Характерной особенностью получения образцов для сравнительного исследования в связи с назначением судебной экспертизы в судебном заседании является то обстоятельство, что обеспечение принуждения при данном судебном действии довольно сложно реализовать.

Если в досудебном производстве свидетель отказывается выдать добровольно образцы для сравнительного исследования, то возможно их получение путем производства других следственных действий. Например, в целях обнаружения документов, содержащих свободные образцы личной подписи, а также образцов почерка свидетеля Ф., отказавшейся предоставить образцы личной подписи для проведения почерковедческой экспертизы, а также отказавшейся предоставить документы, содержащие свободные образцы подписи, экспериментальные образцы своей подписи, были инициировано ходатайство о производстве обыска по месту жительства свидетеля Ф. Решение суда о разрешении производства обыска в жилище было признано законным вышестоящим судом при проверке доводов жалобы свидетеля Ф.¹

В случае необходимости принудительного изъятия образцов в аналогичной ситуации в ходе судебного разбирательства выполнение этого судеб-

---

суда РФ от 23.04.2015 № 998-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Капина Дениса Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного суда РФ от 21.05.2015 № 1176-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Николаиди Николая Васильевича на нарушение его конституционных прав частью десятой статьи 166 и частями второй, восьмой, одиннадцатой и двенадцатой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного суда РФ от 26.04.2016 № 920-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шипицына Артема Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью одиннадцатой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного суда РФ от 20.12.2016 № 2745-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Медведева Игоря Владимировича на нарушение его конституционных прав рядом норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного суда РФ от 27.06.2017 № 1172-О // СПС «Консультант плюс».

¹ Постановление Краснодарского краевого суда от 13.12.2017 № 22-7547/17 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WGkjRyOs3tNT> (дата обращения: 13.05.2020).

ного действия практически невозможно, и оно может быть реализовано только путем возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

В личной практике автора статьи имело место получение образцов для сравнительного исследования в связи с назначением судебно-биологической экспертизы в судебном заседании. Необходимость производства судебной экспертизы возникла в связи с тем, что в ходе досудебного производства не был исследован ни один из предметов, изъятых в ходе осмотра места происшествия, а подсудимый отрицал собственную причастность к убийству своего брата. В результате в судебное заседание был приглашен специалист — сотрудник медицинского учреждения, который на основании постановления суда отобрал образцы крови подсудимого для сравнительного исследования с кожным лоскутом от трупа погибшего и изъятыми в досудебном производстве предметами, что было направлено на экспертное исследование. Полученные результаты были использованы в доказывании при постановлении обвинительного приговора. Однако образцы были подсудимым выданы добровольно, в случае его отказа в выдаче образцов для сравнительного исследования выполнить постановление суда принудительно было бы весьма затруднительным.

Таким образом, получение образцов для сравнительного исследования возможно и в судебном разбирательстве, однако, если это связано лишь с добровольным выполнением этого судебного действия. В противном случае надлежащий механизм принуждения нормативно не урегулирован, что лишает возможности реализации решения суда.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что проблемные вопросы получения образцов для сравнительного исследования порождены недостаточным правовым регулированием, что требует реакции законодателя, поскольку противоречивые позиции в рамках научного дискурса зеркально отражаются и в следственно-судебной практике, не выработавшей единообразия в вопросах порядка производства данного следственного действия, в том числе, и сложностей его реализации на судебных стадиях производства по уголовному делу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алонцева Е. Ю. Об использовании законодателем терминов «процессуальные действия» и «следственные действия» (сравнительно-правовой анализ законодательства России и иных стран СНГ) / Е. Ю. Алонцева // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2016. — № 6. — С. 17—20.
2. Баев О. Я. Тактика следственных действий: учеб. пособ. / О. Я. Баев. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 456 с.
3. Ильяшенко А. Н. Производство отдельных видов судебной экспертизы как следственное действие / А. Н. Ильяшенко // Общество и право. — 2011. — № 3. — С. 268—273.
4. Колегов А. Л., Волосников И. В. Проблемы принудительного получения образцов для сравнительного исследования / А. Л. Колегов, И. В. Волосников // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 4 (91). — С. 96—106.

5. *Комаров И. М.* Еще раз к вопросу о признаках следственного действия и системе следственных действий в отечественном уголовном процессе / И. М. Комаров // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — № 4 (83). — С. 88—96.
6. *Корухов Ю. Г.* Судебная экспертиза в уголовном процессе: практ. пособ. для экспертов и судей / Ю. Г. Корухов. — М.: СУЭКС, 2012. — 79 с.
7. *Кудрявцева А. В.* Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб.: СПбУ МВД России, 2001. — 41 с.
8. *Кудрявцева А. В., Кудрявцева Ю. А.* Получение образцов для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве России (процессуальная природа, порядок, доказательственное значение). — М.: Юрлитинформ, 2014. — 208 с.
9. *Курс уголовного процесса* / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев и др.; под ред. Л. В. Головки. — М.: Статут, 2016. — 1278 с.
10. *Лазарева В. А.* Доказывание в уголовном процессе: учебник для вузов. В. А. Лазарева. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во Юрайт, 2020. — 263 с.
11. *Луковников Г. Д.* Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия: учебное пособие для вузов / Г. Д. Луковников. — 2-е изд. — М.: Изд-во Юрайт, 2020. — 290 с.
12. *Россинский С. Б.* Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2015. — № 2. — С. 16—31.
13. *Рубинштейн Е. А.* Следственные действия / Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. — В 2 ч. Ч. 2: учебник для вузов / Г. М. Резник [и др.]; под общ. ред. Г. М. Резника. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во Юрайт, 2020. — С. 64—133.
14. *Семенцов В. А.* К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами / В. А. Семенцов // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 4. — С. 48—57.
15. *Смолькова И. В.* Допустимо ли принуждение при получении образцов для сравнительного исследования в российском уголовном судопроизводстве / И. В. Смолькова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2018. — № 4 (87). — С. 146—154.
16. *Стельмах Ю. В.* Получение образцов для сравнительного исследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: понятие, порядок производства и проблемные вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2016. — № 1 (69). — С. 78—85.
17. *Тангриева В. Н.* Проблемные вопросы получения образцов для сравнительного исследования в ходе дознания по уголовному делу / В. Н. Тангриева // Научный портал МВД России. — 2015. — № 3. — С. 30—33.
18. *Ушаков А. Ю., Расулова Н. С.* К вопросу о применении принудительных мер при получении образцов для сравнительного исследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2019. — № 2. — С. 18—23.
19. *Шейфер С. А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма / С. А. Шейфер. — М.: Юрлитинформ, 2001. — 208 с.

УДК 343.131

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10074

Шмарев Артём Иванович,

доцент кафедры уголовного процесса
и правоохранительной деятельности
Удмуртского государственного университета,
кандидат юридических наук

НУЖЕН ЛИ ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ?

Аннотация. Автор статьи исследовал различные точки зрения мыслителей и учёных с давних пор до настоящего времени, взгляды религий, проанализировал законотворческую деятельность многих стран на необходимость в законодательном закреплении справедливости среди принципов уголовно-процессуального права. Рассмотрел примеры отечественной судебной практики, предполагающей наличие такого принципа в уголовном процессе, но в то же время отсутствующего в кодифицированном законе. Пришёл к обоснованному выводу о такой потребности.

Ключевые слова: уголовный процесс, принципы, справедливость, закрепление, закон.

Shmarev Artyom Ivanovich,

Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure and Law Enforcement
of the Udmurt State University,
Candidate of Law

DOES THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS NEED A JUSTICE PRINCIPLE?

Abstract. The author of the article has researched various points of view of thinkers and scientists for a long time to the present, the views of religions, analyzed the legislative activities of many countries on the need for legislative consolidation of justice among the principles of criminal procedure law. He examined examples of domestic judicial practice, which presupposes the existence of such a principle in criminal proceedings, but at the same time is absent in the codified law. I came to an informed conclusion about such a need.

Keywords: criminal procedure, principles, justice, consolidation, law.

«Правители, которые, подобно Юстиниану, дали своему народу ... собрание законов ... не только стали величайшими благодетелями народов и с благодарностью восхвалялись ими, но и совершили этим великий акт справедливости» [1, с. 253].

Одержимость правителей к установлению справедливости отражалась в правовых памятниках, доживших до наших дней: во введении к законам Хаммурапи, в Кодексе короля Леогвильда 572 г., в Великой Хартии Вольностей 1215 г., а также в других [2, с. 94].

В Псковской Судной грамоте (статьи 3, 4, 59, 77 и 78) [2, с. 65, 67], Соборном уложении 1649 г. (статьи 1 и 22) [3, с. 13, 17, 18], Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (статьи 265, 612, 613, 739, 740, 745 и 912) мы встречаемся со справедливостью в судопроизводстве России [4, с. 146, 160, 179, 191, 207].

В статье 36 Декрета о суде № 2 от 7 марта 1918 г. закреплена обязанность суда руководствоваться соображениями справедливости при рассмотрении гражданских и уголовных дел. Заложенную в первых декретах о суде часть принципов уголовного судопроизводства законодатель перенял и отразил их в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ (далее — УПК Российской Федерации), несколько осовременив их форму.

Религия не осталась в стороне. Библия рекомендует судьям слушать своих братьев и справедливо судить [5, с. 189]. В Коране рассказывается о любви Аллаха к справедливости, о том, что судить нужно только по справедливости [6, с. 19, 95, 113].

В римском праве звучит «справедливость есть постоянная и неизменная воля каждому воздавать по заслугам» [7, с. 295].

Содержание справедливости, выращенное веками развития философско-правовой мысли, отражено в международно-правовых документах. В представлениях о справедливости обнаруживается, что её установление принадлежит народу, и она является отражением общей воли [8, с. 25].

Этическое происхождение справедливости начинается с установленного правила о том, что она добродетель и качество человеческой души. Конфуций относит справедливость к одной из четырёх черт благородного мужа [9, с. 8]. Аристотель, считая справедливость добродетелью, настаивает на том, что её противоположность — порочность [9, с. 11].

Русский язык под словом «справедливость» понимает беспристрастность, действие на законных и честных основаниях, олицетворение истины [10, с. 747].

Справедливость — это одно из ведущих начал в практике мирового регулирования и при решении конкретных юридических дел, убеждён В. Н. Хропанюк [11, с. 216].

По С. С. Алексееву, справедливость — это одно мерило, одинаковый подход, равновесность [12, с. 336].

В. П. Нажимов под принципом справедливости понимает требование при рассмотрении дела установить объективную истину, руководствоваться

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в ред. от 31.07.2020) // Справочно-правовая система «Консультант плюс»

законом и совестью, а принимаемые решения должны быть мотивированы понимаемыми и явными доводами и установленными по делу фактами [13, с. 10]. Л. С. Явич поддерживает это мнение [14, с. 150].

Очевидно, что принцип справедливости пронизывает все отрасли российского права. В каких-то он нормативно закреплён, в других — его существование обосновано в международных актах, правовых позициях различных судов, мнениях учёных.

В связи с этим полагаем бесспорным, что справедливость есть важнейшая категория государства и права, она обладает статусом общеправового принципа.

Давайте рассмотрим справедливость как принцип уголовного судопроизводства.

По определению З. В. Макаровой и М. Г. Янина, принципами уголовного судопроизводства являются основные положения, закреплённые юридически, определяющие общие свойства, правовое и социальное назначение судопроизводства [15].

Не умолкает дискуссия о критериях выделения принципа, особенно о проблеме «нормативности — ненормативности» уголовно-процессуальных принципов.

М. С. Строгович к признакам принципа в уголовном процессе относит непосредственное нормативное закрепление [16, с. 124]. С этой позицией соглашались А. В. Гриненко [17, с. 191—192], Н. А. Громов [18, с. 6—7] и М. Л. Якуб [19, с. 26].

По мнению Т. Н. Добровольской, принципы закрепляются двояко: большинство выражается в норме, меньшинство вытекает из правовых норм и становится лишь отдельной, составной частью самого принципа [20, с. 16]. С ней согласились В. П. Нажимов [21, с. 7—8; 22, с. 3—4], А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский [23, с. 72—73].

В. Н. Баландин и А. А. Первушина, в целом соглашаясь с этой точкой зрения, отмечают, что соотношение нормы и принципа может выражаться тремя способами: принцип закреплён одной статьёй или одной нормой; принцип закреплён несколькими статьями или системой норм, принцип выражается в нескольких статьях или системе норм; существование принципа всего лишь предполагается исходя из общего смысла закона [24, с. 41].

В. Т. Томин говорит о принципах уголовного процесса как об элементах мировоззрения [25, с. 32].

А. С. Александров, полагая принцип идеей о должном и действительном уголовном судопроизводстве, не видит обязательным закрепление принципа в законе [26, с. 162—164].

По заявлению И. Ф. Демидова на практику влияют идеи — принципы, не содержащиеся в законе [27, с. 137].

Я. О. Мотовиловкер о принципах рассуждает в абстрактном и конкретном смыслах, считая в абстрактном смысле принцип идеей, противопоставленной другой идее, который, в отличие от конкретного, не может быть нарушен, поскольку не имеет обязательной силы [28, с. 8—9].

А. В. Кудрявцева и Ю. Д. Лившиц различают принципы отрасли права и науки. По их мнению, принципы науки — это выводы, подтверждённые совокупностью знаний о содержании и структуре, практической значимости процесса. Тогда, когда они закрепляются в нормах права, они становятся правовыми принципами [29, с. 163].

Мы видим сходство этих точек зрения в необходимости различия происхождения принципов: абстрактных и конкретных, научных и непосредственно правовых.

Мы разделяем позицию В. Н. Бибило, которая отстаивает потребность в наделении справедливости статусом принципа уголовного судопроизводства, т. к. она обладает элементами нормативности. Присутствие нормы-принципа оказывает куда более действенное воздействие на поведение субъектов уголовного процесса [30, с. 12].

Наряду с нормативностью справедливость, являясь принципом права, отвечает и другим требованиям. Она обусловлена объективно [20, с. 30], действует на всех стадиях процесса, несёт в себе идеологическое и воспитательное содержание [31, с. 22], на её основе формируется вся система уголовного процесса [17, с. 191—192].

Ряд учёных являются противниками закрепления справедливости как принципа уголовного судопроизводства, т. к. считают её категорией из области морали и нравственности [32, с. 18], не обладающей свойством процессуальной конструктивности [26, с. 166].

Некоторые учёные занимают иную позицию. Они хотят, чтоб справедливость рассматривалась как цель [33, с. 15] уголовного процесса либо назначение уголовного судопроизводства [34, с. 68—69].

Другие, наоборот, отстаивают необходимость её выделения, придав этому различную форму.

В. М. Бозров определяет законность общим критерием справедливости [35, с. 17—18]. О. И. Рабцевич [36, с. 188—190], как и Л. А. Воскобитова [37, с. 16], говорят, что справедливость уголовного процесса есть соблюдение определённых правил при рассмотрении и разрешении судом дел.

Несмотря на то, что многие учёные отстаивали необходимость в законодательном закреплении справедливости в качестве принципа уголовного судопроизводства, не все из них давали ему определение.

Н. А. Громов пишет о равенстве всех перед законом и судом, целью производства определяет установление истины, в ходе него необходимо всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства, соблюдая пре-

зумпцию невинности и обеспечивая обвиняемому право на защиту [38, с. 17].

Такое мнение у И. Ф. Демидова, который дополняет этот перечень неотвратимостью ответственности [27, с. 146].

В данных определениях не идёт речь о праве граждан на справедливое судебное разбирательство, закреплённом в статье 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в статье 10 Всеобщей декларации прав человека и в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах¹.

Прецеденты судебной практики Европейского суда по правам человека оказали влияние на ряд европейских государств, которые внесли изменения в своё уголовно-процессуальное законодательство. Так, Австрия поправила УПК, в Италии введён в действие новый УПК, Швейцария изменила законодательство о воинских преступлениях и т. д.²

Как норму договорного характера, справедливость в уголовном судопроизводстве определяет Международный пакт о гражданских и политических правах (статья 14)³, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (статья 6)⁴, Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (статья 6)⁵. Российская Федерация все эти договоры ратифицировала.

В силу части 3 пункта «б» статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров, при толковании международного договора учитывается последующая практика его применения.

Состоявшиеся решения Европейского суда по правам человека, в частности, по делам о нарушении статьи 6 Европейской конвенции, занимают важное место в установлении справедливого уголовного судопроизводства в Российской Федерации, для которой они являются обязательными.

Развитию справедливого уголовного судопроизводства способствуют документы Конгрессов ООН⁶ [39, с. 38—40] [40, с. 35—37], резолюции ООН⁷, документы Комитета министров Совета Европы⁸, документы, носящие международный характер и принятые юридической общественностью (Европейская хартия о статусе судей, принятая в Совете Европы 8—10 июля 1998 г. и др.).

¹ Международные акты о правах человека. — М., 2002. — С. 44, 56, 566.

² Права человека: постоянная задача Совета Европы. — М., 1996. — С. 13—14.

³ Международные акты о правах человека: сб. док. — М., 2002. — С. 56.

⁴ Там же. С. 566.

⁵ Справочно-правовая система «Консультант плюс»

⁶ Миланский план действий // Советская юстиция. 1992. № 13—14. С. 38—40; № 15—16. С. 35—37.

⁷ Основные принципы независимости судебных органов, одобренные Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29 нояб. и от 13 дек. 1985 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. — М., 2002. — С. 172.

⁸ Рекомендации № R (94) 12 «О независимости, эффективности и роли судей» // Совет Европы и Россия: сб. док. / Отв. ред. Ю. Ю. Берестнев. — М., 2004. — С. 746—748.

В статье 1 Устава ООН справедливость признаётся основой мирового порядка¹.

Зарубежные государства закрепили принцип справедливости в своих Конституциях. Справедливость как ценность упоминается в Конституциях Испании (статья 1), Македонии (статья 8), Румынии (статья 1)². Справедливость как цель и задача государства отражена в Конституциях Греции (статья 2), Италии (статья 11), Португалии (статья 1), Швейцарии (статья 2)³. Справедливость как принцип государственной деятельности встречается в Конституциях Узбекистана (статья 14), Польши (статья 2)⁴. Принципу справедливости судопроизводства конституционный статус придают основные законы Азербайджана (часть 2 статьи 127), Таджикистана (статья 84), Армении (статья 39), Кыргызстана (часть 2 статьи 85), Хорватии (статья 29)⁵.

Справедливое рассмотрение дела встречается в статье 22 Модельного УПК для стран — участниц СНГ, в статье 17 УПК Республики Армения⁶. Уголовный процесс ФРГ тоже признаёт принцип справедливости, который трактуется в свете решений Европейского суда по правам человека и Верховного суда ФРГ [41, с. 41]. Справедливость в статье 3 Модельного УПК для стран — участниц СНГ и части 1 статьи 8 УПК Республики Казахстан является задачей уголовно-процессуального закона. Справедливое судебное разбирательство обеспечивается УПК штата Техас (статья 1.03) [42, с. 165—166].

Принцип справедливости или равенства официально признан в Уголовно-процессуальных кодексах Казахстана (статья 21), Киргизии и Армении (статьи 16 и 8 соответственно), Молдовы (статья 9).

Необходимость внесения изменений, закрепляющих в главе 2 УПК Российской Федерации такой принцип, как «справедливость уголовного су-

¹ Международные акты о правах человека: сб. док. — М., 2002. — С. 35.

² Конституции государств Европы в 3-х т. Т. 2. / Отв. ред. Л. А. Окунькова. — М., 2001. — С. 49, 434; Конституции государств Европы в 3-х т. Т. 3. / Отв. ред. Л. А. Окунькова. — М., 2001. — С. 63.

³ Конституции государств Европы в 3-х т. Т. 1. / Отв. ред. Л. А. Окунькова. — М., 2001. — С. 646; Конституции государств Европы в 3-х т. Т. 2. / Отв. ред. Л. А. Окунькова. — М., 2001. — С. 105, 748; Конституции государств Европы в 3-х т. Т. 3. / Отв. ред. Л. А. Окунькова. — М., 2001. — С. 537.

⁴ Конституции государств Европы в 3-х т. Т. 2. / Отв. ред. Л. А. Окунькова. — М., 2001. — С. 686; Конституции стран — членов СНГ. Т. 1: сб. док. (в 2-х т.). — Ереван, 2000. — С. 202.

⁵ Конституции стран — членов СНГ. Т. 1: сб. док. (в 2-х т.). — Ереван, 2000. — С. 11, 59; Конституции государств Европы в 3-х т. Т. 3. / Отв. ред. Л. А. Окунькова. — М., 2001. — С. 452.

⁶ Конституции стран — членов СНГ. Т. 1: сб. док. (в 2-х т.). — Ереван, 2000. — С. 68.

допроизводства», часто в той или иной мере затрагивалась многими учёными теоретиками и практиками¹.

Прежде всего, это обусловлено приведением российского законодательства в соответствии с международными актами, в которых справедливость вместе с законностью и демократией является одной из основ правового государства².

Как уже неоднократно отмечалось, в основе справедливости лежит защита прав и свобод человека³. В каждом уголовном процессе происходит проверка отношения государства к правам человека и соблюдения международных правозащитных норм о справедливости суда⁴.

Конституция Российской Федерации от 12.12.1993⁵ упоминает о справедливости только в преамбуле, обращаясь к вере в добро и справедливость. Она не отражает некоторые положения международных договоров о справедливом разбирательстве дела судом компетентным, беспристрастным, независимым и созданным в соответствии с законом.

В главе 2 УПК РФ перечислены принципы уголовного судопроизводства, среди которых справедливость не упоминается.

В то же время встречаются указания на справедливость наказания (часть 2 статьи 6), приговора (часть 4 статьи 226.9, статья 297, статья 389.9) и апелляционного приговора (часть 4 статьи 389.28).

Согласно статье 1 УПК Российской Федерации, порядок уголовного судопроизводства определяется Конституцией Российской Федерации, УПК Российской Федерации, а также общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации.

Законодатель в части 3 этой статьи предупреждает, что если международный договор Российской Федерации установил иные правила, чем преду-

---

¹ Алексеева Л. Б., Ахундова Н. А., Аширова Л. М., Бозров В. М., Бутов В. Н., Быков В. М., Волколуп О. В., Воскобитова Л. А., Громова Н. А., Гуськова А. П., Демидов И. Ф., Зинатуллин З. З., Еникеев З. Д., Искендеров Р. Г., Карякин Е. А., Кудрявцева А. В., Лупинская П. А., Макарова З. В., Москалькова Т. Н., Мурадян Э. М., Муратов Н. Г., Нажимов В. П., Подольный Н. А., Сорокин Л. П., Томин В. Т., Ягофаров С. М. и др.

² Международные акты о правах человека: сб. док. — М., 2002. — С. 770—772, 787—788, 814; Миланский план действий // Советская юстиция. 1992. № 13—14. С. 38—40; № 15—16. С. 35—37.

³ Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29.06.1990 // Международные акты о правах человека: сб. док. — М., 2002. — С. 770—771.

⁴ Международная амнистия: Руководство по справедливому судопроизводству. — М., 2003. — С. 3.

⁵ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.

смотрены УПК Российской Федерации, то применению подлежат правила международного договора.

Эти же положения закреплены в части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации.

Исходя из содержания части 1 статьи 17 и части 1 статьи 55 Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, обладающие преимуществом перед внутригосударственным правом, имеют непосредственное отношение к принципу справедливости в уголовном судопроизводстве.

Общеправовым принципом справедливость признал Конституционный суд Российской Федерации в своём постановлении от 11.05.2005 № 5-П, когда проверял конституционность статьи 405 УПК Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан¹.

Наряду с этим научное сообщество неоднократно рекомендовало законодателю дополнить УПК Российской Федерации положениями о таких принципах, как справедливость, равенство и гуманизм.

Несмотря на эти научно-обоснованные предложения законодатель продолжает их не слышать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гегель Г. *Философия права* / Г. Гегель. — М., 1990. — 256 с.
2. Рабцевич О. А. *Международно-правовое и российское закрепление права на справедливое судебное разбирательство* / О. А. Рабцевич // *Право и политика*. — 2003. — № 2. — С. 88—96.
3. *История государства и права России*: Источники права. Юридические памятники XI—XX в. М., 1995. — 348 с.
4. *Российское законодательство X—XX веков* в 9 т. Т. 8. Судебная реформа / Под ред. О. И. Чистякова. — М., 1987. — 420 с.
5. *Библия*. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе с параллельными местами и словарём. Ветхий завет. — М., 2000. — 540 с.
6. *Коран*. Перевод с арабского акад. И. Ю. Крачковского. — М., 1990. — 372 с.
7. *Теория государства и права*: курс лек. / Под ред. М. Н. Марченко. — М., 1997. — 328 с.
8. Экимов А. И. *Справедливость и социалистическое право* / А. И. Экимов. — Л., 1980. — 120 с.
9. Шабаетов Н. В. *Справедливость — общечеловеческая ценность* / Н. В. Шабаетов. — Лениногорск, 1998. — 42 с.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений* / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М., 1996. — 938 с.

¹ Справочно-правовая система «Консультант плюс».

11. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учеб. пособ. для высш. учеб. заведений / Под ред. В. Г. Стрекозова. — М., 2001. — 465 с.
12. Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования С. С. Алексеев. — М., 1999. — 712 с.
13. Нажимов В. П. Справедливость как принцип правосудия и важнейшее свойство приговора в СССР / В. П. Нажимов // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам: межвуз. темат. сб. науч. тр. — Калининград, 1989. — С. 3—12.
14. Явич Л. С. Общая теория права / Л. С. Явич. — Л., 1976. — 285 с.
15. Макарова З. В., Янин М. Г. Обжалование процессуальных действий и решений в системе принципов уголовного судопроизводства / З. В. Макарова, М. Г. Янин // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвузовский сборник научных тр. — Уфа, 2003 [Электронный ресурс]. — URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru> (дата обращения: 13.04.2020).
16. Строгович М. С. Курс уголовного судопроизводства / М. С. Строгович. — Т. 1. — М., 1968. — 470 с.
17. Гриненко А. В. Система принципов и цель производства по уголовному делу / А. В. Гриненко // Правоведение. — 2000. — № 6. — С. 179—192.
18. Громов Н. А. Правоприменительная деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры, судов / Н. А. Громов. — М., 2000. — 160 с.
19. Якуб М. Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права / М. Л. Якуб. — М., 1960. — 171 с.
20. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса / Т. Н. Добровольская. — М., 1971. — 200 с.
21. Нажимов В. П. Справедливость как принцип правосудия и важнейшее свойство приговора в СССР / В. П. Нажимов // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам. — Калининград, 1989. — С. 3—12.
22. Нажимов В. П. Развитие системы демократических принципов советского уголовного процесса в свете требований новой Конституции СССР / В. П. Нажимов // Вопросы осуществления правосудия в СССР / В. П. Нажимов. — Калининград, 1979. — Вып. 7. — С. 3—13.
23. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / Под ред. А. В. Смирнова. — СПб., 2004. — 697 с.
24. Баландин В. Н., Павлушина А. А. Принципы юридического процесса / В. Н. Баландин, А. А. Павлушина. — Тольятти, 2001. — 150 с.
25. Томин В. Т. К вопросу о понятии принципа советского уголовного процесса / В. Т. Томин // Избранные труды. — СПб., 2004. — 586 с.
26. Александров А. С. Принципы уголовного судопроизводства / А. С. Александров // Правоведение. — 2005. — № 3. — С. 162—178.
27. Демидов И. Ф. Принципы советского уголовного процесса / И. Ф. Демидов // Курс советского уголовного процесса: Общая часть. — М., 1989. — 640 с.
28. Мотовиловкер О. Я. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса / О. Я. Мотовиловкер. — Ярославль, 1978. — 96 с.
29. Кудрявцева А. В., Лившиц Ю. Д. О понятии принципа в уголовном процессе / А. В. Кудрявцева, Ю. Д. Лившиц // Правоведение. — 2001. — № 4. — С. 162—170.
30. Бибило В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора / В. Н. Бибило. — Минск, 1986. — 152 с.
31. Проценко А. В. Принципы уголовного процесса и критерии их систематизации / А. В. Проценко. — Краснодар, 2005 — 166 с.

32. Якупов Р. Х. Принципы уголовного процесса: лекция / Р. Х. Якупов. — М., 1997. — 448 с.
33. Алимов Т. Т., Громов Н. А., Зейналова Л. М. Понятие и система принципов уголовного процесса по действующему законодательству / Т. Т. Алимов, Н. А. Громов, Л. М. Зейналова // Следователь. — 2002. — № 11. — С. 15—18.
34. Антонов И. А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей / И. А. Антонов. — СПб, 2003. — 236 с.
35. Бозров В. М. О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве / В. М. Бозров // Российский судья. — 2005. — № 4. — С. 15—18.
36. Рабцевич О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: дис. ... канд. юрид. наук / О. И. Рабцевич. — Казань, 2003. — 220 с.
37. Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л. А. Воскобитова. — М., 2004. — 36 с.
38. Громов Н. А. Правоприменительная деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры, судов / Н. А. Громов. — М., 2000. — 160 с.
39. Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ / Пер. с нем. Я. М. Плошкиной, под ред. Л. В. Майоровой. — Красноярск, 2004. — 351 с.
40. Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головкин, Б. А. Филимонов. — М., 2002. — 480 с.
41. Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию / В. Н. Карагодин. — Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1992. — 175 с.

Информация для авторов

1. Сборник научных трудов «Криминалистика: вчера, сегодня, завтра» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук. Выходит четыре раза в год.

2. Все публикуемые материалы проходят рецензирование.

3. Сборник имеет свой раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет главный редактор.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья) должен быть оригинальным (ранее не опубликованным).

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала; заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

11. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

12. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания и на официальном сайте Института в сети «Интернет».

13. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

14. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии в соответствии с тематикой его научной деятельности. К рецензированию также могут быть сотрудники образовательных организаций МВД России, а также других образовательных организаций Российской Федерации. Рецензентами не могут быть научные руководители авторов статей.

15. Члены редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала. Рецензии хранятся в редакции пять лет.

16. Заседание редакционной коллегии журнала проводится в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

17. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

18. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

19. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения.

20. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

21. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

22. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам:

Для опубликования научных статей и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные научные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещённых к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей (пример оформления научной статьи):

1. Требования к объёму статей:

Минимальный объём — семь страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

2. Требования к оформлению печатного текста:

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Сур).

Размер шрифта: 14 кегль.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: **все по 2,5 см.**

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Тире типографское (длинное): проставляется с помощью клавиш Alt+0151 или Alt+Ctrl+ «цифровой минус» в правой части клавиатуры.

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Оформление перечней осуществляется вручную. Список использованных источников и литературы (библиографические ссылки) нумеровать также вручную.

Фотографии, рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и представляются отдельными файлами на электронном носителе в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм). Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации **не предоставлять** как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать). Обязательно наличие подписей под рисунками, названий таблиц.

В заглавии пристатейного списка литературы (он должен быть пронумерован) используют словосочетание «БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ» и помещают его непосредственно после текста статьи. Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46], либо [2, с. 46; 5, с. 113]). В списке использованных источников и литературы приводятся только «литературные» источники, т. е. авторские статьи, книги, статьи из журналов и размещаются **в порядке упоминания в тексте**.

Нормативно-правовые акты, архивные документы, «неавторские» интернет-источники, статистические сборники указываются в постраничных сносках и в **списке литературы не дублируются**. Для сносок используется шрифт Times New Roman (Сур), **размер шрифта — 12, междустрочный интервал — 1**. Если сведения о нормативно-правовых актах полностью приводятся в тексте (т. е. полное название закона/кодекса, дата принятия, номер — Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ), то сноска на них не даётся.

Список использованной литературы оформляется как «**Библиографические ссылки**» в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5—2008.

В конце текста, материалы должны быть обязательно подписаны автором (соавторами) следующим образом: «Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. У авторов нет конфликта интересов, связанных с этой публикацией (если авторов два и более). Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети «Интернет» не возражаю».

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Оригинальность текста должна составлять **не менее 65 %**.

Корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВСИ МВД России.

В начале статьи автор указывает **индекс универсальной десятичной классификации (УДК)**. После этого (без интервала) располагаются данные автора (оформлять личные данные необходимо так, как указано в примере статьи): имя, отчество, фамилия, должность, место работы, учёная степень, учёное звание, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Далее (через один интервал) размещается название статьи: выравнивание по центру, начертание — полужирное, используются заглавные буквы.

После названия статьи (через один интервал) размещается аннотация (**не менее 500 знаков**, включая пробелы). Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в её заглавии; включать малоинформативные формулировки; содержать сведения, отсутствующие в основном тексте (оформлять аннотацию необходимо так, как указано в примере статьи). Затем указываются ключевые слова (без интервала): **5—10 слов, характеризующие проблематику статьи, с красной строки, светлым курсивом, через запятую.**

Далее (через один интервал) дублируются на английском языке данные автора (оформлять личные данные необходимо так, как указано в примере статьи): имя, отчество, фамилия, должность, место работы, учёная степень, учёное звание, (через один интервал) название статьи, аннотация и ключевые слова (убедительная просьба при переводе текста на английский язык **не использовать** онлайн-переводчики, т. к. они некорректно переводят текст, что снижает общее качество работы).

Затем располагается текст статьи (через один интервал), после чего (через один интервал) следуют библиографические ссылки.

3. Требование к указанию научной отрасли:

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), по которым журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук:

12.00.09 Уголовный процесс.

12.00.12 Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. **Отзыв не является рецензией, а лишь помогает рецензенту в работе по оценке научной новизны и значимости результатов исследования.**

5. Требование к соблюдению режима секретности:

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала:

Статья представляется в редакцию в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронная версия может быть направлена в редакцию по электронной почте kvsz@list.ru.

Статьи принимаются к рассмотрению при строгом соблюдении автором(-ами) правил оформления статьи и наличия всех сопроводительных документов. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала. В случае отклонения статьи от публикации редакция направляет автору мотивированный отказ. Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых материалов и не возвращает рукописи.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru.

КРИМИНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Сборник научных трудов

№ 3 (15) 2020

Редактор
А. В. Андреев

Перевод
Н. С. Новолодская

Компьютерная вёрстка
А. А. Шаевич, Е. И. Третьякова, А. В. Андреев

Восточно-Сибирский институт МВД России,
ул. Лермонтова, 110